

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского»

На правах рукописи

Афанасьева Кристина Александровна

**«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНТЕРЕС В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
ПОЛИТИКЕ РФ»**

Специальность 5.5.3 – Государственное управление и отраслевые политики
(политические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук,
профессор
Шестов Николай Игоревич

Саратов, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Особенности интереса постсоветского государства к участию в образовательной политике	
1.1. Политико-идеологический интерес государства к управлению реформами в сфере российского образования	24
1.2. Настоящее и будущее политико-экономического интереса государства как субъекта образовательной политики.	66
Глава 2. Новая стратегия участия государства в совершенствовании системы российского образования	
2.1. Возможности адаптации «Болонской системы» к изменениям в ценностных ориентирах государственной политики	108
2.2. Будущая «суверенная система образования» как политико-управленческий интерес государства	153
Заключение	191
Список использованных источников и литературы	197

Введение

Актуальность исследования. Российское образование сегодня столкнулось с серьёзным вызовом. Это вызов и его нынешнему существованию в качестве системы, обеспечивающей воспроизводство человеческого капитала в нашей стране. Это вызов его будущему в качестве инструмента реализации суверенных интересов гражданского общества и государства. Для специалистов, давно предрекавших нежизнеспособность образовательных институтов и практик, принесённых извне на нашу почву, этот вызов не стал неожиданностью. Неожиданной оказалась острота этого вызова. Нарастающая экономическая, правовая, культурная и даже военная конфронтация Российской Федерации с «коллективным Западом» очень зримо поставила крест на последних надеждах сделать участие нашей страны в Болонском процессе инструментом её интеграции в сообщество наиболее благополучных европейских либеральных и рыночных демократий. Крест тем более очевидный, что материальное, правовое и политическое состояние самих этих демократий сегодня выглядит совсем не так благополучно, как оно выглядело ещё пару десятков лет тому назад. Государства, опыт решения которыми проблем общества (включая проблемы культуры и образования) был в конце минувшего и начале нынешнего столетий так привлекателен для российских либеральных реформаторов, сегодня столкнулись с миграционным кризисом, с необходимостью урезания финансирования различных социальных программ. В образовательной сфере они столкнулись с нехваткой «... новой идеи в образовательной сфере, которая могла бы содействовать решению проблем, поддержать процесс интеграции и создания единого европейского образовательного пространства»¹.

Новые обстоятельства потребовали перемен в мотивации участия государственных структур в управлении образовательной сферой и её

¹ Калинина Е.Ю. Современное состояние образования в Европе: вызовы и проблемы // *Universum: Вестник Герценовского университета*. 2012. №2. С. 71-77 / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-obrazovaniya-v-evrope-vyzovy-i-problemy/viewer> (дата обращения 20.06.2023).

реформировании. В этой части механизма государственного управления российским образованием сложилась ситуация, чреватая большими рисками для будущего этого механизма, а также образовательной системы, в целом. Мотивы интеграции в глобальное образовательное пространство и обеспечения саморазвития личности сегодня, фактически, утратили свою значимость. Они отошли на второй план в сравнении с задачами защиты российских национально-государственных интересов и суверенитета. Тем не менее, именно эти мотивы продолжают фигурировать в основных нормативных документах, официально определяющих смысл и цель государственного управления разработкой и реализацией образовательной политики. Одновременно, в полном противоречии с этими документами, представители федеральной исполнительной власти сегодня публично заявляют о необходимости отказа от следования в российской образовательной политике болонским канонам и перевода развития наших школ и вузов в некое суверенное русло развития. Эти заявления означают, что государство более не намерено связывать свои долгосрочные интересы с дальнейшими экспериментами по простому копированию зарубежного, европейско-североамериканского опыта образовательной политики. Но тогда с какой новой стратегией государство намерено эти свои интересы связать и в чём, собственно, будет состоять новое суверенное качество российской образовательной системы?

Суверенность любой социальной практики, участие в управлении которой принимает государство, определяется мерой фактической представленности в ней национально-государственных интересов. Большое значение, при этом, имеет то, насколько эти интересы сформулированы понятно для всех участников данной практики, насколько реалистичными и обоснованными они выглядят. Если следовать этой логике, то за нынешними официальными декларациями о необходимости сменить курс государственной образовательной политики и сосредоточить все усилия на создании суверенной системы образования должна была бы последовать столь же официальная конкретизация задачи. Должны были бы появиться разъяснения того, какой

должна быть суверенность российских школ и вузов, чтобы она пошла на пользу интересам государства и общества, а не во вред.

Разъяснений пока не последовало. Возможно потому, что и в других сферах своей активности сама российская власть со своими интересами ещё сама не до конца определилась. Весь она уже более десятка лет действует в состоянии тонкого идеологического баланса. Для решения одних задач государственного управления институты этого управления используют типично либеральные мотивации, исходят из соображений приоритета интересов личности над интересами государства и общества. В решении же других задач опираются на консервативно-патриотические мотивации. А когда решение тех и других задач синхронизируется в рамках осуществления конкретной государственной политики (образовательной, в данном случае), то неизбежной реальностью управленческих действий и стратегического планирования становятся неопределённости с интересами государства, которые должны воплотиться в таких действиях и планах.

Отсутствие ясно выраженной официальной позиции превращает сегодня государственный интерес к участию в образовательной политике и к управлению дальнейшими изменениями в ней большой и сложной проблемой. Настоящая диссертация содержит анализ этой проблемы, а также тех рисков, с которыми может столкнуться государственное управление развитием образовательной сферы в случае попыток эту проблему игнорировать, либо использовать половинчатые её решения.

Состояние разработанности проблемы государственных интересов в сфере управления образовательной политикой

Нашему исследованию предшествовало появление целого ряда диссертаций, так или иначе затрагивавших проблематику интереса государства к инициированию образовательных реформ, а также к определению стратегии и тактики их реализации.

В процессе подготовки своего исследования первостепенное внимание мы уделили докторским диссертациям². Потому, в первую очередь, что их практическим результатом является концептуализация основ государственной образовательной политики, системная характеристика включенности в неё различных институтов управления и различных политических и не политических интересов её субъектов. В основе концепции, отстаиваемой авторами, лежит их представление о государственной политике и государственном управлении, как предельно рационально устроенном и функционирующем механизме. Если в этом механизме возникают проблемы и сбои, то это результат действия человеческого фактора, либо следствие недостаточной настроенности управленческих механизмов. Вопрос о причинах, по которым на протяжении трёх последних десятилетий государству никак не удаётся донастроить эти механизмы, авторы этой концепции оставили без ответа.

Большой вклад в разработку проблемы влияния государственных интересов на развитие системы образования внесли авторы кандидатских диссертаций, защищённых в предшествующие годы³. Нашими

² Булаев Н.И. Государственное управление развитием системы отечественного образования. Специальность: 13.00 08 - Теория и методика профессионального образования (педагогические науки). Диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук. Санкт-Петербург 2007. 390 с. / URL: <https://www.dissercat.com/content/gosudarstvennoe-upravlenie-razvitiem-sistemy-otechestvennogo-obrazovaniya> (дата обращения 01.05.2021); Реморенко И.М. Государственно-общественное регулирование образования: инновации и тенденции развития. Специальность: 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования Диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук Москва 2019. 515 с. / <file:///C:/Users/User/Downloads/диссертация%20Реморенко%20И.М..pdf> (дата обращения 02.05.2021).

³ Луценко Н.О. Механизмы формирования и реализации государственной политики России в области высшего образования. Диссертация на соискание учёной степени кандидата политических наук. Специальность 23.00.02 - Политические институты, процессы и технологии. Москва, 2018. 149.с. / URL: <https://www.dissercat.com/content/mekhanizmy-formirovaniya-i-realizatsii-gosudarstvennoi-politiki-rossii-v-oblasti-vysshego> (дата обращения 16.12.2021); Алашкевич М.Ю. Управление результативностью государственных учреждений высшего образования на основе партнерских моделей. Специальность: 5.2.6. Менеджмент. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Москва, 2023. 144 с. / URL: https://mgimo.ru/upload/diss/2023/alashkevich-diss.pdf?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения 16.12.2021); Князева О.А. Государственное управление в сфере образования Российской Федерации (90-е гг. XX века). Специальность: 07.00.02- Отечественная история. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата

предшественниками был осуществлён анализ замысла образовательных реформ, оценена эффективность вложения в них значительных материальных и человеческих ресурсов. Ими были спрогнозированы положительные и отрицательные последствия интеграции российского образования в «мировое образовательное пространство». Эта, проделанная ранее исследовательская работа, подвела нас к пониманию необходимости продолжить изучение участия государства в образовательной политике в принципиально важном, на наш взгляд, направлении. А именно, выяснить, насколько проблемы и риски, с которыми столкнулась образовательная государственная политика в минувшие три десятилетия, возникли случайно. Потому что трудно поверить в случайное стечение обстоятельств там, где те или иные процессы должны находиться и находятся под постоянным контролем государственных структур управления. Это правило справедливо, по нашему убеждению, и по отношению к процессам, происходящим в образовательной сфере.

Свой поиск источника проблем и рисков мы сверяли с фактическими данными и оценками, которые текущим изменениям в государственной

исторических наук. Москва, 2007 30 с. / <https://cheloveknauka.com/v/200941/a/?#?page=30> (дата обращения 16.12.2021); Лаптева Н.В. Региональные особенности реализации государственной политики в сфере высшего образования в Российской Федерации. Специальность: 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки). Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Саратов, 2023. 223 с. / URL: https://www.sgu.ru/sites/default/files/dissertation/2023/04/14/dissertaciya_lapteva_n.v.pdf (дата обращения 20.03.2024); Бурангулов Э.Р. Государственная политика в сфере высшего образования современной России: этапы и особенности. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Специальность: 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии. Уфа, 2019. 192 с. / URL: <https://www.dvfu.ru/upload/medialibrary/757/Бурангулов%20Э.Р.%20Дисс.%202013.06.19.pdf> (дата обращения 16.12.2021); Соловьева Е.О. Государственная политика в сфере общего образования: модернизация и перспективы развития. Специальность: 23 00 02 - Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии. Диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Санкт-Петербург, 2009. 202 с. / URL: <https://www.dissercat.com/content/gosudarstvennaya-politika-v-sfere-obshchego-obrazovaniya-modernizatsiya-i-perspektivy-razvit/read> (дата обращения 16.12.2021); Кузьмин А.Е. Государственная политика в области образования в современной России: перспективы развития и методы разработки. Специальность: 23.00.02 - Политические институты, процессы и технологии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Ярославль 2012. 221 с. / URL: <https://www.dissercat.com/content/gosudarstvennaya-politika-v-oblasti-obrazovaniya-v-sovremennoi-rossii-perspektivy-razvitiya>-(дата обращения 16.12.2021).

образовательной политике давали авторы научных публикаций, вышедших в нашей стране в разные послесоветские годы. Это публикации, посвящённые обобщению отечественного и зарубежного опыта разработки стратегий государственного участия в образовательной политике, а также анализу ресурсной базы и фактических результатов образовательных реформ в нашей стране. Предметом нашего внимания было присутствие в аналитических рассуждениях авторов таких публикаций проблематики государственного интереса. За три послесоветских десятилетия почти непрерывных реформ системы образования в нашей стране отечественными специалистами было подготовлено и опубликовано немало научных исследований, посвящённых различным аспектам теории и практики послесоветской государственной образовательной политики. Был, таким образом, накоплен определённый опыт анализа, критики и прогнозирования процессов, происходящих в этой сфере. От оценки свойств этого опыта мы отталкивались при постановке задач нашего диссертационного исследования.

Наши предшественники в деле изучения текущего состояния и перспектив российской образовательной политики неоднократно делали предметом своего внимания национально-государственные интересы. Те, которые, по логике вещей, должны лежать в основании любого управленческого решения, связанного с разработкой и реализацией реформ в образовательной сфере. В частности, в предшествующее время анализ этих интересов, в связи с проблемой оптимизации технологий и механизмов государственного управления, а также их концептуализация были осуществлены в публикациях О. Тумановой, И.Н. Правкиной, Б.Б. Бидовой⁴. Упомянутые авторы публикаций,

⁴ Туманова О. Национальные интересы в современном демократическом государстве / В сборнике: Общество и этнополитика. Материалы Второй Международной научно-практической Интернет-конференции. СибАГС; под редакцией Л. В. Савинова. 2009. С. 121-123. / URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23413978_17153146.pdf (дата обращения 21.06.2022); Правкина И.Н. Оптимизация взаимодействия государства и гражданского общества как национальный стратегический интерес современного Российского государства // Вестник Московского университета МВД России. 2022. №5. С. 213-216 / URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49803361_38587472.pdf (дата обращения 21.06.2022); Бидова Б.Б. Концепция национальных интересов в современной теории государства и права //

как и многие другие политологи и юристы в ту пору, главное внимание уделяли поиску и нахождению соответствий российских национально-государственных интересов тем «глобальными вызовам» и «общемировым трендам». Соответствия эти, по мысли исследователей российских национально-государственных интересов, были условием прогресса российской политики.

Этот общий ракурс анализа государственных интересов повлиял на подходы исследователей к изучению такого частного случая проявления данных интересов, как участие государства в разработке образовательной политики и управлении ею. В публикациях Т.Е. Давыдовой и А.М. Бобыло, в совместной публикации Г.А. Ключарёва и И.Н. Трофимовой, в теоретической политико-философской статье А.И. Демидова, а также в научных докладах С.В. Лихачёва, А.А. Чекулаева, Е.О. Ашихиной прослеживается стремление авторов разными теоретическими и фактическими аргументами обосновать одну ключевую идею⁵.

Международный научно-исследовательский журнал. 2021. №1-4(103). С. 63-68 / <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-natsionalnyh-interesov-v-sovremennoy-teorii-gosudarstva-i-prava> (дата обращения 21.06.2022).

⁵ Давыдова Т.Е. «Мягкая сила» образования в системе национальных экономических интересов современного государства / В сборнике: Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы VIII Международной научной конференции. Донецк, 2023. С. 133-135 / URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54978727_88370644.pdf (дата обращения 01.04.2023); Бобыло А.М. Образование как главный фактор в обеспечении национальных интересов государства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2018. Т. 18. № 2. С. 217-224 / URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35203258_16539285.pdf (дата обращения 01.04.2023); Ключарев Г.А., Трофимова И.Н. Гражданское образование: в интересах индивида, общества, государства // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. 2016. №1. С. 87-105 / URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36939079_57363107.pdf (дата обращения 01.04.2023); Демидов А.И. Образовательная политика: между традицией и новацией // Вестник Поволжского института управления. 2016. №6(57). С. 86-95 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27666970_22416970.pdf (дата обращения 05.04.2023); Лихачёв С.В. образование на защите интересов государства / В сборнике: Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы III Международной научной конференции. Под общей редакцией С.В. Беспаловой. 2018. С. 22-25 / URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36505025_17199838.pdf (дата обращения 05.04.2023); Чекулаев А.А. Модернизация высшего образования в России в контексте защиты национальных интересов государства / В сборнике: Инновации в обществе. Сборник статей. Орел, 2017. С. 72-75 / URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30089902_29302651.pdf (дата обращения 05.04.2023); Ашихина Е.О. Национальные интересы государства в расширении возможностей для получения качественного образования / В сборнике: Интеграция науки в условиях глобализации и цифровизации. Материалы XIII Международной

А именно, важность того, чтобы главный интерес современного Российского государства в управлении образовательной сферой состоял бы в приведении этой сферы к состоянию, соответствующему «мировому опыту» образовательной политики. При этом, и уже упомянутые, и другие авторы, пишущие на тему образовательной политики, не чужаются критики стратегии и тактики реформирования образовательного процесса в отечественных школах и вузах, а также критики государственных институтов, контролирующих этот процесс⁶. Но смысл критики специфичен. Он в том, что наше государство, заявив о намерении интегрировать российское образовательное пространство в пространство «мировое», все послесоветские годы действовало недостаточно последовательно, отдавая предпочтение компромиссным решениям.

Направленность претензий исследователей образовательной политики к государству, как её главному вдохновителю и организатору, изменилась только после 2022 г. Изменилась по той причине, что с этого момента очевидной стала бесперспективность надежд на скорое и органичное включение российского образования в соответствующие процессы, идущие в образовательной сфере стран «коллективного Запада». Исследователи стали больше рассуждать в том направлении, что стратегия и тактика государственной образовательной политики должны быть, как минимум, дифференцированными. Государству,

научно-практической конференции: в 2 ч. Ростов-на-Дону, 2021. С. 479-483 / URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46972199_23777902.pdf (дата обращения 05.04.2023).

⁶ Гуторов В.А. Политика и образование: историческая традиция и современные трансформации // ПОЛИС. Политические исследования. 2015. №1. С.9-29 / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskoe-obrazovanie-i-universitetskaya-traditsiya> (дата обращения 26.03.2022); Осипов А.М. Рыночные механизмы – социальный тупик российского образования // Высшее образование в России. 2019. Т.28. №5. С.63-72 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_37622184_49318368.pdf (дата обращения 26.03.2022); Булдаковский Е.С. История идеологии образования: общность интересов государства и университетской науки / В сборнике: Образование и социальная динамика. Сборник научных трудов VIII международной научно-теоретической конференции, посвященной памяти доктора философских наук, профессора Т.Н. Брысиной. Под редакцией М.П. Волкова. Ульяновск, 2022. С. 381-383 / URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54129483_50727364.pdf (дата обращения 13.11.2023). Антюхова Е.А. Акторные модели глобальной образовательной политики // ПОЛИС. Политические исследования. 2020. №3. С.158-168 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_42870150_31778695.pdf (дата обращения 26.03.2022).

иначе говоря, не повредит, если оно будет стремиться не допустить, чтобы всё, чем оно управляет внутри страны, отставало бы от зарубежных образцов. Государству, в то же время, повредит другое. А именно, игнорирование собственных специфических политических, экономических и культурных интересов жёсткой взаимной конкуренции современных национальных государств⁷.

Такой дифференцированный подход к изучению мотивов, побуждающих государство участвовать в стратегическом планировании и текущем управлении делами российского образования, побудил отечественных специалистов больше внимания уделить анализу конкретных совокупностей государственных интересов. Во-первых, интересов политико-идеологических, связанных с заботой государства о воспитании граждан, лояльных его задачам его внутренней и внешней политики⁸. О важности присутствия идеологических

⁷ Панасюк Е.А. Согласование интересов государства и общества в аспекте института образования / В сборнике: Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета. Под общей редакцией С.В. Беспаловой. Донецк, 2022. с. 288-291 / URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_50161664_51363198.pdf (дата обращения 14.11.2023); Жуков В.И. Российский образовательный суверенитет: преодоление девиаций и формирование новой государственной политики (историко-правовой анализ) // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2023. Т. 18. №4. С. 54-77 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_54616098_40382363.pdf (дата обращения 16.11.2023); Концевич Г.Е., Сивак С.С. Особенности государственного управления в сфере образования в России / В сборнике: Университетские чтения - 2023. Материалы региональной межвузовской научно-практической конференции. Пятигорск, 2023. С. 146-152 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_64235389_63558022.pdf (дата обращения 16.11.2023); Варлен М.В. Научно-образовательное пространство и суверенное будущее Российского государства // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. №10(155). С. 87-94 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_54727087_56730019.pdf (дата обращения 21.01.2024); Слепцова И.Ф. Суверенитет и гуманитарная составляющая образования // Педагогическое образование и наука. 2023. №5. С. 7-12 / https://elibrary.ru/download/elibrary_59887334_43414590.pdf (дата обращения 21.01.2024).

⁸ Богатырёв В.В. Идеология образования - основа государственной безопасности // Вестник Владимирского юридического института. 2023. №1(66). С. 116-119 / URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_50390084_87186868.pdf (дата обращения 12.02.24); Шумихина М.Н. Идеология и образование: вместе и навсегда, или зачем образованию нужна государственная идея // В сборнике: Университет XXI века: старые парадигмы и современные вызовы. Материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции. Редакционная коллегия: Л.А. Закс, Л.А. Мясникова, С.Д. Балмаева, Г.А. Брандт, А.В. Дроздова, С.А. Мицек, Н.В. Хмелькова. 2015. С. 402-404 / URL:

мотиваций в ряду ориентиров функционирования отечественной системы общего и высшего образования специалисты говорили уже с конца первого десятилетия нынешнего века. К этому времени стали очевидны негативные последствия «деидеологизации» учебного и воспитательного процессов в образовательных учреждениях. Со временем суждения исследователей на эту тему становились всё более аналитичными. Возможно потому, что проблема заключалась даже не в выборе той или иной идеологии на роль идеологии образовательной политики. С этим выбором должно было определяться само государство. Главный вопрос заключался в возможности каким-то образом обойти известную статью Конституции РФ, прямо накладывающей запрет на существование в стране какой-либо официальной идеологии. С фактом существования этого запрета исследователи связали «фрагментарность идеологии» государственной образовательной политики⁹.

Во-вторых, интересов социально-экономических, продиктованных необходимостью для России поддерживать оптимальную динамику модернизационных процессов в этой сфере¹⁰. Экономическая сфера заметно

https://elibrary.ru/download/elibrary_23942483_87186868.pdf (дата обращения 14.12.2022); Долгая О.И. Мировые тенденции в общем образовании: новая идеология образования и изменение психолого-педагогических подходов к обучению // Педагогический журнал Башкортостана. 2019. №6(85). С. 32-39 / URL:

https://elibrary.ru/download/elibrary_41807066_42385995.pdf (дата обращения 14.12.2022); Гончаров С.З., Кленов Л.А. Образование России нуждается в идеологии креативности / В сборнике: Креативные основы гуманитарного образования. Сборник научных статей по материалам 10-й Всероссийской научно-практической конференции. Российский государственный профессионально-педагогический университет; Редколлегия: С. З. Гончаров (отв. ред.), Ю. П. Андреев, Е. В. Попова (отв. за вып.). 2013. С. 7-35 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26402015_59964120.pdf (дата обращения 14.12.2022);

Бобков А.И. Образование без идеологии, или конец идеи университета // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. С. 178-181 [C:\Users\User\Downloads\№1\(61\)](C:\Users\User\Downloads\№1(61)) / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_52497919_29746224.pdf (дата обращения 23.03.2024).

⁹ Калмычкова Е.Н. Проблемы и перспективы развития образования в России. 2010. №6. С. 401-407 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20584985_67561166.pdf (дата обращения 08.07.2022).

¹⁰ Сукпарова К.С., Паламарчук Е.А. Проблема обеспечения технологического суверенитета России в условиях западных санкций / В сборнике: Актуальные проблемы науки в исследованиях студентов, ученых, практиков. Сборник научных статей по результатам

менялась на протяжении послесоветского времени и в плане принципов организации, и в плане запроса на квалификацию своих акторов. Это давало исследователям основание говорить о новых потребностях государства и общества и об обязанности образовательных учреждений эти потребности удовлетворить.

В рассуждениях специалистов о политико-идеологических и политико-экономических интересах Российского государства мы заметили одну общую тенденцию. Она и стала для нас главным аргументом в пользу необходимости выяснить: существует ли в реальности у государства какой-либо оформленный и публично продекларированный собственный интерес к участию в реформировании системы образования, и что, собственно, этот интерес собою представляет. По нашему наблюдению авторы, изучавшие процесс осуществления государством руководства образовательной сферой, каждый раз делали предметом исследования не реально существующий и публично озвученный государственный интерес в его политическом и экономическом измерениях. Предметом анализа становились их собственные, основанные на их научном и педагогическом опыте, а также их гражданской позиции, представления о том, **каким должен быть государственный интерес к активному участию в образовательной политике.**

Объектом настоящего диссертационного исследования являются действия субъектов образовательной политики (нормотворческие практики и публичные дискуссии) направленные на обоснование и критику стратегии и тактики государственной образовательной политики в части её главного фактора – государственного интереса, .

Международной научно-практической конференции. Ижевск, 2023. С. 1595-1601 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_54185405_17933175.pdf (дата обращения 23.03.2024);

Гусаров А.С. Взаимодействие власти и общества при формировании государственной научно-технической политики РФ в современных условиях: системно-динамический подход // Общество: политика, экономика, право. 2023. №10(123). С. 25-30 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_54689512_15477731.pdf (дата обращения 23.03.2024).

Предметом исследования являются политические проблемы и риски, связанные разработкой, публичным обсуждением и управлением реализацией государственной образовательной политикой в РФ в послесоветский период.

Диссертация имеет своей целью доказать, что в течение всего послесоветского периода и до настоящего времени главным фактором, негативно влияющим на результативность усилий Российского государства по управлению образовательной политикой, её разработкой и реализацией, является неформулированность его конкретных идеологических и экономических интересов к затратам сил, времени и ресурсов на участие в этом деле.

Задачи:

1. Выявить содержательные и структурные противоречия в публичных правовых и политических дискурсах, посредством которых сегодня государство презентует остальным субъектам российской образовательной политики свой идеологический интерес к активному руководящему участию в ней.

2. Обосновать необходимость принципиального изменения политико-экономических мотиваций управленческих усилий государства в образовательной сфере в направлении их приближения к нынешним его внешнеполитическим и внутривнутриполитическим интересам.

3. Доказать, что дальнейшие попытки приспособить Болонскую систему образования к новым потребностям российских политики, экономики и культуры неизбежно будут блокировать возможность приобретения в дальнейшем отечественным образованием суверенного качества.

4. Осуществить прогнозирование проблем и рисков, с которыми государственные структуры управления образованием могут столкнуться в процессе создания суверенной российской системы образования по причине неопределённости и даже конфликта представлений управленцев, педагогических работников и рядовых граждан о суверенности, как искомом качестве отечественного образования.

Гипотеза исследования. Исходным для нашей работы было предположение, что длительность и низкая продуктивность властно-

общественной дискуссии по вопросам настоящего и будущего отечественной образовательной политики имеет не только субъективную, но и объективную причину. Иначе говоря, споры продолжаются уже три десятка лет не только потому, что их участники **не хотят** понять и принять позиции друг друга, чтобы затем прийти к консенсусу. Все дело в том, как мы предположили, что они **не могут** понять друг друга. Следствием непонимания является осуществление государственного управления системой среднего и высшего образования в режиме бесконечного её реформирования. Причина взаимного непонимания в том, что государственные структуры, отвечающие за управление школами и вузами, до настоящего времени не выполнили важную для любого субъекта управления функцию – не сформулировали понятным и однозначным образом для себя самих и для большинства рядовых граждан, а также для педагогического сообщества страны, в чем, собственно, состоят те политико-идеологические и политико-экономические государственные интересы, ради реализации которых государство разрабатывает образовательную политику, руководит ею и вкладывает в неё значительные ресурсы, где находится финальная точка образовательных реформ, длящихся уже три десятка лет. Перманентная неопределённость в этом вопросе, ключевом для будущего российской системы образования и будущего Российского государства, возникла, как можно предположить, по следам общей идеологической двойственности постсоветской внутренней государственной политики. А именно то, что, в одной своей части, эта государственная политика сохраняет либеральную ориентацию, тогда как в другой части становится в последнее десятилетие всё более консервативно-патриотической. Государственное управление российским образованием и весь процесс его реформирования оказались, в этой ситуации, практикой, образно говоря, «посаженной между двух стульев», Использовать это её положение, как стартовое, для придания российскому образованию суверенного качества, это означает, вполне вероятно, запрограммированное повторение результатов эксперимента с Болонской системой.

Необходимость проверить данную гипотезу определила наш выбор **методологии**. В основу методологии диссертационного исследования мы положили своё понимание того, что собою представляет сегодня интерес национального государства, каковым является РФ, к руководящему участию в политических и культурных процессах, к управлению ими. И, соответственно, своё представление о том, каким должен быть политологический подход к изучению такого интереса.

В минувшие годы в отечественной политической науке, по нашему наблюдению, обозначились два ракурса изучения этого интереса. Один ракурс подразумевает, что изучать конкретные интересы современного государства, в том числе касающиеся вопросов внутренней политики и организации управления их решением, следует в контексте глобализации. То есть, как интересы, суть и направленность которых определяет участие национального государства во всевозможных (мировых, прежде всего) интеграционных процессах.

Мы при написании диссертации руководствовались другим пониманием ситуации в мире и другим представлением о сути государственных интересов. Мы исходили из того, что в современном мире разные государства реализуют, как глобалистские, так и антиглобалистские стратегии развития в политике, экономике и культуре. Возникает, соответственно, конкуренция таких стратегий на мировом уровне. А также конкуренция разных группировок властных элит внутри государств за реализацию во внутренней политике именно той стратегии развития, которая представляется им единственно правильной и ведущей страну к успеху в глобальной гонке за лидерство. Государственный интерес, как он официально презентуется элитой своим согражданам, представляет собой, по смыслу и по формулировкам, продуктом такой конкуренции. Он изначально неоднороден и даже противоречив. Чтобы охарактеризовать его нынешнее состояние в России и прогнозировать вероятные перемены в нём в будущем, в дискурсах властных элит по вопросам внутренней политики (в нашем случае – вопросам развития отечественного образования) и в ответных реакциях

общества на позицию властей, мы стремились выявить определённые тенденции и относительно устойчивые связи наиболее значимых, на наш взгляд, понятий, формулировок, аргументов.

Мы в методологии исследования руководствовались двумя соображениями. Во-первых, тем, что конкурентный успех той или другой стратегии (особенно, когда речь идёт о таких важных для большинства граждан проблемах, как развитие системы образования и государственное управление таким развитием), определяет готовность общества действовать в согласии со своей управленческой и политической элитами. Готовность же эта прямо зависит от четкости формулировок и непротиворечивости аргументов, при помощи которых элита презентует обществу свою стратегию. Только при соблюдении этого условия, стратегия изменений в образовательной сфере может быть принята обществом. В настоящем исследовании мы будем анализировать государственный интерес на предмет его нынешнего состояния и перспектив, как, прежде всего, интерес к достижению взаимопонимания и солидарности между властью и обществом.

Во-вторых, в своём исследовании мы исходим, также, из того, что в обстановке растущих внешних угроз Российскому государству его интерес к участию в образовательных реформах и созданию суверенной системы высшего и среднего образования тесно переплетается с интересом к идеологическому, экономическому и технологическому суверенитету. Можно даже сказать, что проблемы экономико-технологического и воспитательно-идеологического характера сегодня жёстко начинают склонять элиты к выбору антиглобализационной стратегии развития страны, в том числе, в вопросах разработки и реализации образовательной политики.

Вместе с этим, частью государственного интереса к реформированию образовательной сферой становится выбор ресурсов и способов демонтажа Болонской системы, как наследия глобалистской, по своей сути, либеральной образовательной политики минувших послесоветских десятилетий. Государство вынуждено беречь и перераспределять на нужды защиты от внешних угроз свои

и общества материальные средства. Ему на выходе из образовательных учреждений нужны не просто специалисты, а сознательные и лояльные государственным и общественным интересам граждане.

Поэтому интерес государства к управлению образовательной сферой мы в своём исследовании сочли необходимым исследовать **по двум направлениям: как интерес политико-идеологический и интерес политико-экономический.**

Политико-идеологическим мы называем интерес государства к максимально полному и последовательному согласованию идейно-ценностных ориентиров всех субъектов образовательной политики с его, государства, стратегическими целями и тактическими задачами. Политико-экономический интерес, это, по нашему мнению, интерес институтов государства, направляющих образовательную политику, к достижению максимальной эффективности (в экономическом смысле) функционирования отечественной системы образования в условиях российского рынка труда, товаров и услуг.

Всеми выше высказанными соображениями продиктован выбор дискурсивного анализа, в качестве одного из главных методов интерпретации информации, полученной нами из разнообразных источников. Этот метод позволил обнаруживать связи/противоречия в смыслах властных и общественных публичных дискурсов. Для нашего исследования важно было оценить состояние того понятийного аппарата, при помощи которого государственные структуры, ответственные за разработку и осуществление образовательной политики, пытаются донести до гражданского общества государственные интересы. Для интерпретации такой информации и оценки возможностей её использования в коммуникациях между властью и обществом по вопросам образовательной политики, нами был применён семантический метод исследования. Мы применили его для выявления смыслов, которые субъекты образовательной политики вкладывают в те или иные понятия, актуальные для их устойчивой коммуникации, а также для оценки «прочитаемости» таких смыслов массовым сознанием.

Кроме того, для выявления точек соприкосновения интересов государства и общества в образовательной политике, а также точек их конфликта был использован метод экспертного опроса. В роли экспертов выступили вузовские и школьные работники, непосредственно сталкивающиеся с проблемами организации учебного и воспитательного процесса, а также со множеством бюрократических проблем.

Позитивные и критические оценки, данные нами трудам своих коллег-политологов, а также отечественным практикам участия институтов государства в образовательной политике, опираются, во многом, на многолетний личный опыт работы в системе среднего образования в качестве школьного учителя, а теперь директора общеобразовательной средней школы. Эти оценки опираются также на исследовательские компетенции, приобретенные в процессе обучения в аспирантуре Поволжском институте управления им. П.А. Столыпина (филиал РАНХ и ГС), а также в качестве соискателя на кафедре политических наук Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

Положения, выносимые на защиту: Результатом анализа в настоящей диссертации различных аспектов интереса Российского государства к активному управлению образовательной политикой, а также к инициированию новаций в её стратегии и тактике, стали следующие положения, которые мы выносим на защиту:

1. Мы согласны с мнением тех исследователей проблем российского образования, которые определяют его состояние как кризисное. Финансовая и кадровая составляющие этого кризиса важны, но не они главный источник проблем, они следствие другого обстоятельства. А именно, противоречий в самой нынешней идеологии российского образования, а также стратегии государственного управления его развитием. Намерение российских властей бросить эксперименты с Болонской системой и создать в стране некую суверенную систему образования прямо подтверждает ключевую роль идейного кризиса нынешней образовательной политики. Мы, вместе с тем, не

согласны с теми критиками государственных образовательных реформ, которые причину такого идейного кризиса видят в некомпетентности управленцев и в пассивности педагогического сообщества страны. интересами в реализации образовательных реформ. Если бы причина была только в этом, то за минувшие три десятилетия проблема могла быть неоднократно решена административным порядком, то есть, обновлением кадров, совершенствованием правовой базы, оптимизацией моральных и материальных стимулов труда чиновников и педагогов. Проблема до сих пор не решена по причине недоверия главных субъектов образовательной политики – чиновников, педагогов и заинтересованных рядовых граждан – друг к другу, подозрение в намерении нанести вред государству и обществу, лишить Россию будущего. Это недоверие заявляет о себе во всех публичных дискуссиях на тему образовательной политики в научных публикациях, социальных сетях и с высоких трибун. Это тотальное недоверие есть следствие устойчивой идеологической двойственности всей культурной политики Российского государства в постсоветское время. Она, одновременно, и консервативно-патриотическая, и либерально-космополитическая, по своей идейной основе и практическим проявлениям. Управление развитием системы образования находится в центре всей культурной политики государства. Оно аккумулирует эту её идейную двойственность. При принятии конкретных управленческих решений обойти эту двойственность удаётся достаточно просто. А именно так, что официально главным смыслом государственной образовательной политики все минувшие десятилетия объявляется не политический, экономический, либо какой-то другой интерес государства, а исключительно «саморазвитие личности». Причём личности, нацеленной на самореализацию там, где выгодно ей, а не полезно российским государству и обществу. Это привело нас к выводу, что идеологическая двойственность нынешней государственной образовательной политики усугубляется ещё и подавлением в ней мотивов государственного интереса и государственного суверенитета даже не либеральными, а

либертаристскими мотивами превосходства любого личного интереса человека над интересами общественными и государственными.

2. Такая оценка природы кризиса в отечественном образовании побудила нас критически отнестись к довольно распространённым сегодня суждениям тех специалистов, которые выход из кризиса видят, в дальнейшей правовой регламентации деятельности образовательных учреждений, детализации компетенций управленцев и управляемых, в обновлении государственных образовательных стандартов. Такая работа, безусловно, нужна. Но в условиях, когда государство озабочено укреплением своего суверенитета, а стратегия образовательной политики превыше всего ставит успех саморазвития отдельной личности, новые регламенты с большой вероятностью станут лишь новым стимулом к росту уже и без того значительного недоверия субъектов образовательной политики друг к другу. Экспертный опрос вузовских и школьных работников, проведённый нами на завершающем этапе работы над диссертацией, выявил важную, на наш взгляд, деталь – открытое опасение экспертов, что при разработке и осуществлении образовательной политики чиновники всё сведут к умножению и усложнению законов и регламентов, не меняя ничего по существу. Преодоление такого недоверия лежит, на наш взгляд, в плоскости налаживания коммуникаций между упомянутыми субъектами. Взаимное доверие и активность чиновников и педагогов возникнут тогда, когда они будут одинаково трактовать смысл совместно решаемой ими задачи и одинаково будут видеть её в государственном масштабе.

3. Тогда можно будет наполнить конкретным содержанием и инициативу создания в РФ «российской суверенной системы образования». Без такого перевода образовательной политики и управления ею в плоскость первоочередной реализации актуальных государственных интересов новый этап реформ повторит судьбу предшествующего этапа. Предпосылки для мимикрии прежней Болонской системы под новую суверенную систему есть: и субъективные предпосылки (намерение нынешних руководителей образования интегрировать в будущую суверенную его систему «всё лучшее» из системы

Болонской), и объективные (прогнозируемо большие ресурсные затраты на демонтаж Болонской системы). Вместо действительно новой и действительно суверенной системы на свет появится очередная комбинация из фрагментов советского, послесоветского и зарубежного опыта. Как прежние реформы привели к созданию незаконченной, «недоболонской» системы» российского образования, так и последующие реформы могут закончиться созданием «недосуверенной» системы, которая унаследует не всё лучшее, а всё худшее от прежних систем. В этом случае, вместо выхода из кризиса, российское образование столкнётся с новыми, возможно ещё большими, чем сегодня, проблемами. Главный риск, в этом случае, это возникновение у граждан подозрения, что государство, декларируя консервативно-патриотическую направленность своей политики, делает это недобросовестно, что патриотическими лозунгами оно вводит граждан в заблуждение относительно своих реальных, по-прежнему либеральных и космополитических, идеологических установок. Такие подозрения, если государство их допустит, таят в себе риск перерастания кризиса образовательной политики Российского государства в системный кризис легитимности всей его внутренней политики.

4. Реалистичность планов по созданию в нашей стране суверенной и уникальной системы образования зависит, во многом, от того, будет ли при принятии управленческих решений учтён опыт бюрократических экспериментов по насаждению «болонской идеологии» и соответствующих образовательных технологий. Внедрение Болонской системы осуществлялось в минувшие десятилетия в режиме, который, по аналогии с «демократическим транзитом», можно назвать «образовательным транзитом». Сначала копировалась (с неизбежными искажениями) готовая комбинация принципов, технологий и ресурсов, после чего начинался поиск тех проблем, которые с её помощью, якобы, можно чудесным образом решить за несколько дней, месяцев или за пару лет. Не случайно в центре образовательной политики оказались не проблемы государства (их решение требует фактического подтверждения), а проблемы

саморазвития личности, оценить объективно решение которых практически невозможно в силу бесконечности спектра личных интересов граждан.

5. В основу идеологии будущей суверенной системы образования может быть положена идея практической государственной и общественной пользы. Главная польза, на наш взгляд, это достижение того уровня солидарности элит и граждан в вопросе определения ценностных и организационных основ, способов, механизмов и ресурсов внутренней и внешней политики, при котором вмешательство извне в неё наших недоброжелателей потеряет для них весь смысл.

Это возможно в том случае, если в государственной системе образования государственный интерес будет доминировать над интересом индивидуальным. Если академическая мобильность будет трактоваться не как технология экспорта квалифицированных кадров за рубеж, а как технология маневрирования материальными и человеческими ресурсами, осуществляемая Российским государством ради укрепления собственного экономического и политического суверенитета. Если содержание компетенций («знать, уметь, владеть») будет привязано не к задаче формирования у индивида качеств, способных дать ему выигрш в конкуренции с другими индивидами на рынке труда, а к готовности и способности выпускника школы и вуза внести свой вклад в сохранение традиционных российских ценностей, в обеспечение обороноспособности нашего государства, в его экономический и технологический суверенитет, в науку и прогресс культуры. Тогда переход от одной идеологии образовательной политики к другой будет конструктивным, а перспектива появления в нашей стране собственной суверенной системы образования – реальной.

Источники диссертационного исследования.

Для решения поставленных задач нами была сформирована и использована определённая комбинация источников информации. Выбор в пользу этих источников был продиктован тем соображением, что они содержат информацию, во-первых, достоверную, а, во-вторых, позволяющую максимально полно представить весь тот спектр проблем, с которыми сегодня и

завтра придётся иметь дело структурам государственного управления при реализации образовательных реформ. Комплексным источником, характеризующим динамику государственного интереса в образовательной сфере на протяжении трёх послесоветских десятилетий, стали федеральный закон «Об образовании» (в его ранних и нынешней редакциях), а также появившиеся на свет в разные годы концепции и стратегии государственной образовательной политики.

Противоречия в содержании государственного интереса, препятствующие доведению реализации государственного интереса в образовательной сфере до ожидаемого положительного результата, мы выявляли путём анализа официальных, научных, публицистических и «обывательских» (используемых рядовыми гражданами при обсуждении вопросов образовательной политики государства) дискурсов. Основные материалы для изучения свойств этих дискурсов мы брали с различных информационных сайтов (преимущественно официальных), из электронных научных библиотек, из социальных сетей. В этом выборе мы руководствовались тем соображением, что фактором образовательной политики государственный интерес становится в том виде, в каком он доходит до самых разных субъектов этой политики, в тех интерпретациях, какие ему дают учёные, педагоги и родители учащихся. Из различных электронных ресурсов, официальных, научных и частных, мы также брали некоторую обобщённую фактическую (оценочную) информацию, характеризующую результативность постсоветских образовательных реформ. Такого рода информация позволила нам аргументировать свой тезис о невозможности использовать российскую систему образования в её нынешнем состоянии в качестве базы для строительства новой суверенной системы без риска, что новые образовательные реформы не повторят судьбу прежних экспериментов.

На завершающем этапе работы над диссертацией нами был подготовлен гайд и проведён экспертный опрос. В роли экспертов выступили преподаватели московских высших учебных заведений. Выбор экспертов был продиктован тем

соображением, что по роду своей профессиональной деятельности вузовские работники более, чем педагоги в общеобразовательной школе, склонны к обобщённому анализу нынешней ситуации в российском образовании и к тому, чтобы высказывать своё мнение свободно. Опрос имел задачей проверить корректность выводов и оценок, сделанных нами в диссертации. В частности, он позволил нам судить о том, в какой мере приближенность субъектов образовательной политики к центрам принятия управленческих решений, либо удалённость от этих центров, влияют на их отношение к реалиям государственной образовательной политики. Нами анонимно были опрошены эксперты из Москвы и Саратове. Первоначально в круг экспертов мы стремились включить политиков (активистов политических партий), школьных педагогов и вузовских работников. Наиболее активно себя повели эксперты из числа вузовских преподавателей. Последние обладают большими, в сравнении со школьными работниками, навыками анализа социальных и государственных проблем и готовностью к обобщённым суждениям. Поэтому в своей диссертации мы сделали акцент на использовании авторитетных оценок настоящего и будущего российских образовательных реформ, высказанных именно экспертами из числа вузовских преподавателей.

Апробация предварительных результатов диссертационного исследования.

По теме диссертации подготовлены пять публикаций в изданиях, рекомендованных ВАК РФ для апробации результатов диссертационных исследований:

1. Афанасьева К.А. Политические принципы и ценности функционирования российской системы образования: исторический опыт// Вестник Поволжского института управления. –Том 21. № 1. С.91-100.
2. Афанасьева К.А. Политические предпосылки реформирования образования в Российской Федерации // Среднерусский вестник общественных наук. 2021. Т.16. №2. С.139-154.
- 3.Афанасьева К. А. «Суверенное» будущее российского образования как политико-управленческая проблема // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 98-105. DOI: 10.18500/1818-9601-2024-24-1-98-105, EDN: QXCEUO

4. Афанасьева К. А. Политический интерес Российского государства к участию в образовательных реформах: проблема невысказанности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 334-340. DOI: 10.18500/1818-9601-2023-23-3-334-340, EDN: XOAUZS

5. Афанасьева К.А. «Цифра» и суверенность в современной российской образовательной политике» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24. Вып. 2. С.

Результаты нашего исследования отражены также в докладах на научных конференциях:

1. Афанасьева К.А. Современные тенденции и принципы реализации государственной политики в сфере образования в российской федерации / IX Столыпинские чтения. Проблемы научного обеспечения регионального развития и повышения качества жизни граждан России: взаимодействие власти, высшей школы и бизнеса: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию КубГУ / отв. ред. В.М. Юрченко. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020. с.271-275.

2. Афанасьева К.А. политические факторы и риски модернизации системы образования в современной России / Материалы Международной научно-практической конференции X Столыпинские чтения: «Россия в глобальной политике. Национальная безопасность России в контексте вызовов современной эпохи», 2021г.). // Ред.: В.М. Юрченко; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский государственный университет. — Краснодар. С.241-246.

3. Афанасьева К. А. «Идея «суверенизации» российской системы образования: политические риски завышенных ожиданий» / Международная научно-практическая конференция «Государство – молодежи, молодежь – государству», 17 мая 2024 г. Саратов.

4. Афанасьева К. А. «Факторы и политические риски «суверенизации» российского образования» / Всероссийская научно-практическая конференция «Стабильность и турбулентность в мире современной политики: новые условия ценностного выбора российской молодежи», 19 мая 2023 г., Саратов.

Глава 1. Особенности интереса постсоветского государства к участию в образовательной политике.

1.1. Политико-идеологический интерес государства к управлению реформами в сфере российского образования.

В разные периоды истории и в разных странах политико-идеологический интерес государства к участию в создании и развитии системы образования заключался в том, чтобы из стен образовательных учреждений поколение за поколением выходили подданные/граждане, лояльные его интересам. А главное – способные рационально осознать эти интересы и умеющие связать их с собственными планами на жизнь, готовых, по этой причине, к сотрудничеству с институтами управления. В XIX и XX столетиях государствам, чтобы решить эту принципиально важную для них задачу, не раз приходилось реформировать свои системы образования. И в России неоднократно на протяжении этих двухсот лет реформировался порядок функционирования образовательных учреждений, от начальных школ до университетов. При этом, институтам государства, бравшим на себя обязанность руководить такими преобразованиями, обычно приходилось затрачивать усилия, нередко немалые, на разъяснение и учащейся молодёжи, и их родителям, а также работникам образовательных учреждений, политического замысла своих реформаторских инициатив и практических действий. Особенно много усилий, например, в этом направлении пришлось в 20-е годы затратить советскому государству (в первую очередь, Народному комиссариату просвещения во главе с А.В. Луначарским, Н.К. Крупской и М.Н. Покровским) для пропаганды в обществе, тогда преимущественно крестьянском и малограмотном, не только чисто хозяйственных и культурных, но и политических, и даже геополитических (возможность для Советской России возглавить мировой революционный процесс) выгод для него от создания новых «рабоче-крестьянских» школы и вуза¹¹. Для приобщения, иначе говоря, как

¹¹ Худобородов А.Л., Заровнятных В.А. Реформа высшего образования в советском государстве в 20-е годы XX века // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2013. № 4. С. 256-264. / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20290405_31646859.pdf (дата обращения 09.05.2019.....);

можно большего числа рядовых граждан к сотрудничеству с управленческими структурами государства в рамках общего для них понимания смысла и цели (идеологии) образовательных реформ.

Этим проторенным путём с момента своего рождения пошло и постсоветское Российское государство. Но в том, как оно презентовало обществу и работникам образования свой интерес к радикальному реформированию отечественной системы образования, обнаружилась специфика. В советское время школьные реформаторы не старались скрыть от общества идеологическую мотивацию своих планов и практических действий. Напротив, в коммуникации с гражданами они идеологическую мотивацию реформ выводили на первый план, делали политическую необходимость реформ главным аргументом в их пользу. Они прямо говорили гражданам, что: «... отрицая старую школу, мы поставили себе задачей взять из нее лишь то, что нам нужно для того, чтобы добиться настоящего коммунистического образования»¹².

Реформаторы, возглавившие управление государством в 90-х гг. XX в., а потом и разработчики последующих, стратегий образовательной политики, напротив, старательно обходили и обходят вопрос о том, в русле каких идеологических установок должны реформироваться и работать образовательные учреждения в России. Тем не менее, политико-идеологический интерес к разработке и реализации образовательных реформ у них был и остаётся. Его наличие и устойчивость выдаёт та активность, с которой в течение всего послесоветского времени отечественные политики и чиновники руководили реформами, определяли их стратегию и тактику, занимались популяризацией их результатов. Причём, активность эта не спадала даже тогда,

Тамбовский О.М. Опыт истории советской школы в свете необходимости создания национальной российской школы // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1 (64). С. 338-340. https://elibrary.ru/download/elibrary_25794723_43286874.pdf (дата обращения .04.05.2019).

¹² Ленин В.И. Задачи союзов молодежи. Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического союза молодежи 2 октября 1920 г. / Полное собрание сочинений. — 5-е изд. — М.: Политиздат, 1974. — Т. 41. Май — ноябрь 1920. — С. 298—318. / URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Задачи_союзов_молодёжи_\(Ленин\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Задачи_союзов_молодёжи_(Ленин)) (дата обращения 09.05.2019).

когда другие реформы (экономические, административные, правовые) либо прекратились совсем, либо повернули в русло, определяемое консервативно-патриотическими ценностями. О том, что именно конкретным содержанием этого интереса государства более всего обеспокоены граждане, работники образования и медиасферы, партийные деятели, свидетельствует непрерывающаяся публичная дискуссия на тему образовательных реформ в Интернете. Обычный предмет таких дискуссий, это именно идеологические аспекты реформ, и вероятные их негативные последствия для суверенитета государства и политической дееспособности гражданского общества. Разнообразие трактовок и оценок, а также довольно агрессивная тональность споров, говорят о том, что вопрос о реальном политико-идеологическом интересе государства, стоящем за всеми его реформаторскими инициативами в образовании, стал, своего рода, яблоком раздора внутри самого гражданского общества. А также стал источником сомнений в искренности властных инициатив.

В совокупности, эти обстоятельства оправдывают наше намерение выявить, проанализировать этот политико-идеологический государственный интерес и оценить вероятные политико-управленческие риски на тот случай, если и дальше в коммуникациях между обществом и государством по проблемам образования он не приобретёт желательной для общества ясности.

Изучить этот интерес можно, на наш взгляд, отталкиваясь от двух исходных данных.

Во-первых, от анализа общего контекста послесоветских образовательных реформ. «Перестройка» вызвала у советских граждан (особенно работников образования, науки и медиасферы) завышенные ожидания относительно возможности нового руководства страны, возглавленного М.С. Горбачёвым, на практике реализовать принцип «нового мышления» и обещание вернуться к «ленинским» принципам строительства социализма. На смену завышенным ожиданиям пришло разочарование значительной части граждан и управленцев результатами Перестройки. Последствием «ускорения» в

экономике и других сферах общественной и государственной жизни стал распад СССР, хозяйственных и культурных связей внутри страны, падение её авторитета на международной арене¹³.

Гражданское общество и властные элиты раскололись на сторонников продолжения развития страны по социалистическому пути и сторонников переориентации этого развития на копирование зарубежного либерально-демократического и рыночного опыта. Выборы в Государственную Думу 1993 года наглядно продемонстрировали, что социальная поддержка начинаний команды либерал-реформаторов во главе с Б.Н. Ельциным, Г.А. Явлинским и Е.Т. Гайдаром не настолько массова, чтобы можно было быстро, как хотели эти новые государственные деятели, начинать радикальные рыночные и демократические реформы¹⁴. Поддержку надо было укреплять. Прежде всего, путём привлечения на сторону нового государственного руководства тех граждан и управленцев, которые в советское время были воспитаны в духе приверженности идеалам социализма и неприятия капиталистических отношений, а потому находились, в тот момент, в растерянности относительно своего и страны будущего. Реформа советской системы образования стала, в этом смысле, правильно (с точки зрения основ политического менеджмента, а именно, так называемых концепций «возрастающей отдачи» и «рационального выбора»¹⁵) рассчитанным приёмом такого укрепления. Она должна была

¹³ Шабалина А.А. Основные направления социальной политики эпохи перестройки: перспективы и результаты // Вестник современных исследований. 2019. № 1.6 (28). С. 390-395. / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36945382_11416909.pdf (дата обращения 21.06.2020).

¹⁴ Алексеев Р., Абрамов А. Электоральный абсентеизм на президентских и парламентских выборах в России (избирательные кампании с 1993 по 2018 г.): причины, последствия, способы преодоления // Постсоветский материк. 2018. № 4 (20). С. 43-57.; Нисневич Ю.А., Орлов И.Б. Попытка демократического прорыва: взлеты и падения Государственной Думы первого созыва (1993-1995 гг.) (к 30-летию Российской Федерации) Часть I // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 5 (69). С. 1318-1334.

¹⁵ Щепёткин А.В. Применение методов стратегического менеджмента на основе концепции возрастающей отдачи в управлении политическими процессами (на примере работы по повышению политической активности молодежи в Омской области) // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2010. № 6. С. 11-17. / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17672118_13025033.pdf (дата обращения 01.12.2019);

наглядно убедить колеблющуюся часть послесоветского электората в том, во-первых, что проголосовав в поддержку реформаторов, он сделал правильный выбор в своих интересах и, главное, в интересах будущих поколений. Организаторы рыночных и демократических реформ специально подчёркивали свою особую заинтересованность в поддержке их инициатив российской молодёжью¹⁶. А во-вторых, убедить граждан, в целом, что радикальные либеральные реформы в нашей стране не так страшны, как об этом говорят их противники. Реформы в сфере образования изначально были наименее затратным и наименее рискованным для государства управленческим действием команды реформаторов. Оно позволило им сконцентрировать внимание послесоветского электората на том моменте, что споры о реформах можно вести сколько угодно, но они уже начались, ресурсы в них вложены, обязательства перед зарубежными партнерами взяты, а потому дороги назад нет. Это своё предназначение образовательные реформы сохранили и в нынешней системе государственного управления. Для отечественных либералов, следует заметить, изначально и по сию пору, участие в реформировании системы образования является своеобразной возможностью компенсировать потерю своего влияния на управление экономикой и политикой, возникшую по следам роста в российском гражданском обществе консервативно-патриотических настроений.

Нельзя сбрасывать со счётов, на наш взгляд, ещё одно свойство системы образования, которое делает её привлекательным пространством для продолжения управленческих и педагогических экспериментов в том западно-либеральном направлении, которое для них изначально было задано в 90-е гг. прошлого века. Пока в стране есть рынок, можно и на сферу образования распространить представления о рыночной эффективности. Управленцы, таким

Сафронов В.В., Бурмыкина О.Н., Корниенко А.В., Нечаева Н.А. Российская культура и отношение граждан к общественным преобразованиям // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 2. С. 133-165. / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17231841_20035684.pdf (дата обращения 11.12.2019).

¹⁶ Хриенко Т.В. X 93 Мировоззренческие ценности молодежи Крыма (1991-2017 гг.) : монография / Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – 356 с. С.51-52 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36768555_39279611.pdf (дата обращения 21.06.2020).

образом, получают возможность судить о результатах деятельности управляемых на основании относительно точных экономических критериев. Это удобно для поддержания единства управленческих подходов в системе управления. В любое радикальное управленческое решение в сфере образования можно внести достаточно последующих дополнений и корректировок, которые сведут на нет его негативные последствия и минимизируют риск общественного недовольства. Реформа образования, если говорить о её политико-идеологическом назначении, является образцом так называемой «эффективной политики», когда значительный результат (хороший или плохой – другое дело) налицо, и он значительно превышает ресурсные затраты, осуществлённые государством для его достижения.

С другой стороны, полноценно измерить результаты работы образовательных учреждений в деньгах или товарном продукте невозможно. Любые количественные замеры дают результат, который можно интерпретировать как в пользу осуществлённых преобразований, так и против них. Возникает, таким образом, почва для постоянных дискуссий. В том числе, дискуссий по проблемам государственного политического, экономического, идеологического менеджмента. Образовательная система в нашей стране – это своеобразная лаборатория по отработке различных технологий государственного управления коммуникациями с гражданским обществом и продвижения государственных интересов во внутреннюю политику. Эта функция образовательной системы быть «лабораторией политики и менеджмента» служит предпосылкой непрекращающихся споров противников и сторонников тех или иных управленческих решений. Эти споры постоянно возобновляются, поскольку спорщики вынуждены оперировать лишь промежуточными данными о позитивных и негативных результатах реформ. Заведомо трудно на основании таких промежуточных данных прогнозировать результат реформ. Его лишь можно предполагать с большей или меньшей вероятностью.

Вторая точка отсчёта для анализа политико-идеологического интереса государства к разработке стратегии и тактики образовательных реформ, это, как уже было сказано, это нормативные документы. В них содержится, на наш взгляд, объяснение причины, по которой ясный, в целом, политико-идеологический интерес государства к реформированию отечественной системы образования не был понят и полностью принят гражданским обществом и педагогической корпорацией у начала этого процесса. Здесь же можно найти ответ на вопрос о том, почему перемена в идеологических ориентирах государственной политики не привела к лучшему, чем прежде, пониманию гражданами интересов государства в образовательной сфере.

Реформа образования, как уже отмечалось, положила начало радикальным либеральным реформам. Но если с прочими реформами всё складывалось, в идеологическом смысле, относительно понятно, то в образовательной сфере идеологическая непонятность возникла сразу. Сегодня важно понять причину этого, чтобы в дальнейшем скорректировать образовательную политику государства в направлении, соответствующем его идеологическому интересу. Потому, что пока идеологическая направленность тех очередных реформ, о необходимости которых сегодня активно заявляют государственные управленцы федерального и регионального уровня, выглядит очень абстрактно. Более-менее ясна её привязка к так называемым «российским традиционным ценностям». Проблема в том, что сами эти ценности могут быть интерпретированы в русле разных идеологий.

Логика подсказывает, что успех любого начинания во многом определяется тем, насколько чётко сформулирована его конечная цель. Вопреки этой логике, теоретики и организаторы внедрения в российском образовании Болонской системы предоставили гражданам возможность самостоятельно догадываться о политической цели этих управленческих новшеств.

Отечественные исследователи образовательных реформ практически сразу заметили подмену стратегии образовательных реформ тактическими управленческими решениями, осуществлённую их организаторами. Одни

специалисты её критиковали и указывали на важность ясности с конечной политической целью действий государства. Другие же, напротив, находили такую подмену разумным решением в условиях, когда институты государственного управления (особенно управления образованием) демонстративно дистанцируются от каких-либо идеологических пристрастий¹⁷. Некоторые исследователи даже пытались трактовать такую подмену стратегии тактическими решениями оптимистически. Якобы, чем меньше ясности с намерениями государства в отношении образования, тем большим это является свидетельством заботы государства о развитии отечественного образования и больше возможностей открывает для педагогического и управленческого творчества¹⁸.

Возможно, с такой трактовкой государственной образовательной политики можно было бы согласиться. Но ясности не наблюдалось и в тактических решениях. Самым очевидным примером этого служит, на наш взгляд, бесконечный, на протяжении всего послесоветского времени, процесс изменения государственных образовательных стандартов и порядка

17 Данилова Л.Н. Подготовка реформирования общего образования // Школьные технологии. 2016. № 6. С. 38-43. / https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29257297_55444619.pdf (дата обращения 23.10.2020); Листвин А.А. Среднее профессиональное образование: кризис реформ // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 3 (90). С. 169-177. / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/srednee-professionalnoe-obrazovanie-krizis-reform> (23.10.2020); Шакиров Р.В. Системно-концептуальный анализ реформ общего среднего образования в России в XX веке. Диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Казань, 1997 / URL: <https://www.dissercat.com/content/sistemno-kontseptualnyi-analiz-reform-obshchego-srednego-obrazovaniya-v-rossii-v-khkh-veke> (дата обращения 04.04.2020); Гельмс А.В. реформы системы образования в российской федерации: концептуальный замысел, практическая реализация, общественное восприятие: 1992-1999 гг. : Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 / Московский педагогический государственный университет. Москва, 2012 / URL: <https://www.dissercat.com/content/reformy-sistemy-obrazovaniya-v-rossiiskoi-federatsii-kontseptualnyi-zamysel-prakticheskaya-r> (дата обращения 04.04.2020);

¹⁸ Борисенков В.П. Стратегия образовательных реформ в России (1985 - 2005 гг.) . 6 ноября 2007г. / URL: https://portalus.ru/modules/shkola/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1194354228&archive=1194448667&start_from=&ucat=& (дата обращения 19.07.2019.)

лицензирования права образовательных учреждений на ведение соответствующей деятельности. Участникам образовательных реформ, которые наблюдали за этими процессами со стороны, приходилось гадать не только об интересе, преследуемом государством, но ещё и о связи практических управленческих действий с ним.

На наш взгляд, именно эта непосильная для общества задача – самому догадываться, что, какой масштабный интерес движет реформаторским энтузиазмом государственных управленцев - спровоцировала тот большой разброс мнений и оценок у современников этих событий, те их опасения по поводу результата реформ, по следам которых возникли устойчивые и массовые претензии граждан к руководящему участию государства в образовательной политике. В очередной раз зависимость общественных претензий от непонимания сути интереса, который руководит действиями чиновников от образования, продемонстрировало ежегодное заседание Всероссийского родительского конгресса (с участием депутатов Государственной Думы и представителей СМИ) в День защиты детей 1 июня 2022 г.¹⁹.

Совещание показало и другую сторону проблемы коммуникации власти с обществом. Как в начале 90-х гг. прошлого века, так и сегодня, управленцы публично демонстрируют уверенность, что широкая критика реформ представляет собой недоразумение. Не замысел реформ плох и средства их реализации негодны. Это критики неспособны мыслить государственными масштабами и видеть проблемы образования в «общечеловеческом» контексте и с позиции «мирового опыта».

¹⁹ От «управляемой деградации» к диверсии: родители дали оценку реформам образования последних десятилетий, выразив недоверие ответственным чиновникам. 2 июня 2022 г. / <https://katyusha.org/obrazovanie/ot-upravlyaemoj-degradaczii-k-diversii-roditeli-dali-oczenku-reformam-obrazovaniya-poslednix-desyatiletij-vyiraziv-nedoverie-otvetstvennyim-chinovnikam.html> (дата обращения 10.11.2022).; Пахомов В. Школьные реформы: бессмысленные и беспощадные. 1 сентября 2022 / <https://topwar.ru/201080-shkolnye-reformy-bessmyslennye-i-besposhadnye.html> (дата обращения 05.06.2022).

Такая позиция управленцев побуждает граждан подозревать, что от них, как наиболее массовых участников образовательной политики, утаивают нечто принципиально важное, касающееся идеологической подоплёки реформаторских инициатив. Педагоги и граждане уверены, как показал проведённый нами анализ информации из социальных сетей, представленный далее, что кто-то намеренно препятствует им узнать «правду» о замысле образовательных реформ. Но, в то же время, никто не мешает им интерпретировать этот замысел и, таким образом, становиться как бы соучастниками разработки их стратегии.

Продуктом действия этой коммуникативной технологии стали государственные нормативные документы. Они на три минувших десятилетия определили направление и порядок реформирования сферы российского образования. Современные исследователи часто ссылаются на них, цитируют их формулировки в своих научных публикациях, посвящённых анализу государственной образовательной политики. При этом, нам не встретилось таких публикаций, авторы которых обратили бы внимание на связь между тем, как «технологично» в этих документах сформулированы политико-идеологические интересы государства в реформировании образовательной сферы, и тем, насколько такие формулировки способны сформировать у граждан уверенность в соответствии стратегии образовательных реформ национально-государственным интересам России. Нам представляется, что анализ упомянутых нормативных документов в таком ракурсе представляет сегодня научный и практический интерес.

Одной из первых инициатив, проявленных властью в период становления новой, либерально-демократической российской государственности, в полном смысле точкой отсчёта в процессе образовательных реформ, был «Указ №1» президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина²⁰.

²⁰ Указ Президента РСФСР от 11.07.1991 г. № 1 «О первоочередных мерах по развитию образования в РСФСР» / URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18> (12.08.2020).

Его назначение, если исходить из его статуса, заключалось как раз в том, чтобы донести до гражданского общества суть политических интересов и намерений руководства нашего государства. В стране начинались радикальные либеральные реформы, перспектива которых представлялась демократически ориентированным политикам в самом лучшем виде. Идея «возродить российское образование» (а вместе с ним и вузовскую науку, например) и вернуться на «магистральную дорогу человеческой цивилизации» в этих условиях становилась инструментом привлечения значительной части политически и культурно активной части граждан на сторону реформаторов. В случае успешной реализации этой идеи, для всех сомневающихся в целесообразности либеральных новаций она могла стать убедительным аргументом в пользу реалистичности и других начинаний в реформировании экономики, права и всей политической системы страны.

О том, насколько в тот момент велика была потребность команды «младореформаторов» в таком аргументе, говорят данные социологических опросов, нацеленных на выявление отношения граждан к Б.Н. Ельцину. Авторитет Президента был для «команды Гайдара» своего рода политической «крышей» для всех их практических действий, направленных на ликвидацию советского и создание либерально-демократического государства. По наблюдению отечественных специалистов-социологов, на пике популярности Б.Н. Ельцина у российских граждан, как символа перемен к лучшему в общественной и государственной жизни (1991 г.), позитивно относились к нему не более 52% респондентов. А уже к следующему 1992 г. этот показатель сократился вдвое²¹.

²¹ Дубинин Б.В. Первый: Борис Ельцин в общественном мнении России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2007. №4(90). С. 30 (28-38) / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pervyy-boris-eltsin-v-obschestvennom-mnenii-rossii> (дата обращения .19.03.2019); Попов Н. «Лихие 90-е». Каким было общественное мнение в эпоху Ельцина. 28 ноября 2015 / URL: https://kapital-rus.ru/articles/article/obschestvennoe_mnenie_v_epohu_elcina/ (дата обращения 28. 07.2019) .

Спустя годы непосредственные организаторы подготовки и принятия «Указа №1», из числа лиц, близких к Президенту, подчёркивали²², что изначально смысл этого предприятия был двойственным и не всё в нём было приемлемо для рядовых граждан, если бы тогда этот смысл до них прямо довели. Граждане видели смысл указа через призму тех жизненно важных для них задач, решение которых теперь брало на себя государство. Указ для них был официальным заявлением, что отныне нужды рядовых граждан будут у высшей государственной власти на первом месте в ряду других проблем и задач управления.

У самого Президента и его окружения, по признанию людей из этого окружения, главенствующим был иной мотив публично выступить с такой инициативой²³. Большую роль в появлении указа сыграло стремление тогдашнего руководства нашего государства «понравиться» зарубежным партнерам и спонсорам российских реформ в Старом и Новом Свете. Иначе говоря, таким способом символически обозначить свою лояльность принципам жизни и ценностям либерально-демократического быта тех государств, опыт которых руководство нашего государства планировало в кратчайшие сроки, в режиме так называемого «демократического транзита», перенести на российскую почву. Это была, одновременно, демонстрация готовности больше сконцентрироваться на вопросах внутренней политики, чем на противостоянии с Западом в вопросах политики внешней, действовать, при этом, решительно и бесповоротно даже в тех сферах, где ущерб интересам демократизирующейся России не мог быть маленьким, по определению.

Речь шла, в сущности, о радикальном изменении ключевого механизма в процессе социализации подрастающих поколений российских граждан, каким была и остаётся система образования. Не случайно идея сделать упомянутый указ первым символическим актом, отмечающим начало президентства Б.Н.

²² Автора на сцену! Привет президенту N2 от Указа N1 // Учительская газета. 10 июля 2001. №27 / URL: N1<https://ug.ru/avtora-na-sczeniu-privet-prezidentu-n2-ot-ukaza-n1/> (дата обращения 28.07.2019).

²³ Там же.

Ельцина и реализации плана радикальных реформ, родилась, по признанию тех же его разработчиков, во время визита главы нашего государства в США.

Иначе говоря, изначально у принятия Указа №1 было два политико-идеологических смысла. Один смысл предназначался для коммуникации властей с собственными гражданами и предусматривал активизацию их ожиданий «перемен к лучшему» и снижение уровня страхов по поводу ухудшения ситуации в стране в условиях начавшегося распада государственного управления, экономических связей и снижения уровня жизни населения. Другой смысл был в демонстрации зарубежным менеджерам и спонсорам российских либеральных реформ готовности новой политической элиты разорвать с советской традицией государственного управления.

Сегодня научная оценка идеологического смысла начатой реформы системы образования опирается на открытые источники. А также на знание исследователями и рядовыми гражданами последствий радикальных либеральных реформ. Это знание позволяет предполагать, что в начале 90-х гг. прошлого века при начале реформ в тогда ещё советском образовании наиболее идеологически значимым для новой российской властной элиты был именно второй смысл. Но массе рядовых граждан, которые должны были стать главным человеческим ресурсом этих преобразований, этот смысл вряд ли был бы в то время понятен, даже если бы Президент и его окружение им об этом прямо сообщили. Современники такую информацию вряд ли бы сочли достоверной. По той причине, что она никак не согласовывалась с привычным для советского человека представлением о политических руководителях, как безусловных ревнителях интересов собственного государства и собственных граждан, как лидерах, которые готовы «лечь на рельсы»²⁴, как публично однажды заявил Б.Н. Ельцин, но этими интересами не поступиться.

²⁴ Попов Н. «Лихие 90-е». Каким было общественное мнение в эпоху Ельцина. 28 ноября 2015 / URL: https://kapital-rus.ru/articles/article/obschestvennoe_mnenie_v_epohu_elcina/ (дата обращения 28.07.2019).

Получилось так, что изначально при планировании и первых шагах реформ в сфере образования государство и общество руководствовались разными политико-идеологическими соображениями и ожиданиями перемен. Внутренней несогласованности содержанию Указа №1, как идеологического документа, добавляли радикальные по форме, но противоречивые по смыслу формулировки основных его положений.

На первый план в Указе было выведено распоряжение Президента, адресованное Правительству, подчинить в дальнейшем деятельность всех структур управления образованием и наукой в центре и на местах лично ему. Граждане могли трактовать это заявление так, что в обозримом будущем сфера образования будет защищена от мелочной бюрократической опеки и у работников этой сферы, родителей и учащихся, появится уникальная возможность решать самые сложные свои проблемы максимально оперативно и результативно. Как свидетельство готовности самого Президента сделать максимум возможного для ограждения образовательных учреждений от давления рынка, читатели Указа могли трактовать его поручение Правительству предусмотреть в новой государственной программе развития образования в РСФСР создание отдельных фондов для поддержки развития образовательных учреждений.

В то же время, в один ряд с государственными образовательными учреждениями, получающими большие налоговые льготы и бюджетное финансирование от государства, Указ №1 поставил частные образовательные учреждения, начинавшие в то время создавать «рынок образовательных услуг». Получалось, что государство в перспективе не намерено больше в своих реформаторских инициативах учитывать различия между своим интересом и интересом частного бизнеса. Указ декларировал, например, необходимость полного освобождения образовательных учреждений, независимо от формы собственности (что в условиях рынка принципиальный момент), от всех налогов, пошлин и сборов «в части средств, направляемых на развитие образования». Но образовательное учреждение по роду своих основных задач предназначено теми

или иными способами «развивать образование» и, в принципе, любую его деятельность можно, так или иначе, интерпретировать в этом духе. Указ, предусматривал назначение различных пособий из бюджета педагогам и учащимся как государственных, так и частных образовательных учреждений. Получалось, по смыслу Указа, что деятельность коммерческих частных образовательных учреждений становилась частным, но не облагаемым государственными налогами и получающим субсидии из госбюджета, а потому сверхприбыльным бизнесом. То же можно сказать и о заявленном в Указе намерении властей немедленно и существенно повысить зарплату учителям и вузовским работникам, увеличить стипендии студентам и аспирантам. Их связь с государственными, либо частными образовательными учреждениями в Указе не оговаривалась. Фактически, был заявлен ещё один, прямой канал инвестирования бюджетных средств в частный бизнес. К тому же, авторами Указа не было пояснено, как заявка на «разгосударствление» сферы образования (пусть даже частичное) стыкуется с идеей «прямого президентского управления» этой сферой.

Во всём этом прочитывалось намерение новой государственной элиты в перспективе сделать именно частный бизнес главным двигателем реформ в образовании и таким способом ускоренно интегрировать образовательные учреждения в формирующийся российский «свободный» рынок.

В заявленном формате упомянутые пункты Указа не были реализованы. Но, как политико-идеологическая заявка государства о своих интересах к сфере образования, он состоялся. Он определил главный, либерально-рыночный вектор процесса реформирования образовательной сферы и, в частности, действия соответствующих государственных структур, управляющих образовательными учреждениями, в пользу её интеграции в «Болонский процесс».

Закреплён этот вектор был Федеральным законом «Об образовании»

10 июля 1992 года N 3266-1²⁵. Из всех предыдущих и последующих основных документов, в чью задачу входило донести до массы рядовых граждан смысл политического интереса государства к образовательным реформам, этот документ данный смысл передал наиболее непротиворечиво. Возможно, что именно по этой причине в дальнейшем возникла необходимость принятия других деклараций о намерениях государства, политических в том числе, которые смягчали очевидную либеральную прямолинейность этого закона в глазах граждан, подогревали в гражданах надежду на то, что управленческая стратегия властей может поменяться. На наш взгляд, именно эта либеральная прямолинейность закона стала причиной его неоднократных редактирований в последующие годы, по мере того, как у государственной элиты либеральные космополитические настроения всё более уступали место консервативно-патриотическим. Точно отражало политический интерес либеральных реформаторов той поры утверждение авторов анализируемого документа, что образование в нашей стране осуществляется в соответствии с международным правом (в формулировке оно было поставлено на первое место) и лишь потом в соответствии с национально-государственным законодательством²⁶. В законе устанавливался приоритет общечеловеческих ценностей (над чем приоритет, прямо не упоминалось, но понять можно так, что над ценностями национально-государственными), свобода и плюрализм в образовании. Государственные образовательные учреждения получали статус «автономных». Все эти принципы точно укладываются в наиболее радикальную интерпретацию либеральной доктрины – концепцию «минимального государства». Фактически, закон в редакции 1992 года сообщал гражданам об интересе государства руководить реформированием системы образования, постепенно осуществляя разгосударствление этого процесса и перекладывая все ресурсные затраты на

²⁵ Закон РФ от 10.07.92 n 3266-I «Об образовании» / URL: <http://freeschool.education/wp-content/uploads/2020/04/1992-g.-fz-ob-obrazovanii.pdf> (дата обращения 10. 05. 2020)

²⁶ Там же.

этот процесс и всю ответственность за его последствия на сами образовательные учреждения и гражданское общество.

Последовавшие за принятием закона «Об образовании» годы государство было занято больше спасением от краха отечественной экономики и замещением «свободного» капитализма капитализмом государственным. Оно больше искало способы вписать образовательные учреждения в рынок, минимизировать бюджетные траты на них и не дать образовательной системе окончательно рухнуть. Но с наступлением нового века и постепенным улучшением экономической ситуации в стране вопрос о том, на какой политико-идеологический интерес государства (радикально-либеральный, либерально-консервативный, или какой-то другой) должны работать дальше выжившие в 90-е гг. образовательные учреждения, вернулся в повестку коммуникаций граждан с властью.

По логике организации работы по идеологическому обоснованию в глазах граждан реформационного процесса и дальнейшей конкретизации интересов властной элиты в нём, более чётко решить эти задачи призвана «Национальная доктрина образования в Российской Федерации» - главный ориентир для всех изменений в этой сфере вплоть до 2025 года²⁷. Документ принципиально идеологический, формулирующий некие непреложные (доктринальные) теоретические и практические требования к системе образования, национально государственная значимость которых была бы предельно очевидна для гражданского общества и оно решительно солидаризовалось бы с усилиями властей в перестройке учебного и воспитательного процессов в образовательных учреждениях разного уровня. Во «Введении» к этому документу было записано, что он определяет стратегию

²⁷ Национальная доктрина образования в Российской Федерации. Постановление Правительства РФ от 4 октября 2000 г. N 751 / URL: <https://gart62.npi-tu.ru/assets/files/123/1.%20Национальная%20доктрина%20образования%20Российской%20Федерации%20до%202025%20года.pdf> (дата обращения 22.01.2020).

реформ в образовании, устанавливает цели образования и воспитания, определяет пути их достижения и ожидаемые результаты реформ²⁸.

Фактически же, «Национальная доктрина» сделала интересы государства в сфере образования и воспитания нового поколения граждан ещё менее прозрачными для рядового гражданина и работника образовательного учреждения. Потому что, с одной стороны, авторы этого документа заявили, что доктрина отражает новые (читай – либеральные и рыночные) условия функционирования российского образования. С другой стороны, в ряду тех интересов, которые объединяют государство и общество в реформировании образовательных учреждений, названы (как и в «Указе №1») те интересы, которые и прежде их объединяли. Которые, таким образом, никак не назовёшь отражающими именно упомянутые «новые условия». Это создание основы для устойчивого социально-экономического и духовного развития страны, для повышения качества жизни населения, для укрепления демократического правового государства и развития гражданского общества, для кадрового обеспечения рыночной экономики и её интеграции в мировую экономическую систему, для придания экономике большей конкурентоспособности, для придания России статуса великой державы в сфере достижений культуры и экономики²⁹.

Иначе говоря, «Национальная доктрина» воспроизвела в этом пункте те же позиции, которые в «Указе №1»: были источником противоречий в его идеологическом смысле. И только добавила к прежним противоречиям новые. Стало окончательно непонятно, хотят ли разработчики доктрины посредством реформ в образовании поддерживать прежде сложившийся стиль коммуникации власти с обществом по этой теме, или же они хотят реформировать такие коммуникации под новые политические и экономические обстоятельства? Сложно реально представить, например, как в условиях либерально-рыночного «политического транзита», сопровождавшегося публичной критикой

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

досоветской отечественной государственной традиции и дискредитацией опыта развития советской политики и экономики, образовательные учреждения могли бы обеспечить, как от них этого требовала «Доктрина», историческую преемственность поколений, воспитание бережного отношения к историческому и культурному наследию народов России³⁰.

Заметим, что до сих пор важным элементом этого исторического и культурного наследия остаётся опыт жизни этих народов в составе СССР. Но, заметим, именно он в 90-е гг. прошлого века и в первое десятилетие века нынешнего более всего подвергался дискредитации со стороны либерально настроенных политиков и интеллектуалов, как отечественных, так и зарубежных. К этому следует добавить и другое. На глазах современников рушилась советская социально-политическая система, торжествовали ценности либерального образа жизни, многополярный мир становился однополярным, бывшие геополитические противники становились главными доброжелателями. В таком проблемном контексте очевидно трудной целью для функционирования образовательных учреждений становилось, как это им предписывала «Национальная доктрина», воспитание патриотов России, к тому же обладающих «целостным миропониманием»³¹. При этом в рассматриваемом документе, в перечне обязательств, которые на два десятилетия вперёд брало на себя государство в качестве субъекта, разрабатывающего стратегию и тактику реформ, управляющего этим процессом, фигурирует только три позиции, в которых можно усмотреть отражение именно политико-идеологического интереса государства к такой большой работе. Это готовность государства обеспечить участие общества в управлении образованием, поддерживать общедоступный и светский характер образования, а также формировать у граждан отношение к образованию как высшей ценности³².

³⁰ Там же.

³¹ Там же

³² Там же

Представляется, что для практической работы образовательных учреждений в направлении перестройки учебного процесса и воспитательной работы с учащимися, для обновления своего кадрового ресурса, такая бедная по содержанию и внутренне противоречивая идеологическая база реформы образования, заявленная от имени государства, была недостаточной. Она не содержала указания на тот конкретный политический результат, который новое Российское государство хотело бы получить по следам своего руководства образовательными реформами и на который могли бы работать образовательные учреждения и управленцы на местах.

Внести больше ясности и идеологической последовательности в вопрос о реальном содержании политического интереса государственной элиты к организации образовательных реформ должна была, вероятно, «Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации N 1756-р от 29 декабря 2001 г.. «Концепция», по самому смыслу этого понятия, подразумевает конкретику, нахождение понятных и проверяемых связей между прежде разрозненными фактическими данными, либо наблюдаемыми обстоятельствами³³. Проще говоря, концепция нужна, чтобы сделать проблему одинаково актуальной и понятной для всех тех, кто дальше будет заниматься её решением.

Поэтому можно было бы ожидать, что в этом документе его разработчики максимально чётко выскажутся по поводу политико-идеологического интереса государства. Что в этот раз они объяснят гражданам и работникам образования, все-таки какую действительно новую для них работу они должны сделать, чтобы выпускники российских школ и вузов были не только нравственными, умными людьми, компетентными тружениками и потребителями, но, в первую очередь, были бы гражданами, принимающими интересы своей нации и своего государства, как собственные интересы, разделяющие планы властной элиты

³³ Концепция в науке / URL: <https://spravochnick.ru/definitions/koncepciya-v-nauke/> (дата обращения 03.12.2022).

относительно политического будущего своей страны. Как, иначе говоря, должна измениться отечественная система образования, чтобы этими изменениями обозначить гражданскому обществу перспективу изменения его самого и условий его взаимодействия с государством.

Тем не менее, и в этом документе роль российской системы образования и её грядущих реформ в создании нового гражданина для нового государства, как их видит государство, была определена по-прежнему противоречиво. Система образования должна измениться так, утверждали авторы «Концепции», чтобы в дальнейшем обеспечить превращение советского государства в либерально-демократическое государство, а российской экономики – в рыночную экономику. На этом конкретика заканчивалась. Осталось не объяснённым субъектам образовательной политики того, ради каких позитивных политических перспектив нашей страны необходимо это превращение и участие в нём образовательных учреждений, их учащихся и педагогического персонала. Сказано лишь, что радикальная перестройка продиктована «необходимостью преодоления опасности отставания страны от мировых тенденций экономического и общественного развития»³⁴.

Два момента обращают на себя внимание в этом последнем заявлении. Во-первых, сама по себе идея «преодолеть опасность отставания» посредством решительных реформаторских мер. Современные политика, экономика, сфера культуры (в которую входит и образование) обладают высокой динамикой. Для их участников ощущение «опасности отставания» необходимо в качестве постоянного и очень всем им понятного стимула к тому, чтобы не довольствоваться достигнутым, а дальше совершенствовать свои политические и экономические практики. В этом смысле, наделение в документе образовательных учреждений функцией инструмента для «преодоления опасности отставания» выглядит идеологически не корректным. На наш взгляд,

³⁴ Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации N 1756-р от 29 декабря 2001 г./ URL: <https://rostov-gorod.ru/upload/iblock/95d/8.pdf> (дата обращения 28.10.2019).

хорошо устроенная и работающая система образования в развивающемся национальном государстве, напротив, должна формировать у граждан, особенно молодых, ощущение постоянной опасности того, что кто-то в чём-то может составить им, их государству и обществу, конкуренцию и опередить их в чём-то. Такое ощущение является важнейшей основой для формирования патриотической культуры гражданина. Преодолевая «опасность отставания», организаторы этой работы тем самым лишают социальные и государственные практики важного внутреннего стимула к совершенствованию.

Подчеркнём, реформаторы намерены преодолеть и устранить не те нетерпимые **недостатки, которые есть на деле**. Такое намерение, отчасти, служило бы оправданием их радикального настроя. Они декларируют необходимость **устранить лишь потенциальную опасность возникновения таких недостатков в дальнейшем**. Несколькими строчками ниже в документе прямо заявлено, что реальной опасности нет, что отечественная (ещё советская, по сути) система образования «способна конкурировать с системами образования передовых стран»³⁵.

Но, именно потому, что этот **механизм вполне успешно работает, его необходимо, согласно специфической логике авторов документа, сломать**. Ведь когда-нибудь он может сломаться, ведь есть такая опасность для любого механизма. А потому общественность должна помнить об этой опасности и оказать «широкую поддержку» такой нетривиальной государственной «образовательной политике»³⁶. Потому, если следовать за логикой авторов, не в состоянии учреждений и технологий образования главная «головная боль» отечественной системы образования. Главная проблема в отставании нашей системы образования от неких «мировых тенденций развития». А именно, от тех идеализированных представлений о комфортно устроенной жизни людей и элит в странах Запада, которые в своём воображении сконструировали

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

«младореформаторы» 90-х гг. прошлого века и разными способами транслировали в массовое сознание современников.

Во-вторых, никаких конкретных данных о катастрофическом состоянии советской системы образования, которые подтверждали бы необходимость её решительной модернизации в направлении копирования зарубежных образцов, в «Концепции» приведено не было. Хотя, для «концепции модернизации» (любая «концепция» буквально – соединение первичных данных) доказательство с опорой на факты представляется уместным.

Что глубокая модернизация отечественной системы образования действительно неизбежна, станет ясно несколько позже, в середине первого десятилетия XXI в., когда станет ясно, что заимствованные зарубежные модели и технологии школьного и вузовского образования плохо решают задачи не декларируемой, а реальной политической модернизации страны³⁷. Надо заметить, к тому же, что требования к отечественной системе образования соответствовать «вызовам времени», «передовым рубежам» развития «мировых» науки и техники, а также задачам «модернизации» нашей страны, которые присутствуют в тексте «Концепции», далеко не новы. Они фигурировали уже 20-е – 30-е гг. прошлого столетия в публичных выступлениях участников дискуссий о стратегии и тактике строительства советской школы, были закреплены в соответствующих официальных документах³⁸. Это, например, требования к российскому образованию по итогам его

37 Тамбовский О.М. Опыт истории советской школы в свете необходимости создания национальной российской школы // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1 (64). С. 338-340. / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_42236660_94801766.pdf (дата обращения. 24.11.2019).

38 Кошкина Е.А., Ядренникова С.В. Подходы к реформированию советской школы в условиях конфликта образовательных стратегий 20-х - 30-х гг. XX века // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2021. № 3 (193). С. 221-227. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25794723_45830209.pdf (дата обращения 20.12.2019) ; Трибунских Н.И. Исторический опыт становления и развития системы советского образования в 20-30-е гг. XX в. (на материалах Ставрополья) / Автореферат дис. ... кандидата исторических наук / Сев.-Осет. гос. ун-т им. к.л. Хетагурова. Владикавказ, 2015 / URL: <https://new-disser.ru/avtoreferats/01007967690.pdf> (дата обращения 24.11.2019).

демократической и рыночной модернизации реагировать на «ускорение темпов развития общества, расширение возможностей политического и социального выбора», и повышать «уровень готовности граждан к такому выбору». Речь, по сути, идёт о решении школой тех же задач гражданского воспитания молодёжи, которыми она занималась все советские годы, и даже в предшествующее им время³⁹.

Не отличаются новизной и требования к модернизированным постсоветским школам и вузам соответствовать расширению «масштабов межкультурного взаимодействия», а также учитывать особую важность «факторов коммуникабельности и толерантности». Советские средние школы и вузы и раньше успешно решали эти задачи. Они готовили своих выпускников к участию в строительстве социализма и коммунизма в нашей стране и к распространению соответствующих идей во всём мире. Иначе говоря, их уже готовили к межкультурному взаимодействию и прививали навыки коммуникабельности. Правда, коммуницировать они должны были, сообразуясь с идеей классовой борьбы, а не с идеей толерантности, которая является одной из основ идеологии современного западного либерализма.

Это, заметим, действительно важное идеологическое требование со стороны государства к образовательному и воспитательному процессам в отечественных учебных заведениях, отражающее стремление «младореформаторов» разными средствами демонстрировать свою идеологическую лояльность либеральной доктрине и зарубежным партнерам по реформированию нашей страны.

Точно также все десятилетия своего существования советская система образования адекватно реагировала на «рост глобальных проблем», на «динамичное развитие экономики, рост конкуренции, сокращение сферы неквалифицированного и малоквалифицированного труда, глубокие

³⁹ Возчиков В.А. Оплот русской духовности, или почему создание эллино-греческой академии стало в России государевым делом// Историко-педагогический журнал. № 1. 2011. С. 58-66.

структурные изменения в сфере занятости», на «потребность в повышении профессиональной квалификации и переподготовке работников, росте их профессиональной мобильности», решала задачу «формирования современного мышления у молодого поколения»⁴⁰.

Работники советской системы образования вряд ли стали спорить с авторами «Концепции» по поводу утверждения последними, что доступное и хорошо организованное школьное и вузовское образование является «фактором гуманизации общественно-экономических отношений» и «формирования новых жизненных установок личности», что «развивающемуся обществу нужны современно образованные, нравственные, предприимчивые люди, которые ... обладают развитым чувством ответственности за судьбу страны»⁴¹. Ради именно этих высоких целей и, заметим, далеко не за самую большую по меркам того времени зарплату в советское время молодые люди шли в педагогические вузы и потом на преподавательскую работу.

Иначе говоря, по мысли составителей «Концепции» российская система образования в начале XXI в., по результатам своей ускоренной постсоветской модернизации, должна была стать способной решать те государственно важные задачи, которые она уже, в целом, успешно решала по следам своей предшествующей советской модернизации в 20-е – 30-е гг. прошлого столетия. «Концепция», фактически, вместо чётких соображений в пользу политической необходимости образовательных реформ (за исключением акцента на толерантности, как важной либеральной ценности) предлагала работникам сферы образования размышлять над очередным парадоксом в идеологии реформ: чего хочет государство - оставить в образовании всё как есть, или же надо, действительно, что-то радикально менять? Но, тогда что именно и на что менять?

Наглядно меру идейной неопределённости, возникшей в тот момент в сознании педагогической общественности, показывают противоречивые

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

формулировки из учебника «Образовательное право» (2001 г. издания)⁴². Учебник – очень показательный источник информации. Он предназначен для формирования у нового поколения педагогов и максимально широкого распространения в педагогическом сообществе представления о том, каким должен быть политический эффект от их профессиональной деятельности в новых условиях, созданных для них государством в образовательных учреждениях. Авторы учебника пошли тем же путём, что и составители нормативных документов: интерес государства к получению граждан с новым качеством политической культуры они превратили в загадку для читателя.

В учебнике зафиксировано, например, что педагогические коллективы в условиях реформ должны помогать своим воспитанникам формировать ценностные ориентации и поведение, «свойственное общественному строю, в который входит реформируемое российское общество»⁴³. Учебник, при этом, не уточняет, в какой именно социально-политический строй «входит» российское общество. Будущий педагог, прочитавший учебник, должен это для себя решить сам. Педагоги должны, по мнению авторов учебника, помогать учащимся «адаптировать к нему (то есть, этому неизвестному будущему общественному строю – *К.А.*) позитивные духовные традиции, накопленные на протяжении тысячелетней истории российской государственности»⁴⁴. На протяжении долгой русской истории, заметим, духовные традиции и властной элиты, и простых людей, сильно менялись. Они, к тому же, очень различались по регионам и этносам, у славянских, тюркских и финно-угорских народов, создавших Российское государство. Христианство, как важная духовная традиция, за тысячу лет тоже не раз обновлялось. Что в этом общем для народов России багаже духовного опыта считать «позитивным», а что «негативным»? Кто и как

⁴² Шкатулла В. И. Образовательное право: Учебник для вузов. — М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА—ИНФРА М), 2001. — 688 с. / URL: https://distant.msu.ru/pluginfile.php/26349/mod_resource/content/3/%5BShkatulla_V.I.%5D_Obravovatelnoe_pravo_Uchebnik_dl%28BookFi.org%29.pdf (дата обращения 11. 08. 2019).

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же

это будет решать? И если даже решение найдено, то каким именно способам адаптации этого духовного опыта к нуждам современности, используемым учащимися и их семьями педагог должен помогать, а каким противодействовать? « В-третьих, говорят авторы учебника, задача педагога помочь ученикам преодолеть «консервативные стереотипы и привычки, мешающие становлению личности, призванной жить и трудиться в условиях рыночных отношений, конкуренции и ценностей современного мира»⁴⁵. Это ещё большая загадка. Можно ли, например, считать «консервативным стереотипом и привычкой» готовность молодого человека помогать ближним, тратить силы и время во благо общества? Ведь всё это явно мешает его становлению, как личности, в условиях рыночной конкуренции и «ценностей современного мира». Получается, что те качества, которые один пункт учебника предлагает педагогу в учащемся развивать (духовные традиции), другой пункт обязывает ликвидировать (консервативные стереотипы и привычки, за которыми скрываются те же духовные ценности).

Учебник, таким образом, обязывает педагога двигаться в исполнении своих профессиональных обязанностей путём проб и ошибок, ориентируясь не на политический государственный заказ, а на свою педагогическую интуицию и гражданскую ответственность. Работа педагога всегда нацелена на перспективу.

Педагог обязан, так выходит, лучше управленца разбираться в том, что именно государству будет надо от сферы образования завтра и послезавтра, не имея представления о том, что ему нужно сегодня. Он должен знать (откуда такое знание возьмётся – неизвестно, если этого не могут сказать даже ведущие экономисты и политологи!), каким будет этот будущий «рыночный» мир будущей России, и будет ли он, вообще, рыночным. Он должен знать наперёд, какие привычки его воспитанников спустя годы будут в считаться «консервативными», а какие нет.

⁴⁵ Там же.

Что касается учащихся, то, по мнению авторов учебника, из стен российских учебных заведений они должны выходить не гражданами Российского государства, а «свободными субъектами». Вместо сознания гражданского (патриотического) долга и ответственности они должны обладать лишь некими «гражданскими компетенциями». Умение ставить галочку в бюллетене тоже является гражданской компетенцией, но интересно ли сегодня государству иметь граждан с такой узкой компетенцией, или ему нужно что-то ещё?⁴⁶.

Закономерно, что непонимание педагогами идеологических задач, которые они должны были решать средствами обучения и воспитания, стало препятствием на их пути к активному сотрудничеству с органами государственного управления образованием в проведении реформ. В настойчивом стремлении этих органов активизировать участие работников образования в реформировании школьного и вузовского образования педагоги увидели только намерение управленцев усилить бюрократический контроль их работы в школе и вузе⁴⁷.

С момента издания упомянутого учебника прошло два десятилетия. За это время на свет появились, например, «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года», которые устанавливали прямую связь между задачами, стоящими сегодня и в перспективе перед государством в его внутренней и внешней политике, и его интересом к качеству политической культуры молодых граждан. В интересах государства, утверждали авторы этого документа, воспитать у молодёжи патриотизм, готовность защищать своё Отечество и содействовать укреплению его силы.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Курбатова М.В. Реформа высшего образования как институциональный проект российской бюрократии: содержание и последствия // Мир России. 2016. № 4. С.59-86./ URL: [https://www.hse.ru/data/2016/10/12/1108659881/mir%20rossii%20№4_%202016%20\[Pages%2059%20-%2086\].pdf](https://www.hse.ru/data/2016/10/12/1108659881/mir%20rossii%20№4_%202016%20[Pages%2059%20-%2086].pdf) (дата обращения 16.10.2019); Усольцев А.П. Бюрократизм как индикатор системных противоречий системы образования // Образование и наука. 2018. Т.20. №3, С.9-32. / URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/byurokratizm-kak-indikator-sistemnyh-protivorechiy-sistemy-obrazovaniya.pdf> (дата обращения 14.12.2019).

Подчёркивалась необходимость воспитать у молодых людей независимость мышления, «созидательное мировоззрение», культуру межнационального общения, способность принимать такие самостоятельные решения, которые направлены на повышение благосостояния страны, общества и семьи⁴⁸.

Ещё более определено государственной политико-идеологический интерес был заявлен в федеральном законе «О молодёжной политике в Российской Федерации»⁴⁹. Государство, согласно этому закону, намерено воспитывать в молодых людях гражданственность, патриотизм, понимание необходимости преемственности традиций, в том числе национальных, уважение к этим традициям и отечественной истории, в целом, стремление к межнациональному и межконфессиональному согласию, неприятие проявлений экстремизма в гражданских отношениях.

Это направление государственного нормотворчества к настоящему времени глубоко изучено многими отечественными специалистами и, в целом, оценено ими позитивно⁵⁰. Исследователи детально анализируют содержание упомянутых документов по той, как нам представляется, причине, что находят в них тот минимум конкретики (в сравнении с другими текстами, регулирующими образовательный процесс), который необходим в качестве точки отсчёта для научных рассуждений о государственной образовательной политике, о её

⁴⁸ Основы государственной молодёжной политики Российской Федерации на период до 2025 года. утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р / URL: <http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (дата обращения 21. 01.2021).

⁴⁹ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации» / URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (дата обращения 21. 01.2021).

⁵⁰ Зеленин А.А. Государственная молодёжная политика Российской Федерации: концептуальные основы, стратегические приоритеты, эффективность региональных моделей / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук 23.00.02 - политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии (политические науки). Нижний Новгород, 2009. / URL: <https://www.dissercat.com/content/gosudarstvennaya-molodezhnaya-politika-rossiiskoi-federatsii-kontseptualnye-osnovy-strategic/read> (дата обращения 18.08.2019); Молодежь: актуальные социальные практики: монография / Б.И. Бедный, Г.Л. Воронин, В.П. Козырьков [и др.]; Под науч. ред. Т.Э. Петровой. – Нижний Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2020. – 250 с. / URL: <http://www.fsn.unn.ru/wp-content/uploads/sites/5/Molodezh-2020.pdf> (дата обращения 03. 10.2022).

плюсах и минусах. Более-менее чёткими являются требования государства к профессиональной деятельности людей, занятых реализацией молодёжной политики, обозначены ресурсы государства и общества, которыми эти люди могут располагать. В последней редакции упомянутого федерального закона даже просматривается консервативно-патриотический государственный идеологический заказ. Но именно просматривается, а не заявляется публично.

Заметим, что спустя два десятилетия, в 2021 г., был издан другой учебник для вузов по образовательному праву⁵¹. Издан, заметим, он был с пометкой, что это первое такое учебное пособие в России. Можно, на этом основании, предположить, что авторы нового учебника в своих рассуждениях о государственном политическом заказе на деятельность образовательных учреждений не находились в какой-либо творческой зависимости от своих предшественников. Тем не менее, в новом учебнике в ряду мотивов для молодого гражданина получить от государства качественное образование и воспитание, на первом плане осталась, как и в самом начале образовательных реформ, индивидуалистическая мотивация. От государства образование он получает в качестве услуги. Притом, услуги почти навязанной, при получении которой он изначально не обязан совершать какое-то ответное движение навстречу интересам своих государства и общества. Новый учебник воспроизвёл формулировки государственного интереса из «концепций» и «доктрин» 90-х гг. прошлого века и самого начала века нынешнего так, как будто не было последних двадцати лет. Как будто за минувшие годы во внутренней и внешней политике, в ценностных ориентациях власти и общества, ничего не изменилось.

В разделе «Современная государственная политика Российской Федерации в области образования» об идейной основе такой политики можно узнать только то, что образование является ресурсом, который необходим

⁵¹ Ожиганова, М. В. Образовательное право: учебное пособие / М. В. Ожиганова. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2021. 144 с. Режим доступа: <http://elar.rsvpu.ru/978-5-8050-0711-9>. Текст: электронный./ URL: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/36003/1/978-5-8050-0711-9_2021.pdf (дата обращения 01.02.2022).

государству для долгосрочного развития, что распоряжаться этим ресурсом государство намеренно демократично и с соблюдением требований к честной конкуренции⁵². О национально-государственных интересах вообще, и идеологическом интересе, в частности, не сказано ни слова!

Те же два десятилетия шла активная работа государственных институтов, руководящих реформированием учебных заведений, над федеральными государственными образовательными стандартами (ФГОСами). Можно было ожидать, что именно они (на то они и стандарты) внесут необходимую обществу ясность в вопрос о политико-идеологический интересе государства. Тем более, что всё это время стандарты почти непрерывно уточнялись, корректировались и основные их требования к педагогам и учащимся всё больше конкретизировались. Соответственно, улучшались условия и для конкретизации формулировок, характеризующих государственный интерес.

Нельзя сказать, чтобы составители нескольких редакций ФГОСов полностью игнорировали проблему невысказанности государственного интереса. Стандарты детально и понятно очертили круг компетенций молодых людей, как потенциальных работников, интересных, в перспективе, их потенциальным работодателям. Составители ФГОСов отразили в них многие константы и переменные развития российских экономики и культуры. Они, тем не менее, не добавили ясности в вопрос о том, будут ли и чем выпускники политически интересны собственному государству, в чём именно должно заключаться соответствие их общих и специфических компетенций его потребностям во внутренней и внешней политике. Не определили, каким должно быть сегодня и в будущем качество политической культуры гражданина, прошедшего обучение и воспитание в стенах российских школы и вуза. Точнее сказать, они определили его так, как будто российские экономика, политика и культура в своём развитии всё ещё находятся в фазе радикальных либеральных реформ, а у государства нет интереса к укреплению своего политического и

⁵² Там же.

технологического суверенитета и к воспитанию в молодых людях патриотического настроя.

Рамки настоящего диссертационного исследования не позволяют осуществить подробный анализ всех школьных и вузовских образовательных стандартов по причине их многочисленности за три десятилетия реформ. Оценить общую направленность этого процесса за минувшие годы можно, на наш взгляд, по тому результату, который мы имеем сегодня.

Результатом процесса (очевидно промежуточным в свете продолжающихся преобразований) является приказ Министерства просвещения России от 31.05.2021 N 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования»⁵³. В его первом пункте, сказано, например, что российская гражданская идентичность обучающихся, какой на выходе из школы её хотело бы видеть государство, является «составляющей их социальной идентичности». Формулировка указывает на то, что государственный стандарт написан его создателями с позиции общественного стандарта. Естественно, что обществу интересно, прежде всего, что представляет собой человек с точки зрения его социальной идентичности, его принадлежности к этносу, социальной страте, конфессиональной традиции и т.д. Политическая идентичность человека, с точки зрения общества, действительно вторична. Особенно если государство само сообщает обществу, как это произошло в России в последнее десятилетие прошлого века, что оно само отказывается от идентификации себя и своих граждан по какому бы то ни было политико-идеологическому признаку.

Но, подчеркнём это, речь в данном случае идёт именно о государственном стандарте. О стандарте, который, по идее, государство создаёт именно для того, чтобы общество было в курсе его нужд и интересов, и последними, а не своими

⁵³ Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 31 мая 2021 г. N 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» / URL: <https://irorb.ru/wp-content/uploads/2021/09/fgos-ooo-prikaz-minprosvescheniya-rossii-ot-31.05.2021--287.pdf> (дата обращения 27.07.2021).

традициями и обычаями, руководствовалось в решении тех или иных государственных задач.

С точки зрения интересов государства (особенно национального, каким является, по своей сути, сегодня РФ) все выглядит, обычно, противоположным образом: социальная идентичность входит в идентичность гражданскую. Для гражданской идентичности в национальном государстве социальная идентичность является фундаментом. Она либо укрепляет эту идентичность, и тогда разные этнические группы и социальные страты соединяются в союз политических единомышленников – нацию, либо создаёт предпосылки для развития сепаратизма. По этой причине нормально функционирующее национальное государство прилагает максимум усилий к тому, чтобы в сознании людей их гражданская политическая идентичность доминировала над идентичностью социальной. Каким бы ни был социальный статус разных людей, государство обычно настаивает (при помощи конституционных норм, в первую очередь, а также разных административных практик), чтобы в отношении с ним и даже друг с другом, когда речь идёт об их участии в политических делах, они вступали как граждане, равные в своих правах и обязанностях.

Работник любого учебного заведения, государственного или частного, обязан сегодня руководствоваться в своей профессиональной деятельности государственными образовательными стандартами. Парадокс той ситуации, которую провоцирует рассмотренная нами формулировка, в том, что государство, фактически, обязывает ею работников российского образования в реализации реформ и, в целом, государственной образовательной политики, считать государственный политический интерес вторичным по отношению к интересу собственному, человеческому.

Одна формулировка, таким образом, сразу определила принципиальный смысл документа, как правовой и идеологической основы осуществления государством управленческой деятельности в сфере образования. Политико-идеологический интерес государства к руководству развитием отечественного образования в этом документе предстаёт перед потенциальными исполнителями

– работниками учебных заведений - интересом радикально-либеральным. Тогда как идеологический вектор управленческой активности государства в других сферах культуры, а также в экономике и праве, в последние годы всё больше становится консервативно-либеральным и работники системы образования не могут не замечать и не учитывать в своей работе этот общий идеологический разворот в государственной политике.

О том, что мы имеем дело не просто с неудачной формулировкой, можно судить на основании других целеуказаний нового ФГОСа. В ряду тех многочисленных и разнообразных задач, на решение которых данный ФГОС ориентирует педагогов, нет ни одного упоминания о национально-государственном суверенитете России, о её особых национально-государственных интересах и о первоочередной необходимости воспитывать в подрастающем поколении граждан стремления этот суверенитет и эти интересы отстаивать. Из документа можно понять, что, например, к участию в развитии российского гражданского общества школа должна подготовить своего выпускника так, чтобы он в этом своём участии действовал «с учётом принятых в обществе правил и норм поведения»⁵⁴. О необходимости сформировать у учащегося понимание, что без учёта правил и норм государственной жизни построить нормальное гражданское общество нельзя, не сказано ничего.

Из документа можно узнать и много другого, что характеризует политико-идеологический интерес государства, как его понимают составители ФГОСа. Что во главу своих интересов государство ставит и будет ставить «личностное развитие обучающихся». А потому гражданское и патриотическое воспитание учащихся, согласно стандарту, государство считает не областью своей совместной с обществом ответственности, а исключительно частью этого «личностного развития обучающихся», которому оно, государство, обязуется в меру сил содействовать. Подчиненность проблем гражданского и патриотического воспитания проблемам личностного развития здесь налицо.

⁵⁴ Там же.

Ввоспитанному в стенах российской школы патриоту стандарт предписывает обладать «системными знаниями» о месте Российской Федерации в мире, о её исторической роли, территориальной целостности и вкладе в мировое научное наследие (непонятно, почему только научное -? – *К.А.*), о её современном состоянии⁵⁵. Но, он никак не ориентирует ни учащегося, ни педагогов по поводу того, для чего такие знания молодому человеку нужны ещё, кроме его собственного личностного развития и почему педагоги обязаны наделять учащихся этими знаниями системно.

Эти формулировки можно трактовать и так, что государство даёт добро на то, чтобы молодой человек, сосредоточенный исключительно на вопросах личностного развития, мог чувствовать себя гражданином и патриотом с большим основанием, чем его сверстник, который тратит значительные силы и время для пользы других людей. А в пункте 32.3 этого документа, формулирующего государственный заказ на воспитательную работу с учащимися, прямо сказано: «Рабочая программа воспитания должна быть направлена на развитие личности обучающихся ..., на организацию личностно значимой и общественно приемлемой деятельности», на основе чего и должна строиться, по замыслу авторов ФГОСа, российская гражданская идентичность⁵⁶. Опять же ни слова о необходимости как-то учитывать в воспитательной работе с будущими гражданами России какие-либо национально-государственные интересы. Выпускник должен выйти из стен школы гражданином и патриотом, но какого именно государства, своего или чужого, это, получается, Российскому государству не принципиально. Принципиально, чтобы гражданин получился просто активным и развитым во всех отношениях. Чтобы он позитивно относился к «ценностям и традициям своей семьи, этнической и (или) социокультурной группы, родного края», проявлял уважение «к ценностям

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

других культур»⁵⁷, но не имел бы оснований проявлять озабоченность проблемами собственного государства.

Тот же подход наблюдается во ФГОСах для системы высшего образования. Эти ФГОСы многочисленны ввиду множества специальностей, по которым в ведётся подготовка бакалавров и магистров в российских вузах. Поэтому мы ограничимся анализом ныне действующего ФГОСа по политологии⁵⁸. Выбор такого объекта анализа мотивирован тем, что где, как не в государственном стандарте для обучения будущих профессиональных российских политологов, государственный политико-идеологический интерес должен быть сформулирован максимально чётко и эти формулировки должны отражать нынешние реалии российской внутренней и внешней политики. Тем не менее, среди многих важных и полезных выпускнику-политологу УК и ОПК нет ни одной, которая прямо бы указывала на заинтересованность государства получить выгоду от вложенных в реформирование высшего образования бюджетных средств в виде выпускников-политологов, готовых работать на реализацию во внутренней и внешней политике России российских же национально-государственных интересов. Так же выглядит и состояние универсальных и общепрофессиональных компетенций во ФГОСе для подготовки политологов более высокой квалификации в магистратуре⁵⁹.

В том и другом случае государственный интерес представлен как интерес к стимулированию личностного роста студента, приобретения конкретно ему

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования - бакалавриат по направлению подготовки 41.03.04 Политология. Утверждён приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 23 августа 2017 г. N 814. С изменениями и дополнениями от 26 ноября 2020 г. и 8 февраля 2021 г. / URL: <https://base.garant.ru/71768296/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения 05.03.2021).

⁵⁹ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования - магистратура по направлению подготовки 41.04.04. Политология (уровень магистратура). Утверждён приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 13 июля 2017 г. N 654. С изменениями и дополнениями от 26 ноября 2020 г., 8 февраля 2021 г. / URL: <https://base.garant.ru/71740930/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения 05.03.2021).

необходимых профессиональных и просто человеческих компетенций, стимулирования именно его способностей к личному выбору и конкуренции со сверстниками.

Иначе говоря, государственный интерес государства к управлению системой высшего образования и к получению от неё практической политической пользы в виде контингента хорошо подготовленных и государственно мыслящих политических экспертов, аналитиков и организаторов, и в этих документах представлен как интерес радикально-либеральный. Он подразумевает, что в системе высшего образования государство обслуживает интересы «лично растущего» гражданина, но заведомо не ожидает от него, именно как гражданина, какой-либо отдачи, какого-либо участия в отстаивании своего суверенитета и других национально-государственных интересов.

Тенденция к презентации государственного интереса к управлению реформами образования, как интереса радикально-либерального обнаруживает себя сегодня и в публичном пространстве информационных коммуникаций. О ней можно судить, в частности, по выступлениям публичных лиц, позиционирующих себя в качестве проводников российских государственных политических (и не только политических) интересов в образовательных реформах. Например, на Гайдаровском форуме 2021 г. руководитель Сбербанка Герман Греф, постоянно выступающий в роли эксперта и лидера общественного мнения, который оценивает результаты предшествующего этапа реформ и проектирует новые реформы, озвучил типичный для российского радикального либерала аргумент в пользу того, что советскую школу требовалось разрушить, а процесс создания новой школы и её реформирования не должен прекращаться никогда ⁶⁰. Советская система образования, по его мнению, решала одну политическую задачу – «ликвидацию безграмотности» населения советской

⁶⁰ Герман Греф о моделях образования, мягких навыках, своем плохом поведении, Борисе Акуanine и Хорошколе. 2 июля 2020 / URL: <https://novostivoronezha.ru/2020/07/02/179488> (дата обращения 10.01.2020).

страны. По мнению Германа Оскаровича, она не давала учащимся ничего, кроме типовых знаний. Любопытно, что такая оценка пользы, приносимой обществу и государству советской школой, прозвучала из уст человека, сегодня безусловно успешного и влиятельного, но который, по его собственному признанию, прозвучавшему тут же, учился в школе без интереса, плохо, был не дисциплинирован и даже едва не был исключён из школы за неуспеваемость и плохое поведение.

На современном этапе развития российских государства и общества эта задача «ликвидировать безграмотность», по его мнению, полностью решена⁶¹. Следует заметить, в связи с этой оценкой, что «безграмотность», то есть, неумение человека читать и писать, была побеждена советской школой задолго до начала Великой Отечественной войны. А все последующие десятилетия советская школа занималась тем, что выпускала из своих стен в жизнь людей, в основном, разносторонне образованных и творчески мыслящих. Иначе говоря, она не ограничивалась сообщением первичных знаний, а обеспечивала выпускников постоянным приростом этих знаний и способностью добывать их самостоятельно и соединять с практикой, формулировать свою точку зрения (школьные литературные сочинения помогали этому лучше нынешних тестов) и отстаивать её в дискуссиях. Именно эти задачи, давно успешно решавшиеся советской школой, Г.О. Греф определил в своём публичном выступлении в качестве задач для школы будущего. Чем вызвал довольно бурную негативную реакцию у многих работников образования⁶².

Правда, критики Г.О. Грефа не обратили внимание на важный момент. На то, что главный его аргумент в пользу реформы школы был связан с необходимостью изменить не столько содержание и методику школьного

⁶¹ Чаусов А. Греф сделал заявление об образовании: переводим с цифрового на русский. 15 января 2021 г. / https://tsargrad.tv/articles/gref-sdelal-zajavlenie-ob-obrazovanii-perevodim-s-cifrovogo-na-russkij_314329 (дата обращения 20.01.2021).

⁶² Савенкова Е. Долой «советское» образование: Греф рассказал, как надо учить детей. 06 августа 2021 г. / URL: <https://www.ridus.ru/doloi-sovetskoe-obrazovanie--gref-rasskazal-kak-nado-uchit-detej-359682.html> (дата обращения 12.10..2021).

образования, сколько его **идеологический смысл**. Это следует из общего направления его выступления. Школа должна соответствовать требованиям современного мира. Современный мир основан на конкуренции, а в ней побеждает не тот, кто умней, а тот, кто агрессивней, настойчивей, коммуникабельней, менее склонен к критической самооценке и к уступкам в отношении интересов своих конкурентов. Всё это Г.О. Греф обобщённо обозначил понятием «когнитивные навыки». Российское государство, если оно хочет быть органичной частью современного мира развитых и влиятельных государств, по этой логике, должно поступиться в деле школьного образования своим политико-идеологическим интересом и в своём управлении школьными реформами руководствоваться, прежде всего, интересами индивида к собственному личностному росту и развитию в себе индивидуальных «когнитивных навыков». Государству необходимо смириться с такой уступкой индивидуалистическим устремлениям наиболее «талантливых» и «способных» молодых людей, если оно, в перспективе, хочет не отстать от передовых рубежей глобализации.

Надо заметить, что со стороны государственных менеджеров, ответственных за реализацию образовательных реформ в нашей стране, эти наставления руководителя Сбербанка педагогам, учащимся и, вообще, всем российским гражданам тогда никаких возражений не вызвали. Как не вызывают они возражений и сейчас. Или, точнее сказать, соответствовали ей буквально до последнего времени. Только 25 января 2023 года на встрече со студентами МГУ в Татьянин день В.В. Путин подверг эту реформаторскую стратегию сомнению. И то не официально, а в формате живого общения. Притом, сделал это довольно осторожно, Президент, при обсуждении со студентами перспектив российского образования сформулировал свою позицию в этом вопросе так: «Я попрошу коллег и тех, кто просвещением занимается и высшим образованием и наукой, обязательно это проработать. Как я сказал, нам нужно понимать, кто мы, откуда мы пришли, кто мы сегодня в этом многообразном мире, в чём заключается наше

будущее, понять это многообразие и нашу роль в этом многообразии»⁶³. Понятно, что участниками диалога были студенты, ориентированные на поиск своего места в жизни. И места не только в России, но и в остальном «многообразном мире». И Президент, как можно понять из общего контекста беседы, это имел в виду. Его высказывание выглядит реакцией на конкретную обстановку и конкретную тематику неформального диалога с молодыми людьми. Но симптоматично, на наш взгляд, что государственный интерес в этой коммуникации тоже не был обозначен, а прозвучал всё тот же прежний мотив запросов к российскому образованию со стороны «многообразного мира». Фактически, Президент только в этот момент, только в этом своём высказывании дал поручение руководителям российского образования исследовать вопрос о том, каким может и должен быть интерес Российского государства в управлении образовательными реформами.

Вывод. Сегодня в стране сложилась ситуация, когда радикально-либеральные презентации интересов государства в официальных документах, призванных оптимизировать управление российским образованием и его реформами, противоречат общему развороту интересов властных элит в экономике и социальной сфере в консервативно-либеральное русло. Это противоречие создаёт большой риск и для дальнейшего развития отечественного образования, и для всей внутренней российской политики. На наш взгляд, именно непонимание рядовыми гражданами и педагогами причин, по которым в государственном управлении существует данный идеологический парадокс, является генератором их сомнений в добросовестности усилий государства в реформировании системы образования. Для общества такие сомнения являются стимулом к поиску в государственном интересе «второго дна», которого там, на деле, в большинстве случаев, нет. Такое недоверие является фактором общего снижения легитимности современной государственной политики в РФ.

⁶³ Встреча с учащимися вузов по случаю Дня российского студенчества / URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/70394 (дата обращения 04.03.2023).

Самый большой на настоящий момент политический риск для будущего всей отечественной образовательной системы и всех планов её дальнейшего реформирования) состоит, на наш взгляд, в том, что этот внутриэлитарный идеологический конфликт перекочет в нормативные документы и профессиональные коммуникации между управленцами и педагогической общественностью. Тогда образовательная система, создание которой сегодня планируется, будет в полной мере уникальной по своей основополагающей идее и действительно другой в сравнении с Болонской системой⁶⁴.

В новых нормативных документах, если говорить о возможном практическом решении этой проблемы, разумно было бы сделать ключевым моментом в публичной презентации государственного политико-идеологического интереса то, чего нет в нынешних документах. А именно, простое и понятное гражданину любого возраста требование к выпускнику учебного заведения любого уровня знать и соблюдать Конституцию РФ, как основу их гражданской идентичности и дееспособности. Важно, чтобы в государственных стандартах в дальнейшем фигурировало требование к выпускникам школ и вузов усваивать именно те знания и навыки, которые потом пригодятся не только для «личностного развития», а ещё для укрепления технологического, культурного и политического суверенитета страны, для защиты её национально-государственных интересов.

1.2. Настоящее и будущее политико-экономического интереса государства как субъекта образовательной политики.

Для более глубокого понимания нынешнего состояния и перспектив развития российской системы образования важно представить её проблемы развития во взаимосвязи. Устойчивость на протяжении всего периода

⁶⁴ Глава Минобрнауки назвал Болонскую систему образования "прожитым этапом". 24 мая 2022 / URL: <https://tass.ru/obschestvo/14716295> (дата обращения 28.05.2022).

образовательных реформ либеральной направленности политико-идеологического интереса государства, вместе с недостаточной для понимания гражданами ясностью его формулировок, не могла остаться без последствий. В частности, по отношению к тому, как на сегодняшний день сформулирован политико-экономический интерес государства в сфере образования.

Анализ этого интереса представляется актуальным. По той причине, что речь идёт, в сущности, о стремлении государства создать условия, при которых оно будет не просто тратить средства и силы на реформы, а ещё и получать от этих затрат прибыль. Прибыль, например, в виде решения социально-экономических проблем, создающих дополнительную организационную и финансовую нагрузку на механизмы государственного управления. А также в виде роста поддержки реформ, проводимых государством, со стороны гражданского общества и, особенно, наиболее активной его части – так называемого «креативного класса». За три десятилетия образовательных реформ государственный политико-идеологический интерес мог бы измениться вслед за очевидными изменениями внутривнутриполитической и внешнеполитической ситуации, стать более приближенным к специфическим национально-государственным интересам России, если бы он не был обременён тесной связью с государственным политико-экономическим интересом. Точнее сказать, с тем, как законодатели и чиновники этот интерес понимают, формулируют и презентуют педагогическому сообществу и рядовым гражданам,

Политико-экономический интерес нынешних властных элит к руководящему участию в реформировании российского образования заключается, по нашему представлению, в том, чтобы на этом примере наглядно продемонстрировать гражданскому обществу свою способность решать политические и экономические проблемы «эффективно». То есть, в их тесной взаимосвязи, с соблюдением оптимального баланса политической целесообразности и экономической выгоды, и с использованием такого важного ресурса, каким для любого государства в условиях модернизации является

участие в его начинаниях наиболее активной части граждан (так называемого «креативного класса»).

Словосочетание «эффективная политика» популярно у авторов научных и политических текстов. Они используют его, в большинстве случаев, в качестве теоретической матрицы для оценки нынешнего состояния государственного управления в нашей стране, критики его слабых мест. Это словосочетание используется также для обозначения некоторого идеального качественного состояния, в которое модернизация должна привести весь комплекс отношений между российскими государством и обществом. При такой высокой (идеологической) значимости данного понятия не удивительно, что упомянутыми авторами оно используется также в качестве средства демонстрации своей гражданской и профессиональной лояльности, либо оппозиционности. Например, известный столичный политтехнолог Глеб Павловский (ныне покойный) довольно долгое время, до зачисления в разряд иноагентов, возглавлял «Фонд эффективной политики», созданный им в самом начале периода радикальных либеральных реформ. Он был востребован в качестве специалиста по достижению этой самой «эффективности» на самом высоком государственном уровне⁶⁵. «Эффективная политика», надо заметить, уже многие годы является официально заявленной стратегической целью всего процесса российской модернизации⁶⁶.

Как реально в послесоветских образовательных реформах, как «эффективной политике» обнаружил себя политико-экономический

⁶⁵ Фонд эффективной политики Глеба Павловского. Справка. 27.04.2011 / URL: <https://ria.ru/20110427/368667899.html> (дата обращения 13.04.2021).

⁶⁶ План Путина Краткий справочник-путеводитель. Раздел: Повышение эффективности демократического государства и развитие гражданского общества / URL: <https://www.permgaspi.ru/politads/files/1210.pdf> (дата обращения 21.12.2022); Дмитрий Медведев: модернизация осуществляется ради наших детей. 30 ноября 2010 / URL: <https://www.vesti.ru/article/2145397> (дата обращения 21.12.2022).

Назаров В.П., Подберёзкин А.И., Подберёзкина О.А. Выбор наиболее эффективной политики безопасности России. Комментарий выступления В. В. Путина на Совете Безопасности России 22 ноября 2019 года / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vybor-naibolee-effektivnoy-politiki-bezopasnosti-rossii-kommentariy-vystupleniya-v-v-putina-na-sovete-bezopasnosti-rossii-22> (дата обращения 10.12.2022);

управленческий интерес Российского государства и какие с этим обнаружением связаны риски для будущего развития нашей страны?

В большинстве случаев авторы исследований, посвящённых проблемам внутренней российской политики, при упоминании о её эффективности кавычек не ставят. То есть, они используют данное понятие как характеристику реально достижимого состояния российского политического процесса. А именно, такого порядка отношений государства с обществом, когда затраты (материальные и организационные) на их улучшение будут становиться всё меньше, тогда как последующая польза для государства и общества от таких инвестиций будет всё больше. Соответственно, будет больше тех «креативных» граждан, которые солидаризируются с институтами государства в их управленческих инициативах.

Мы в своей диссертации заключили понятие «эффективная политика» в кавычки. Тем самым, мы сочли необходимым подчеркнуть, что считаем возможным использовать данное понятие в политологическом исследовании преимущественно в качестве метафоры, обозначающей тот идеал, к которому политика, подобно экономическим практикам человека, стремится, но которого она, в отличие от экономики, не может достичь, в принципе. Если только не перестанет быть политикой.

В экономике смысл понятия «эффективность» сложился исторически⁶⁷. В экономической науке существует строгое определение «экономической эффективности» применительно к хозяйственной деятельности людей⁶⁸. Мы же полагаем, что экономический смысл этого понятия не применим для

⁶⁷ Скворцов А.Ю. Генезис характеристики экономических интересов. / Вестник Костромского государственного университета. 2013. Т.19. №3. С.68-70. / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-harakteristiki-ekonomicheskikh-interesov> (дата обращения 07.02. 2021); Кубрак, А. И. Сущность и содержание понятия «экономические интересы государства» / А. И. Кубрак. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 21 (416). — С. 549-553. / URL: <https://moluch.ru/archive/416/92216/> (дата обращения: 09.02.2023).

⁶⁸ Шабашев В.А., Батиевская В.Б. Генезис и классификация понятия «Экономическая эффективность» / Экономика. 2014. №2(54). С. 185 (183-189) / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-i-klassifikatsiya-ponyatiya-ekonomicheskaya-effektivnost/viewer> (дата обращения 07.02.21).

характеристики качества политических процессов вообще, и государственной политики в сфере образования, в частности. Политика - это экономически очень затратный инструмент решения общественных и государственных проблем. Но инструмент необходимый там, где решение проблемы должно состояться любой ценой. В политике «выгода» и «прибыль» - это само по себе состоявшееся решение проблемы, а не то, во что такое решение обошлось экономике. Естественно, что современная и разумно организованная политика не игнорирует экономические условия и последствия своих решений. Политика, конфликтующая с законами экономики, часто (это показал в XX веке опыт СССР, Китая, Кампучии, Чили) ведёт государство и общество к кризису их отношений. В то же время, нигде в мире политика не соглашается быть на вторых ролях, в жёсткой зависимости от интересов и ресурсов субъектов экономических отношений. Мы полагаем, что на российские экономику и политику это правило взаимоотношений тоже распространяется. Метафора «эффективная политика» потому, на наш взгляд, прижилась в российском политическом дискурсе, что она подчёркивает именно эту способность политики быть «эффективной» по-своему, иначе, чем это бы ей предписывали требования экономической эффективности.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что с начала 90-х гг. прошлого века и по сей день организаторы и руководители российских образовательных реформ, а также их исследователи, не проявляют заметной озабоченности тем, что государству его собственные реформаторские инициативы обходятся довольно дорого. Тогда как их результат далёк от ожиданий и элит, и гражданского общества, которые, как обычно бывает в периоды масштабных реформ, явно завышены. Всех субъектов образовательной политики на протяжении прошедшего времени интересовал и интересует даже не конечный результат реформ. Больше всего, их интересовал и интересует процесс изменений в стратегии и тактике реформ и поиск способов поддержания его высокой динамики. В том, что государственный интерес, в данном случае, приобрёл такую специфическую направленность (осуществление «эффективной» образовательной политики без соблюдения требований

эффективности), есть своя политическая прагматика. Мы уже отмечали в предыдущем разделе диссертации важное, на наш взгляд, обстоятельство. А именно то, что при отсутствии идеологической ясности с целями, к которым государство ведёт гражданское общество, оно, иницируя непрерывные образовательные реформы и управляя ими, имеет возможность также непрерывно презентовать себя обществу в качестве безусловного лидера в решении всего комплекса проблем нынешней российской модернизации.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что за послесоветские годы наше государство вложило в реформирование образовательного и воспитательного процессов в российских школах и вузах, в подготовку и переподготовку преподавательских и управленческих кадров, а также в совершенствование учебной и методической базы учебных заведений, весьма значительные денежные средства. И в том, что оно продолжает их вкладывать безотносительно к собственно к политико-экономическому результату таких инвестиций. В медийном пространстве мы не обнаружили каких-либо публичных высказываний официальных лиц и лидеров общественного мнения, в которых бы критика недостатков учебного и воспитательного процессов в нынешних российских школах увязывалась бы с вопросом: на что были потрачены бюджетные средства, предназначенные для исправления этих самых недостатков?

Известный российский социолог Г.А. Ключарев опубликовал, например, данные, согласно которым в 90-е гг. прошлого века российское руководство взяло у Всемирного банка (Мирового банка реконструкции и развития) на реализацию программы «Инновации в российском образовании», рассчитанной до 2004 г., кредит в 71 млн. долларов⁶⁹. На эти средства должны были быть, в основном, изданы новые учебники. Затем, в том же банке, от имени государства был взят кредит ещё на 50 млн. долларов на реализацию программы «Реформы в

⁶⁹ Ключарёв Г.А. О ходе реформ в российском образовании https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23217914_80297067.pdf (дата обращения 23.10.2021)

российском образовании», рассчитанной на 2001- 2006 гг.⁷⁰. Эти деньги предназначались, преимущественно, как раз для реформирования работы Министерства образования и как раз с целью повышения эффективности (в том её понимании, о котором мы говорили выше) механизмов и практик управления подведомственными ему региональными структурами.

С 2004 по 2008 гг. в том же финансовом учреждении были позаимствованы ещё 100 млн. долларов на внедрение в образовательных учреждениях различных цифровых технологий и дистанционного обучения в порядке реализации программы «Развитие электронного образования»⁷¹. На эти средства были закуплены компьютеры и программное обеспечение для школ, в том числе сельских, налажена спутниковая связь.

В 2007- 2010 годы значительные бюджетные средства были инвестированы в проведение конкурса между вузами на получение статуса «Национального исследовательского университета». Приняли участие в нём 110 российских государственных университетов, что потребовало значительных затрат на организационную и экспертную работу. Из них 27 университетов по итогам конкурса получили солидную бюджетную подпитку своих образовательных и научных программ⁷².

Если говорить о школьном образовании, то не поддаются точному учёту те силы и средства, которые государство затратило на внедрение ЕГЭ. О масштабе государственных затрат можно судить по тому, что с ними казна не справилась. Руководство системы российского образования вынуждено было искать дополнительные ресурсы (предлагать школам брать кредиты на

⁷⁰ Там же. С.325-326.

⁷¹ Там же. С.326.

⁷² Там же. С. 327.; Ложенко Н.О. Инновационная модель национального исследовательского университета (теоретико-методологический подход) / Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата социологических наук / Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2012 / URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01005043865?page=1&rotate=0&theme=white> (дата обращения 25.10.2021); Макиров К. Механизмы инновационного развития вузов России // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2011. № 6. С. 50-54 / URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17819578_78304421.pdf (дата обращения 18.10.2021).

внедрение у себя системы ЕГЭ), пытаться привлекать к этому делу частные банки и благотворителей. Впрочем, по наблюдению специалистов, частный капитал на эту инициативу госструктур откликнулся не охотно и основная нагрузка, опять же, легла на казну⁷³.

Согласно государственной программе «Развитие образования», принятой в декабре 2017 г. и впоследствии неоднократно корректировавшейся, в итоге на реформирование российского образования было запланировано с 2018 по 2025 г. потратить 4930873417,9 тыс. рублей⁷⁴. Потрачено было, как можно предполагать, несколько меньше этой суммы. Но, в данном случае, показательно само принципиальное намерение государства осуществить такие бюджетные расходы.

Можно согласиться с утверждением исследователя из г. Оренбурга Н.И.Селивёрстовой, что в минувшие десятилетия «...каждая программа или проект государства (речь идёт о России – *К.А.*) подвергаются оценке на предмет целесообразности государственных затрат»⁷⁵. Но можно и возразить: специалисты, которые создают такие программы и оценивают их «эффективность», оценивают, фактически, именно затраты государственных ресурсов, а не ту вероятную прибыль в интересах и возможностях государства, которая за упомянутыми тратами последует. Наглядным примером может

⁷³ Пашкус Н.А. Оценка экономической эффективности реформ в сфере образования и обоснование новой интегральной модели реформирования отрасли // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 89. С. 290-297. / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_11722932_47490517.pdf (дата обращения 11.11. 2021); Наточеева Н.Н., Белянчикова Т.В., Левашов Е.Н. Кредитование образовательных услуг в Российской Федерации и согласование интересов его участников // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 5. С. 63-66. / URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36457511> (дата обращения 12.11. 2021).

⁷⁴ Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования». С изменениями и дополнениями от: 22 февраля, 30 марта, 26 апреля, 11 сентября, 4 октября 2018 г., 22 января, 29 марта 2019 г. Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 1642 / <https://docs.edu.gov.ru/document/3a928e13b4d292f8f71513a2c02086a3/download/1337> (дата обращения 10.07.2021).

⁷⁵ Селиверстова Н. И. Модификация государственного интереса // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – № 12 (декабрь). – 0,4 п. л. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/16262.htm> (дата обращения 11.07. 2021).

послужить Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования»⁷⁶, о которой мы уже упоминали в первом параграфе нашей диссертации. В ней буквально по годам и вплоть до рубля расписаны все бюджетные траты на реализацию разных образовательных и воспитательных подпрограмм и мероприятий, обязательство произвести которые государство берёт на себя. Тогда как прибыль, которую государство надеется получить в перспективе от таких масштабных финансовых затрат, выглядит очень проблематично. Она, согласно данному документу, состоит в обеспечении глобальной конкурентоспособности российского образования, а также во вхождении Российской Федерации в число десяти ведущих стран мира по качеству общего образования.

Цели для финансовых затрат государства в этом документе обозначены, безусловно важные. Но, как и кто, и с использованием каких критериев будет определять, что они достигнуты? Ведь упомянутую «глобальную конкурентоспособность», как достигнутый российским образованием необходимый результат, можно понимать по-разному. В зависимости от того, что принимать за «глобальный стандарт», ради соответствия которому образовательные учреждения вступают друг с другом в конкуренцию. Если эталоном будет состояние западноевропейского образования, то показатели конкурентоспособность российской средней и высшей школы будут выглядеть одним образом. И образ этот тоже будет тоже достаточно сложным по конструкции. Оценка конкурентоспособности образовательных учреждений в России ещё будет различаться в зависимости от того, будут ли учтены при её оценке достижения и просчёты болонской образовательной политики по Евросоюзу, в целом, или же учёт будет производиться по странам и регионам

⁷⁶ Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования». С изменениями и дополнениями от: 22 февраля, 30 марта, 26 апреля, 11 сентября, 4 октября 2018 г., 22 января, 29 марта 2019 г. Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 1642 / URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/3a928e13b4d292f8f71513a2c02086a3/download/1337/> (дата обращения 06.05. 2022).

(западная Европа, Северная Европа, Южная Европа, Восточная Европа, Прибалтика).

Если исходным рубежом для таких оценок конкурентоспособности будет состояние системы образования, например, в США, то на этом фоне достоинства и недостатки российской образовательной реформы будут выглядеть иначе. Тем более, что и в самих США пресловутая «конкурентоспособность образования» по отдельным штатам и отдельным элитарным и не элитарным учебным заведениям выглядит тоже по-разному.

Мир, к тому же, состоит не из одних Европы и США. «Глобальную конкурентоспособность» российского образования прежде и сегодня определяют также успехи и просчёты в этой сфере правительств и общественных организаций в Китае, в Индии и Японии, в арабском мире и в Латинской Америке. Даже африканские страны и Австралия, в большей или меньшей мере, но тоже участвуют в формировании «глобальной конкурентоспособности» российских школ и вузов.

В этом смысле, заявить в официальном документе, что большие государственные деньги (они же, отчасти, и деньги налогоплательщиков) будут потрачены ради достижения некоей «глобальной конкурентоспособности» отечественного образования, это, по сути, не сказать гражданам ничего определённого.

Точно также выглядит проблема попадания России в десятку ведущих стран мира по качеству образования. Уровень кадровой и методической обеспеченности учебного процесса, результаты ЕГЭ, и успешность воспитательного процесса здесь лишь половина дела. Решающее слово будет за политической и рыночной конъюнктурой. Попала, или не попала Россия в упомянутую десятку, будет зависеть от того, кто и как будет составлять рейтинги и учитывать показатели. Более всего в этом деле манипулирования статистикой поднаторели различные зарубежные рейтинговые агентства, лоббирующие, что естественно, интересы своих спонсоров. В последние «санкционные» годы, к тому же, у них становится всё меньше стимулов видеть в российской внутренней

политике, в том числе образовательной, хоть какой-то позитив. Сомнения в необходимости российскому образованию Болонской системы, которые в последнее время всё чаще звучат в выступлениях руководителей государства, российских чиновников и политиков, вероятнее всего вообще лишат зарубежных специалистов по рейтингованию учебных заведений последних стимулов к объективности оценок качества российского образования.

На наш взгляд, управляющие структуры государства, оставляя такие вопросы без ответа, наносят урон своему взаимопониманию с гражданским обществом и своему политико-экономическому интересу, который в том и заключается, чтобы граждане понимали практическую связь политического и экономического смыслов материальных и организационных трат государства на образовательные нововведения. Потому что здравомыслящий гражданин, каких в нашей стране много, вправе предположить: если деньги потрачены из казны на нужды «глобальной конкурентоспособности», реальные параметры которой каждый волен понимать по-своему, то, скорее всего, не все они были потрачены с практической пользой именно для российских политики и экономики. Потому что «глобальная конкурентоспособность», это, по большому счёту, абстракция, метафора, но никак не конкретное обозначение масштаба и свойств той цели, достижение которой требует соответствующего масштаба и качества государственных инвестиций.

Эту проблему важно, на наш взгляд, иметь в виду при определении институтами управления стратегии и тактики своего и общества участия в дальнейших образовательных реформах. Если новая стратегия и новая тактика будут опираться на аргументированный перечень задач, решение которых, в совокупности, обеспечит усиление в мировом масштабе конкурентных позиций нашей страны, то поводов для сомнений граждан, потрачены ли их налоги на благое дело, будет, наверное, значительно меньше, чем сегодня. Появился бы, в результате, весомый аргумент для граждан в пользу активизации их сотрудничества со своим государством в образовательных реформах и других

его модернизационных начинаниях. Повысился бы, тем самым, общий уровень легитимности государственной внутренней политики в нашей стране.

Что не менее важно, на наш взгляд, это помогло бы самим руководителям государства занять чёткую позицию в публичной коммуникации с гражданами: пойдёт ли дальше наша страна «магистральной дорогой» либеральной демократии и рынка, или же будет искать свой собственный, суверенный политический и экономический путь?

Что руководство государства стремится к такой большей, чем сейчас, определённости в стратегии и тактике образовательных реформ, видно из высказываний на эту тему Президента РФ. В.В Путин, открывая Год учителя, в своей речи определил новую генеральную линию реформ так: «... мы продолжим формирование суверенной системы образования – это очень важная вещь. Я сейчас сказал: суверенная система образования, – мы всё время говорим о суверенитете в разных ипостасях. Это чрезвычайно важная, базовая абсолютно вещь. Причём будем это делать на всех её уровнях – от школы до колледжей и вузов. Подчеркну: историческая миссия отечественной системы образования **всегда** (выделено нами – *К.А.*) состояла в воспитании гражданственности и патриотизма, ответственности за судьбу страны»⁷⁷.

В том же своём публичном выступлении Президент обозначил перспективу, что с 1 сентября 2023 года, «...в школах начнут действовать единые, обязательные к применению федеральные образовательные программы по общественно значимым дисциплинам, предметам, таким как русский язык, литература, география и, конечно, обществознание и история»⁷⁸.

Внешнеполитическая обоснованность выбора в пользу именно такой стратегии в разъяснении особо не нуждается. Понятно, что в условиях экономических, культурных и правовых санкций стран Запада в отношении РФ практически невозможно реализовать большую часть тех принципов, на которые

⁷⁷ Открытие года педагога и наставника / URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/70627 (дата обращения 04.03.2023).

⁷⁸ Там же.

ориентирована Болонская система? Однако, раз реформы в очередной раз как-то изменяют структуру и порядок функционирования российского образования, а государство и общество в очередной раз инвестируют в эти изменения человеческий и финансовый капитал, то нужна ясность с той конечной выгодой, которую государство и общество имеют основание ожидать для себя по результатам реализации нового этапа реформы образования. Сам масштаб инициативы российской власти заставляет предполагать, что государство надеется извлечь из нее и внутривнутриполитические, и внешнеполитические выгоды. На фоне трудностей, с которыми сегодня сталкивается образование в странах Запада, такие выгоды выглядят вполне реально. Самая очевидная выгода состоит в возможности привести результаты работы образовательных учреждений в соответствие с кадровыми и технологическими запросами политики импортозамещения, ликвидировать перекосы на российском рынке труда. Президент, из всех этих очевидных выгод, акцентировал внимание слушателей только на одной: «... открыть больше путей для самореализации подрастающего поколения»⁷⁹. Какой будет выгода государству от такой самореализации? С одной стороны, можно предположить, что очень большая, причём, именно политическая. Человек, нашедший своё место в жизни, открыт к активному участию в государственной и общественной жизни, или, как минимум, является лояльным гражданином. С другой стороны, связь этой «самореализации» с конкретными задачами стратегии импортозамещения, с задачами патриотического воспитания молодых граждан, может быть трактована нашими современниками по-разному. В ней можно, при желании, увидеть и намерение государства следовать принципам демократических коммуникаций с гражданами, не подавлять их личную инициативу. А можно счесть это намерением государства поступиться своими интересами, снять с себя ответственность за результат своих инициатив. Оставлять выбор трактовки целиком на усмотрение граждан – для государства большой риск, поскольку

⁷⁹ Там же.

предпринятые им управленческие усилия могут дать обратный эффект. Собственно, этот обратный эффект (недооценку обществом заинтересованности власти в получении от образовательных реформ позитивного результата) уже можно наблюдать сегодня. А далее эта негативная тенденция может усилиться.

Это большая проблема. Но сегодня для того, чтобы Президент, либо кто-то из руководителей российского образования, высказались со всей определённой о взаимосвязи политико-экономического интереса государства с новыми стратегическими установками образовательных реформ, нужны иные, чем есть в наличии, исходные данные (обобщённые данные об уже достигнутом качестве всей системы российского образования) для анализа и прогнозирования их перспективы. К таким же «персоноориентированным» аргументам, заметим, часто прибегают и отечественные исследователи, когда в научных публикациях рассуждают об «эффективности» и «прогрессивности» нынешних и будущих новаций в образовании.

Политикам и учёным, чтобы конкретизировать государственный запрос к системе образования и спрогнозировать её дальнейшее развитие, недостаёт (в пользу чего свидетельствуют обтекаемые формулировки, используемые ими) точных данных о, образно выражаясь, конкретной прибыли, полученной государством за минувший период реформ на конкретный бюджетный рубль, инвестированный в решение конкретной политико-экономической задачи посредством перестройки работы образовательных учреждений. Формально, статистики много. Есть данные о потраченных государством денежных средствах на издание новых учебников, разработку и внедрение новых образовательных и воспитательных технологий и методик. Есть данные о размахе внедрения различных управленческих и самоуправленческих новаций.

Вместе с тем, недостаёт связующего звена между этими двумя группами данных, о необходимости которого мы уже упомянули. Данных, которые наглядно показывали бы, что конкретный инвестированный государством в сферу образования, в решение конкретной задачи его реформирования рубль, дал столь же конкретную отдачу в виде удовлетворения политико-

экономического интереса государства в том или ином его конкретном измерении. Или же государственные деньги и управленческие силы были вложены, но вместо решения проблемы это привело лишь к её усугублению.

На наш взгляд, для появления конкретики в формулировках стратегии развития российского образования, большое значение имели бы данные о решении на нынешнем этапе совершенно частных задач. Когда, например, начиналось внедрение Болонской системы в России, то одним из главных аргументов её сторонников был тот, что она, особенно если её соединить с опытом образовательной политики в США, есть наиболее верный путь к демократизации отечественного образования⁸⁰. А одним из наиболее явных индикаторов состоявшейся демократизации является право учащегося на «выбор школы», выбор «образовательной траектории»⁸¹. Была ли решена данная конкретная задача с тем результатом, который оправдал бы затраты государственных средств и управленческих усилий? Ответ даёт исследование, опубликованное в 2022 г.⁸². Исследование, заметим, осуществлено специалистами Высшей Школы Экономики, которая на протяжении последних трёх десятилетий была главным инициативным центром по продвижению «западного» образовательного и воспитательного опыта в российскую систему образования. Прочитав один из итоговых выводов, к которым пришли авторы упомянутого исследования: «Критически важный для социальной мобильности выбор образовательной траектории после 9-го класса в большей степени определяется социальным происхождением, а не академическими достижениями. Сравнительно жесткий трекинг способствует социальному и

⁸⁰ Куркова С.В. Демократизация образования в России: опыт США и возможности его использования в России <http://www.prof.msu.ru/publ/omsk2/o75.htm> (дата обращения 02.03.2023).

⁸¹ Тенденции развития образования в мире и его реформы в начале XXI века / <https://sgpi.ru/user/-285/umk/СП%204.pdf> (дата обращения 02.03.2023).

⁸² Малиновский, С.С., Шибанова, Е.Ю. Доступность высшего образования в России: как превратить экспансию в равенство / С.С. Малиновский, Е.Ю. Шибанова; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. — М.: НИУ ВШЭ, 2022. — 78 с. — 100 экз. — (Современная аналитика образования. № 7 (67)). С. 51. / <https://ioe.hse.ru/pubs/share/direct/803809235.pdf> (дата обращения 02.03.2023).

территориальному неравенству в доступности высшего образования, а также несет в долгосрочной перспективе риски снижения качества приема в вузы»⁸³. И далее: «Получение высокого качества обучения, как правило, сопряжено с переездом в другой город, что в меньшей степени доступно малообеспеченным абитуриентам. Межрегиональный дисбаланс миграционных потоков и охвата высшим образованием формируют риски потери человеческого капитала для большинства регионов»⁸⁴.

Следовательно, силы и средства государственного управления сферой образования ушли, в данном случае, в никуда. Это и есть сегодня та реальная, опирающаяся на конкретные данные социологии, исходная позиция, от которой, по нашему мнению, есть смысл отталкиваться в определении на государственном уровне новой суверенной стратегии развития российского образования и управления этим развитием.

Другой подобный пример, по которому можно судить о политико-экономической «эффективности» образовательной политики государства, чтобы дальше сделать её суверенной и прибыльной для государства. Оправдывались образовательные реформы недостатком специалистов конкретной квалификации на рынке труда и в уже действующих производствах⁸⁵. Была ли эта проблема решена путём глубокого реформирования обучения в школах и вузах по всей РФ? Прочитируем ещё одну экспертную оценку из той же публикации: «Образовательная мобильность в большинстве случаев означает трудовую миграцию. Неравномерное распределение талантов в дальнейшем конвертируется в диспропорции на рынках труда и в ограничения для развития региональных экономик»⁸⁶.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Алексеева Ю.А. Индикаторы состояния рынка труда в Российской Федерации и их динамика

Экономика и управление: проблемы, решения. 2021. Т. 3. № 12 (120). С. 4-10 / URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47560535_65671517.pdf (дата обращения 17.06.2021).

⁸⁶ Малиновский, С.С., Шибанова, Е.Ю. Доступность высшего образования в России: как превратить экспансию в равенство / С.С. Малиновский, Е.Ю. Шибанова; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. — М.:

Это конкретная и чёткая экспертная оценка, в свете которой теряют конструктивный смысл абстрактно-философские рассуждения о необходимости и дальше тратить государственные силы и средства на попытки «догнать и перегнать Запад» и достойно «ответить на вызовы глобализации» безотносительно к тем выгодам и ущербу, которыми эти «ответы» сопровождаются последние три десятка лет. Конструктивный смысл в таких абстрактных мотивациях отсутствует просто потому, что трудно и рискованно (в политическом и экономическом смыслах) решать новые задачи государственного управления, не достигнув удовлетворительного результата в решении задач предшествующих, не взвесив реальные плюсы и минусы такого результата.

Интересам государства и задаче продолжения образовательных реформ в направлении суверенизации российской системы среднего и высшего образования будет соответствовать, по нашему мнению, непрерывный, как сами образовательные реформы, и компетентный мониторинг конкретных ситуаций, когда связь общественных и государственных интересов на почве образовательных реформ образуется, либо, напротив, нарушается. По крайней мере, в этом случае, появится понятный предмет для законодательного регулирования и новые нормативные акты будут направлены на решение учебными заведениями накопившихся прежних проблем, а не на создание для них проблем новых. Таковые неизбежно возникают, когда нормативные документы предписывают педагогическим коллективам, а вместе с ними учащимся и их родителям, в учебном и воспитательном процессах руководствоваться некими «мировыми вызовами» и «мировыми трендами».

Такого рода глобальные факторы имеют, несомненно, большое значение для судеб образования в мире и в нашей стране. Вот только те субъекты образовательной российской политики (учителя, вузовские работники

негуманитарной специализации, чиновники региональных министерств, родители учащихся и сами учащиеся, наконец) которым государством вверена её реализация (особенно в разнообразных по людским и финансовым ресурсам российских регионах), ориентируются не на «глобальные факторы». О существовании и смысле последних они часто вообще не подозревают, занятые своей повседневной профессиональной деятельностью. В самих нормативных документах, заметим, обычно нет внятного разъяснения этого смысла.

Такой мониторинг настоящей, конкретной, а не метафорической «эффективности» образовательной политики, может быть практически организован посредством стимулирования государством (государственное задание) соответствующих исследований политологов, экономистов и социологов. Его структурной частью нам видится также публичная коммуникация руководителей образования с педагогической общественностью в школах и вузах, для которой новые коммуникационные технологии снимают, фактически, все организационные препятствия. Никакая прорывная, а, тем более, суверенная политическая и экономическая стратегия государственного управления образовательной сферой в нашей стране не появится, по нашему мнению, до той поры, пока главным, а, порой, и единственным аргументом экспертов и управленцев в пользу важности и «эффективности» образовательных реформ (а потом этот аргумент становится также основой для разработки государственных программ стимулирования развития российского образования, ФГОСов и т.д.), будут ссылки на некие «глобальные конкурентные риски» и «вызовы внешней среды», на необходимость соответствовать «мировым трендам».

Тем более, что в условиях нынешнего идеологического плюрализма в России все эти «риски», «вызовы» и «тренды» могут быть по-разному интерпретированы не только рядовыми гражданами, но также и управленцами, осуществляющими реформы от лица государства. Разнобой вероятных идеологических интерпретаций влечёт за собой, в данном случае, тот риск, что и новая государственная стратегия образовательной политики станет почвой для

разногласий субъектов политики вместо того, чтобы содействовать консолидации их интересов и усилий.

Консолидация будет затруднена, если новая стратегия, как и её предшествующая, нынешняя, не разрешит в массовом сознании некоторые принципиальные, на наш взгляд, вопросы обозначенные Президентом РФ в его выступлении, упомянутом выше. Допустим, что государство намеренно именно **продолжить** инвестирование сил и средств в создание суверенной российской системы образования. Но тогда получается, что и в предшествующие три десятилетия **оно уже занималось** именно созданием такой суверенной системы. А ведь, в реальности, оно занималось не этим. Оно занималось повсеместным насаждением Болонской системы, признать которую «суверенно-российской» (с какой стороны, исторической либо современной, на неё не посмотреть) никак невозможно. Она, по факту, является не продолжением каких-то суверенных российских традиций народного образования, а механически скопированным опытом других стран в деле организации государственного менеджмента образовательной сферы. За время её распространения «Болонского процесса» по Европе и России для него межгосударственными соглашениями и резолюциями всевозможных международных совещаний были определены самые разные цели и задачи, а также ценностные приоритеты. Но в их ряду отечественные исследователи этого процесса в Европе и России, даже весьма лояльно по отношению к нему настроенные, не обнаружили ничего, что, хотя бы с большой натяжкой, можно было бы трактовать как миссию воспитания гражданственности и патриотизма, как нацеленность этого процесса на реализацию интересов современного Российского государства⁸⁷.

⁸⁷ Слепухин А.Ю., Костюченко Л.С. Болонский процесс: есть ли реальная альтернатива? // Вестник Саратовского государственного Технического университета. 2006. Т.2., №1(12). С.166-174 / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolonskiy-protsess-est-li-realnaya-alternativa/viewer> (дата обращения 02.11.2022); Ткач Г.Ф., Сенашенко В.С. Болонский процесс: обзор эволюции приоритетов и промежуточные итоги // Высшее образование в России • № 7, 2015. С.119-130 / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolonskiy-protsess-obzor-evolyutsii-prioritetov-i-promezhutochnye-itogi/viewer> (дата обращения 04.11.2022).

Понятно, что помочь российской власти преодолеть такого рода препятствие на пути к взаимопониманию с гражданским обществом, может и должна наука. Но её позиция была и остаётся все годы образовательных реформ в нашей стране тоже очень противоречивой. С одной стороны, исследователи «болонского процесса» и руководящего участия в нём государства подчёркивают политическую и экономическую обоснованность всего, что было за минувшие годы сделано в плане реорганизации структуры образовательного пространства и порядка работы средних и высших образовательных учреждений. Из их рассуждений можно сделать вывод, что внедрение «болонских» образовательных стандартов было той естественной потребностью дальнейшего развития нашей страны по пути прогресса, не заметив которую и не отреагировав на которую российские управляющие элиты проявили бы непозволительную (особенно, в условиях различных «глобальных вызовов») хозяйственную некомпетентность и политическую безответственность.

А, с другой стороны, те же исследователи подводят свой анализ государственного управления образованием к неутешительному выводу (ещё и парадоксальному в свете предшествующих похвал Болонской системе), что всё, что за десятилетия было государством сделано, было сделано, фактически, впустую, что ожидаемого нового качества работы системы российского образования Болонская система не обеспечила!

На фоне доказательства исследователями политико-экономической «объективной необходимости» образовательных реформ странно для читателя выглядит такая, например, оценка их результата: «Затянувшиеся непопулярные в стране реформы образования разошлись с задачами правительства по подъёму экономики»⁸⁸. Где, когда, в чём разошлись? Произошло ли это случайно, или повлияла чья-то воля, враждебная интересам нашего государства?

⁸⁸ Барышников С.О., Степанов А.Л. Как обучение подчинить задачам отрасли // Мир транспорта. 2017. Т. 15. № 1 (68). С. 224-230. С.227. / URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30067952_16656014.pdf (дата обращения 18.12.2022).

Вместо ответа на эти вопросы, специалисты, чаще всего, просто констатируют факт: попытки государства опереться в решении политических проблем на экономические ресурсы, свои и общества, а в решении экономических проблем действовать политическими средствами не увенчались успехом. Интерес государства, если исходить из сути обтекаемых формулировок авторов данного исследования, не стал достижением государственного управления. **И повинно в этом, по логике такого противоречивого анализа, прежде всего, само государство.** Его вина в том, что оно все минувшие годы вкладывало в реформы образования денег много, но, всё-таки, недостаточно, не столько, сколько того требует, по мнению экспертов, важность радикальной перестройки системы российского образования.

Суть научных претензий к государству можно сформулировать так: оно затеяло великое дело, а на конкретных инвестициях попыталось экономить. Как высказались на этот счёт авторы научного доклада, более подробный анализ которого мы представим далее, «содержание и объём социальных обязательств государства в сфере образования были «недостаточно конкретизированы»⁸⁹. Государство, по мнению тех же экспертов, руководило реформами в нужном направлении. Но, при этом, оно допускало «неоправданный» (хотя, если государство тратило бюджетные деньги, то почему не оправданный? – *К.А.*) бюрократический контроль за ходом реорганизации работы образовательных учреждений.

Такие же оценки по принципу «всё сделали правильно, только крайне неудачно» представлены в другом академическом исследовании. Оно было опубликовано в далёком кризисном 2009 году, но посвящено прогнозированию ключевых задач и направлений государственной политики до 2025 года. Доклад,

⁸⁹ Стратегия-2020: Новая модель роста — новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. Книга 1; под научн. ред. В.А. Мау, Я.И. Кузьминова. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. — 430 с. С. 301 / URL: https://www.hse.ru/data/2013/11/08/1282093572/Стратегия-2020_Книга%201.pdf (дата обращения 17.12.2022).

по структуре, смыслу и уровню научной титулованности его авторов был явно предназначен руководству нашей страны. Его авторы добросовестно проанализировали качество и количество финансовых вложений и руководящих усилий нашего государства в сфере образования. В целом, они их признали объективно необходимыми, своевременными, и одобрили. Тем не менее, такие оценки главных результатов работы, проделанной и государственными структурами управления образованием, и педагогическим сообществом страны, специфичны. Они таковы, что возникает вопрос: на что прежде государством были потрачены такие значительные силы и средства, если, фактически, всё надо начинать делать сизнова?

Так, в главе 10-й «Профессиональное образование» авторы исследования характеризуют итог управленческих усилий государства словами «несоответствие структуры профессионального образования и рынка труда», «падение качества подготовки», «недостаточность масштаба и качества подготовки квалифицированных работников-«исполнителей» и низкой престижности соответствующих программ», «низкая инновационная активность вузов, недостаточное «производство инноваторов»», «проблема доступности качественного профессионального образования для семей с низкими доходами и низким уровнем образования родителей»⁹⁰.

В следующем разделе доклада, в главе 11-й, посвящённой результатам и перспективам реформирования средней школы, видим сходные оценки политико-экономические оценки результата проделанной государством и педагогами работы: «недостаточный охват детей дошкольным образованием», «высокая доля школьников, не достигающих удовлетворительного уровня функциональной грамотности», «значительное отставание наименее успешных

⁹⁰ Стратегия-2020: Новая модель роста — новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. Книга 1; под научн. ред. В.А. Мау, Я.И. Кузьмина. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. — 430 с. С. 278-279 / URL: https://www.hse.ru/data/2013/11/08/1282093572/Стратегия-2020_Книга%201.pdf (дата обращения 17.12.2022).

групп учащихся от наиболее успешных», «недостаточное развитие социальной компетентности и позитивных социальных установок выпускников школ», «ухудшение качества педагогического корпуса», «рост межрегиональных и межшкольных различий в качестве образования», «стагнация системы дополнительного образования и воспитания»⁹¹.

Особенно обращает на себя внимание заключение авторов этого доклада, что реформированное российское «образование перестало выполнять функцию социального лифта, оно начинает воспроизводить и закреплять социальную дифференциацию»⁹².

А ведь, надо заметить, что в превращении российского образования в один из главных социальных лифтов, обеспечивающих формирование опоры российской либеральной демократии – так называемого «креативного класса», изначально заключалось одно из главных оправданий необходимости системной образовательной реформы. Этим же был мотивирован, как сегодня нередко с сожалением констатируют исследователи, выбор в пользу внедрения в российском образовании Болонской системы. Её сторонниками она преподносилась как наиболее «социально-лифтовая» из всех возможных. Притом, следует заметить, что уже на момент своего внедрения в России она демонстрировала свою неспособность реализовывать эту функцию в других странах⁹³.

В свой перечень политико-экономических проблем, усугубленных образовательными реформами и отягощающих государственное управление, авторы доклада включили также не соответствие сети образовательных учреждений, сложившейся по ходу реформы, особенностям расселения российских граждан. Здесь же присутствует указание авторов на возникшее в

⁹¹ Там же. С.200.

⁹² Там же. С. 201.

⁹³ Свадьбина Т.В., Немова О.А. Высшее образование как «социальный лифт»: оценка эффективности // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 2 (53). С. 111-118 / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vysshee-obrazovanie-kak-sotsialnyy-lift-otsenka-effektivnosti> (дата обращения 28.11.2022).

период реформы несоответствие содержания и формы образования изменившимся запросам общества⁹⁴. По их мнению, результаты образования, которые должны быть получены реформированными учебными заведениями «сформулированы абстрактно и не могут быть использованы для обоснования стоимости условий реализации ФГОС»⁹⁵. По причине абстрактности представлений о конечной цели реформ в школах и вузах, считают авторы доклада, исчезает ясность с тем, на какие именно результаты должна быть ориентирована система оплаты труда учителей и, в принципе, весь порядок государственного финансирования образовательных учреждений⁹⁶.

Такой разноаспектный и масштабный анализ состояния и перспектив российского образования его авторы подытоживают весьма критичной суммарной оценкой реальной политико-экономической эффективности образовательной политики по следам её реформирования, призванного сделать её «эффективной». В докладе отмечено, что сама идея единовременно реорганизовать всю систему российского образования сверху до низу повлекла за собой огромные моральные и материальные издержки, и что эти издержки нельзя считать соответствующими той реальной выгоде, которую от организации и поддержки этих реформ получили государство и общество. Причина высоких издержек, как заявляют эксперты, в стремительности, многочисленности и непрерывности самых разных и не всегда согласованных между собой управленческих и методических новаций. Которые, новации, к тому же, внедрялись почти исключительно в директивном порядке. Вследствие совокупности таких факторов образовательные учреждения оказались не в силах «адаптироваться к новым вызовам внешней среды»⁹⁷.

⁹⁴ Стратегия-2020: Новая модель роста — новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. Книга 1; под научн. ред. В.А. Мау, Я.И. Кузьмина. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. — 430 с. С. 301 / URL: https://www.hse.ru/data/2013/11/08/1282093572/Стратегия-2020_Книга%201.pdf (дата обращения 17.12.2022).

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же.

Главное препятствие на пути реализации государством своего политико-экономического интереса в образовательной сфере авторы доклада определили так: «система образования не успевает обновляться, чтобы соответствовать технологическим, культурным и социальным изменениям», она (звучит как приговор послесоветской политике образовательных реформ - *К.А.*) «становится архаичной, отстает от современных реалий»⁹⁸.

Можно возразить, что со времени публикации этих критических оценок прошло уже много времени и, наверняка, ситуация с несоответствием результатов образовательных реформ политико-экономическому интересу государства изменилась. Изменения, действительно, произошли. Но, скорее, не в лучшую сторону. Не так давно российские журналисты провели опрос ректоров российских вузов. Ректорам, как компетентным экспертам, предложили оценить эффективность работы постоянно уже в течение трёх десятков лет реформируемой вузовской системы. В качестве плюсов реформ ректоры отметили академическую мобильность студентов. Они позитивно оценили наличие у последних широкой возможности удовлетворять личные интересы и карьерные амбиции за счёт смены образовательной траектории. С другой стороны, в качестве большого минуса ректоры отметили факт, намного более существенный с точки зрения политико-экономического государственного интереса. Это факт отсутствия связи между квалификацией выпускников российских вузов, будущего «креативного класса», и запросами работодателей⁹⁹.

Ректоры оцениваю ситуацию, на наш взгляд, именно как управленцы, поставленные государством блюсти его интерес во вверенных им учебных заведениях. Получается, что государство устами ректоров признаёт, что оно потратилось само и принудило потратиться общество на формирование нового «человеческого капитала» российской модернизации. Иначе говоря, на подготовку в России нового молодого «креативного класса», способного

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Ректоры назвали плюсы и минусы Болонской системы. 11 июня 2022 г. / URL: <https://www.rbc.ru/society/11/06/2022/62a35d379a79470fde3a5839> (дата обращения 15.06.2022)

соединить в своих мыслях и поступках демократическую гражданскую культуру с рыночной предприимчивостью, а он, этот «креативный класс», оказался, в итоге, никому не нужен.

Мы допускаем, что наша оценка, основанная на мнении отдельных исследователей излишне субъективна. Можно же предположить, что образовательные реформы, не показав своей политико-экономической эффективности по линии материальных затрат и управленческих выгод государства, оправдали себя в другом направлении. А именно, в создании в России нового «креативного класса», способного стать ядром гражданского общества и главной социальной опорой для государства в его нынешних и будущих модернизационных начинаниях. Тогда нынешнее трудное состояние российского образования можно рассматривать с точки зрения «отложенного эффекта». То есть, с той точки зрения, что именно появление в нашей стране «креативного класса» сделает государственную выгоду от участия в образовательных реформах совершенно очевидной.

Такая логика рассуждения была бы правомерной, если бы представление о «креативном классе», как индикаторе реальной эффективности политики образовательных реформ, обладало бы чёткостью в той мере, в какой это необходимо для понимания того, получило ли государство от своих инвестиций в его создание в нашей стране тот результат, на который вправе было рассчитывать. К сожалению источники, которые мы использовали для выявления государственного интереса к созданию креативного класса, обнаруживают в постановке этой государственной задачи чёткости не больше, чем в вопросе о способах сделать образовательную политику «эффективной».

В начале настоящего раздела диссертации мы уже упоминали, что создание такого «класса» является значимым политико-экономическим интересом государства. По сути, его появление в структуре гражданского общества является той наибольшей практической выгодой, которую государство может надеяться получить от своих ресурсных инвестиций в образовательную систему. В роли такой опоры во всех странах, идущих либерально–

демократическим и рыночным путём развития, выступает «общество потребления»¹⁰⁰, жизнью которого и взаимодействием которого с институтами государства руководит так называемый «креативный класс»¹⁰¹.

Идея не новая в том смысле, что о необходимости роста потребления материальных и духовных благ в современных обществах и о необходимости руководства их жизнью со стороны людей думающих и творческих, говорили многие теоретики прошлого, начиная с А. де Сен-Симона, Ш. Фурье и К. Маркса. Другое дело, что сегодня эта старая политико-экономическая задача приобрела (тут современные исследователи правы, на наш взгляд) новый смысл. Политические партии в России и других странах с демократическими политическими системами сегодня, фактически, стали органичной частью системы государственного политического управления. Усилия их рядовых членов и лидеров сконцентрированы больше на решении текущих проблем общественной и государственной жизни, чем на генерировании политических проектов будущего, как это было нормой в XIX и XX столетиях.

Соответственно, функция определения контуров будущего и подготовки условий для его наступления перешла к государству. Оно стало главным субъектом политики, ответственным за решение этой задачи. И оно решает её, что естественно, прежде всего, в своих интересах. То есть, не столько в интересах просвещения и воспитания широких гражданских масс, сколько в интересах выделения из этих масс отдельных, наиболее творческих и способных личностей, стимулирования их активности, и разработки приёмов

¹⁰⁰ Девяткин С.В. От общества потребления к «обществу впечатлений» (динамика видов потребления) / В сборнике: Культурные индустрии в институтах общества потребления. Материалы Всероссийской научной конференции. Великий Новгород, 2020. С. 26-29. / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44251791_33605172.pdf (дата обращения 21.02.2022); Лексин В.Н. Синтез общества потребления и информационного общества // Контурные глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 2. С. 195-211. / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_43321789_44219338.pdf (дата обращения 21.02.2022).

¹⁰¹ Бузгалин А., Колганов А. Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 18-28. / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_37151946_13307931.pdf (дата обращения 21.02.2022).

«эффективного» использования их потенциала креативности¹⁰². Речь идёт о людях, которые с молодых лет нацелены на достижение в будущем успеха в жизни и работе, которые способны для сверстников и последующих поколений стать примером для подражания. Которые, иначе говоря, способны зримо презентовать обществу его светлые перспективы, отталкиваясь от личного примера, а не от каких-либо политических идеологий, из числа ранее известных, либо новых.

Принудительное внедрение в российское образование «Болонской системы» и новаций, сопутствующих ей в организации учебного процесса (рейтинги преподавателей и учащихся, занятия учащихся созданием и реализацией творческих проектов, ранжирование учебных заведений по уровню популярности у населения и уровню государственной поддержки) является, на наш взгляд, попыткой органов государственного управления переадресовать «креативному классу» ту проективную функцию, которую по разным причинам они не готовы брать на себя.

В минувшие годы исследователи российской политики прямо связывали предполагаемые успехи российских либеральных реформ именно с появлением и ростом этого класса, с его якобы врождённой хозяйственной и политической активностью¹⁰³. По их версии этот класс должен был в своём сознании и

¹⁰² Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года 8 декабря 2011 Распоряжение от 8 декабря 2011 года №2227-р / URL: <http://static.government.ru/media/files/4qRZEpm161xctpb156a3ibUMjILtn9oA.pdf> (дата обращения 12.10. 2021); О развитии системы дополнительного образования детей. Вступительное слово Дмитрия Медведева на совещании. 6 октября 2017 / URL: <http://government.ru/news/29550/#> (дата обращения 12.10. 2021)

¹⁰³ Петровская О.В. Ценности «креативного класса» в культуре постиндустриального общества. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук / Южный федеральный ун-т. Ростов-на-Дону, 2013 / URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01005543245?page=1&rotate=0&theme=white>; (дата обращения 11.07. 2022); Серикова И.Б. Особенности становления коллективной идентичности креативного класса и его социальной миссии в России. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук / Южный федеральный ун-т. Ростов-на-Дону, 2015 /URL:<https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01006643999?page=1&rotate=0&theme=white>(дата обращения 11.07. 2022); Павловец В.И. «России нужны не биороботы, а «креативный средний класс»: о направлениях эффективного реформирования экономики и образования // Альманах современной науки и образования. 2013. № 1 (68). С. 102-105 / URL:

поведении синтезировать всё лучшее, что было в политической и экономической культуре советского человека, со всем лучшим, что есть в либеральной и рыночной культуре граждан в государствах Запада. Пандемия коронавируса подстегнула у нас и за рубежом интерес к проблематике «креативного класса». В распоряжении политологов и социологов появилось много новой фактической и аналитической информации о том, насколько креативные способности людей, перешедших на «удалёнку», либо сменивших род деятельности и место проживания, способны содействовать интересам государства и общества в преодолении наиболее значимых для них внутренних и внешних угроз¹⁰⁴. Эти новые данные, вроде бы, подтверждают, что «креативный класс», его рост и активизацию, можно рассматривать в качестве показателя успешности внутренней политики современных государств, и Российского государства в их числе. В свете пандемийной истории «креативный класс» выглядит действительно неплохим индикатором того политико-экономического эффекта, которого Российское государство вправе ожидать от реформ отечественной системы образования и от своего участия в управлении ими.

Однако, на деле, использовать этот критерий для оценки «эффективности» материальных и управленческих инвестиций государства в различные образовательные нововведения не так просто. Правильнее было бы даже сказать, что его использование привносит дополнительную трудность в понимание нынешнего состояния российской образовательной политики, а также её перспективы.

Дело в том, что смысл понятия «креативный класс» имеет как бы «второе дно». Его не всегда замечают отечественные критики образовательных реформ.

<https://www.gramota.net/materials/1/2013/1/32.html> (дата обращения 18.06.2022); Филимонова Н.В. Тенденции развития молодёжного сегмента как креативного класса российского общества // Представительная власть - XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2013. № 7-8 (126-127). С. 64-67 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21223587_69649941.pdf (дата обращения 18.06.2022)

¹⁰⁴ Степанова Т.Д. Креативный класс в период коронакризиса. Инновации и инвестиции. 2021. № 8. С. 26-30 / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnyy-klass-v-period-koronakrizisa> (дата обращения 15.07.2022).

Тем более, его не афишируют пропагандисты этих реформ, сторонники превращения российских учебных заведений в инкубаторы «креативно» мыслящих индивидов. В результате невнимания тех, кто это понятие использует в нормотворчестве, научных публикациях и массовых коммуникациях, такое же «второе дно» образуется у политико-экономического интереса государства. По крайней мере, в том его виде, в котором он сегодня официально презентуется гражданам. У последних, много лет наблюдающих за процессом «повышения эффективности» российского образования, появляются по следам такой презентации веские основания подозревать, что на самом деле за понятием «креативный класс» скрывается нечто, равно далёкое как от интересов самого государства, так и интересов гражданского общества.

На виду у всех, кто сегодня рассуждает о появлении в России «креативного класса» как задаче, решить которую должны непрерывно реформируемые школы и вузы, вполне разумная мотивация. Суть её в том, что Россия модернизировалась, модернизируется и дальше будет идти тем же путём. А потому в решении модернизационных задач ей не обойтись без большого числа людей (молодых, активных и образованных) которые посвящают себя производству экономических ценностей в процессе творческой деятельности - «креативного класса»¹⁰⁵. Так, в большинстве случаев, смысл этого понятия расшифровывают и используют в массовых коммуникациях и науке политики и исследователи. Такая расшифровка действительно делает «креативный класс» достойной целью образовательных реформ и государственных инвестиций в эти реформы. Потому что «креативный класс» становится, в этом случае, и главным фактором прогресса политической и экономической, а также культурной систем России, и, в то же время, главным показателем гуманитарной направленности этого прогресса. Всё, иначе говоря, в этих трактовка свидетельствует в пользу того, что какие бы силы и средства государство не затратило на осуществление образовательных реформ, каким бы неоднозначным ни было фактическое

¹⁰⁵Калугина З.И. От среднего класса - к креативному.ЭКО. 2007. № 10 (400). С. 93-105. С.94. https://elibrary.ru/download/elibrary_9585175_23477151.pdf (дата обращения 10.07. 2022).

состояние учебного и воспитательного процессов в образовательных учреждениях, само по себе появление в нашей стране большого сообщества молодых и активных людей, посвятивших себя служению общественному благу, с лихвой окупит все материальные и организационные издержки. Окупит уже в том смысле, что данное сообщество, когда образовательные учреждения под управлением институтов государства его создадут, станет главным гарантом реальной осуществимости национально-государственных интересов России, включая политико-экономический интерес к созданию «эффективной» внутренней политики.

Заметим, такие трактовки ничуть не искажают первоисточник, из которого отечественные политики и исследователи образовательных реформ берут упомянутые выше характеристики «креативного класса» как индикатора состоятельности и прогрессивности всей внутренней политики современного государства. Таким первоисточником для всех тех, кто сегодня участвует в публичном обсуждении перспектив российского «креативного класса», является книга американского социолога и философа Ричарда Флориды¹⁰⁶. В этой книге имеют место пространные рассуждения автора об уникальной способности людей, образующих «креативный класс», создавать экономические ценности в режиме творческого поиска. На этом, в первую очередь, делают акцент отечественные популяризаторы идеи, что для любой современной страны появление «креативного класса», это прорыв в светлое будущее¹⁰⁷.

При этом, заметим, те же популяризаторы либеральной стратегии формирования «креативного класса», как наиболее естественной для модернизирующихся обществ и государств, обходят молчанием тот факт, что идея особого «класса» как двигателя прогресса имеет и своё консервативное

¹⁰⁶ Флорида Р. «Креативная экономика и становление креативного класса». Глава из книги «Креативный класс. Люди, которые создают будущее» / URL: https://www.marketing.spb.ru/lib-around/Creative_class.htm (дата обращения 21.07.2022).

¹⁰⁷ Минервин И.Г. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – М.: Классика-XXI, 2011. – 430 с. С. 23. / URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/2013-01-039-florida-r-kreativnyy-klass-lyudi-kotorye-menyayut-buduschee-m-klassika-xxi-2011-430-s.pdf> (дата обращения 21.07.2022).

(например, книга Э. Юнгера «Рабочий: господство и гештальт»), и своё социалистическое (известные «Исторические письма» П.Л. Лаврова) измерения. Американский исследователь не является, в этом смысле, первопроходцем. Нынешняя популярность его идей обусловлена, на наш взгляд, тем, что он исследователь либеральный и, что ещё более важно, американский.

Главная проблема, тем не менее, в другом. А именно в том, что люди, рассуждающие сегодня на тему «креативного класса» и роли государственной образовательной политики в его появлении в России, чаще всего не договаривают. Они умалчивают о специфическом спектре требований к творческой личности, к условиям и продуктам её творчества, только при соблюдении которых она может быть признана «креативной». Надо отдать должное тем отечественным специалистам, которые обратили внимание на эти важные детали, на избирательный характер использования различных компонентов концепции американского исследователя его российскими почитателями¹⁰⁸. Нельзя, вместе с тем, не заметить, что их разумная, на наш взгляд, критика мало повлияла на позицию тех, кто сегодня создаёт научное обоснование для интересов и действий государства в управлении российским образованием, а равно и тех, кто закрепляет эти интересы и действия в нормативных актах. Они действуют всё также избирательно.

Тогда как специфические требования Р. Флориды к «креативной» личности, о которых сегодня в России мало кто вспоминает, дают повод к размышлению о том, насколько, в принципе, сама эта идея и основанная на ней государственная стратегия реформирования российского образования органичны национально-государственным интересам России. В частности, интересу государства к обеспечению своего экономического и научно-технологического суверенитета, к достижению стабильности ценностных основ его существования и т.д.

¹⁰⁸ Мифология креативного класса © С.Г. Галаганова МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия / URL: <http://hmbul.ru/articles/186/186.pdf> (дата обращения 01.04.2022).

Специфические требования, о которых мы упомянули и постарались здесь суммировать, подразумевают, что только та личность принадлежит к «креативному классу», которая:

1. Производит не столько идеи и на их основе полезные обществу и государству материальные блага, сколько воспроизводит самого себя в качестве главного потребителя материальных и духовных благ, которые создают другие социальные группы в составе так называемых «обществ потребления». «Креативный класс», в этом смысле, служит примером потребительства, возведённого в главный признак цивилизованности и прогрессивности¹⁰⁹. По этой, на наш взгляд, причине, в ряды «креативного класса» ни американский исследователь, ни его российские популяризаторы, не зачислили ни рабочих, благодаря творческому подходу которых к производительности своего труда в современных обществах образуется избыток материальных благ, ни педагогических и научных работников, которые образуют и воспитывают будущих «креативщиков».

2. «Креативная личность» выражает себя и образует связи с себе подобными не столько на основе какого-то особого способа творческого труда, какого-то особого направления творческой активности, сколько на основе приобщения к определённому стилю повседневной жизни¹¹⁰. Раньше такой стиль часто именовали «богемным», а ту часть членов общества, которые ему следовали – «богемой».

Особенно интересен перечень «индексов», на основании которых, по мнению Р. Флориды, человек может, либо не может быть отнесён к «креативному классу». Это индексы «модности», «богеми», «плавильного котла», «гей-индекс»¹¹¹. В этом ряду нет даже намёка на какую-то значимость «индекса интеллекта», или «индекса новаторства», на какую-либо вообще связь характеристик «креативной личности» с интересами общества и государства.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Там же.

Можно, конечно, возразить, что нет ничего плохого, чтобы заимствуя для нужд российской образовательной политики зарубежную теорию, отделить, образно выражаясь, «зёрна от плевел». С таким возражением мы бы согласились при том условии, если бы те индексы, о которых мы только что упомянули, были «плевелами». Они, на наш взгляд, являются как раз «зернами» в структуре теории «креативного класса», которая за минувшие годы стала одной из идеологических опор реформирования российского образования.

«Зёрна» эти не органичны общей идеологической направленности внутренней и внешней политики Российского государства. Особенно на современном этапе противостояния нашей страны с теми странами, где сегодня образ мыслей и действий многих людей определяют такого рода «индексы креативности».

Возникает обоснованный, на наш взгляд, и важный для коммуникаций власти с обществом на тему настоящего и будущего образовательных реформ вопрос: **такой «креативный класс» нам, в принципе, нужен, он может быть стратегической целью наших образовательных реформ, насколько его появление соответствует нашим национально-государственным интересам?**

Что для таких сомнений есть почва, свидетельствуют, на наш взгляд, публичные высказывания В.В. Путина на тему «креативного класса». В них, заметим, проблема «креативного класса» трактуется Президентом не «по-западному», а так, как её диктует российская политическая и культурная традиция, как её диктует интерес власти к взаимопониманию с гражданским обществом. Например, в своём послании Федеральному собранию 2012 года В.В. Путин, прямо отождествил «креативный класс» с «интеллигенцией»¹¹². И иначе, на наш взгляд, поступить он не мог. Потому как любые материальные и организационные инвестиции государства в образовательную сферу должны

¹¹² Путин призвал повысить уровень доходов «креативного класса». 12 декабря 2012 г. / URL: <https://www.forbes.ru/news/230817-putin-schitaet-kreativnym-klassom-vrachei-i-uchitelei> (дата обращения 05.03.2023).

иметь социальный адресат. Президент РФ верно заметил, что именно этими двумя понятиями – «интеллигенция» и «креативный класс» в современной России участники массовых политических коммуникаций чаще всего характеризуют социально-политический и экономический статусы работников бюджетной сферы. То есть, всех тех, для кого значимым мотивом к творческому труду являются именно интересы своего государства. Перед законодателями Президент поставил задачу этот статус поддержать. Впоследствии, действительно, государством многое было сделано для повышения уровня жизни врачей, работников культуры и педагогов. То есть, заметим, именно тех категорий работников, которые, если следовать представлениям Р. Флориды и его последователей, в «креативный класс» не входят никаким образом.

В том, что глава государства отождествил «креативный класс» с интеллигенцией, есть, как нам кажется, не только логика традиции. Есть в таком отождествлении и конструктивный политико-экономический смысл. По крайней мере, рядовому российскому гражданину не нужно долго объяснять, в чём, в данном случае, заключается «эффективность» государственных финансовых и организационных вложений в развитие бюджетной сферы, в поддержку и реформирование образовательных учреждений, в том числе. Интеллигенция (независимо от того, какое из множества определений этой социальной группы мы возьмём за основу) всегда отличается от других социальных групп именно тем, что обладает фундаментальными знаниями, хранит, воспроизводит и распространяет их. Находит способы их приложения к разнообразным социальным практикам. В том числе, посредством своего формального и неформального участия в работе механизмов государственного управления общественной жизнью, в осуществлении государственной образовательной политики, в частности. Такое положение интеллигенции в пространстве властно-общественных коммуникаций реально содействует креативности мышления и поведения многих её представителей.

Но есть и проблема в таком традиционно-российском понимании задачи создания в нашей стране «креативного класса». Не решив её, государству и

обществу будет трудно договориться насчёт оправданности в будущем всё новых и новых государственных и общественных инвестиций в реформирование российского образования и в создание с его помощью упомянутой новой социальной группы. Если исходить из того, что «креативный класс» это и есть российская интеллигенция, то последнюю **создавать** нет особой нужды. Она, интеллигенция, с XIX столетия и по настоящее время в России была, есть, и, вероятнее всего, будет. Президент особо отметил, что интеллигенция **во все времена** (выделено нами – *К.А.*) была «опорой» России.

Если же речь идёт о другом, а именно о способах повышения «креативности» мышления нынешних российских интеллигентов до того уровня, при котором они станут активистами государственной политики модернизации, то, на наш взгляд, за счёт простого повышения материального благосостояния работников умственного и творческого труда эту проблему можно решить, но лишь частично. Скорее, при помощи материальных стимулов можно только закрепить такое решение. А само решение, важно, чтобы оно включало в себя ещё и моральные стимулы для развития в человеке стремления к «креативности». Применительно к средней школе таким важным стимулом могло бы стать избавление педагогов от обязанности обеспечивать работоспособность вышестоящих управленческих структур «сырьём». А именно, максимально большим количеством всевозможных бумаг, планов и отчётов, на составление которых уходит большая часть креативных способностей педагогических работников. И будет уходить дальше, вопреки усилиям государства стимулировать её рост путем материальных поощрений. Сегодня значимость моральных стимулов к проявлению человеком «креативности» определяет ещё и тенденция к возрастанию конкуренции новых информационных технологий с человеческим интеллектом.

Моральные стимулы, следует отметить, непременно упоминаются в большинстве официальных анонсов государственной стратегии управления развитием российского образования. Но в таких упоминаниях отсутствует конкретика, которая позволила педагогу понять, насколько его творческий

подход к исполнению профессиональных обязанностей действительно интересен и важен государству. А, с другой стороны, насколько государство в действительности готово взять на себя конкретные обязательства перед педагогическим сообществом страны, помимо декларирования в официальных документах необходимости повысить социальный статус педагога, его профессиональный авторитет, дать максимальный простор его творческим инициативам. Пока официальные документы чаще всего проблему морального стимулирования «креативности» педагогов, как работников бюджетной сферы, сводят к всё тому же повышению уровня оплаты их труда.

Надо ещё упомянуть, что сегодня определённые возможности для развития школьными педагогами своей «креативности» предоставляет нацпроект «Образование». Точнее, те 140 региональных центров переподготовки педагогических кадров, которые к настоящему времени созданы по стране в порядке его реализации¹¹³. Но этот механизм повышения квалификации учителей обеспечивает преимущественно текущие потребности их переподготовки и карьерного роста. Он рассчитан именно на повышение профессиональной квалификации школьного учителя, а не на помощь ему в освоении «креативного» образа жизни. Переподготовка в таких центрах подразумевает вовлечение учителей в некоторую элементарную исследовательскую деятельность. Она же и ограничивает эту вовлечённость рамками программ тех учебных курсов и практикумов, которые осваивают педагоги.

Спустя некоторое время официальная трактовка природы и функций «креативного класса» была озвучена Президентом РФ иначе и в ином смысловом контексте. Так в 2013 г., в одном из публичных выступлений Президент РФ

¹¹³ Современный учитель: как нацпроект поддерживает педагогов в России. 19 февраля 2023 г. / URL: https://национальныепроекты.рф/news/sovremennyu-uchitel-kak-natsproekt-podderzhivaet-pedagogov-v-rossii?pulse_traffic=1&utm_content=All18-50&utm_medium=CPC&utm_source=MRG_Relap&utm_term=RFnews&utm_referrer=https:%2F%2Fpulse.mail.ru&utm_test=x1&utm_campaign=np_obrazovanie_site-np (дата обращения 10.03.2023).

сказал, отвечая на недовольство в обществе образовательными новациями, что в сфере образования имеет место много «несуразностей, излишних сложностей, непонятных часто никому»¹¹⁴. Причина в том, по мнению Президента, что представители «так называемого креативного класса ... пробрались в министерство образования и там все это рисуют». Проблемы в реформировании образования, по мнению Президента, это «результат их работы». Это высказывание Президента о «креативном классе» позволяет представить интерес государства к проблеме «креативного класса» в прямо противоположном ракурсе. А именно, как проблему удержания в разумных пределах активности бюрократии. То есть, как проблему не столько разумного распоряжения «человеческим капиталом», инвестируемым в российские реформы, а, скорее, как проблему очевидных рисков для будущего государства и общества, для их политико-экономических интересов. Рисков, возникающих по следам недостаточного контроля государства за масштабом и качеством таких инвестиций.

Иначе говоря, в одном случае интерес государства к созданию «креативного класса» посредством организованной работы системы образования предстаёт перед нами, как интерес к организации управления процессами, происходящими в обществе. В другом варианте, он предстаёт как интерес государства к совершенствованию самоорганизации и собственной управленческой дееспособности.

Своё понимание того, в каком направлении могут осуществляться государственные инвестиции в создание в нашей стране многочисленного «креативного класса», публично презентовал министр науки и высшего

¹¹⁴ Владимир Путин: Несуразности в системе образования – дело рук креативного класса. Президент РФ Владимир Путин на сегодняшнем Российском литературном собрании заявил, что сложности в системе образования создают представители креативного класса, работающие в министерстве образования. 21 ноября 2013 / URL: <https://spbdnevnik.ru/news/2013-11-21/vladimir-putin--nesuraznosti-v-sisteme-obrazovaniya---delo-ruk-kreativnogo-klassa> (дата обращения 11.03.2023).

образования В. Н. Фальков¹¹⁵. Своим участием он поддержал проведение в Москве первой «Российской креативной недели», в рамках которой произошло обсуждение нынешнего состояния российского «креативного сектора». Показательно, что в перечень сегментов отечественной «креативной индустрии», о развитии которой государство и государственные учебные заведения должны особенно заботиться, попали мода, кино, массмедиа, урбанистика, дизайн и IT. В этот перечень лидеров прогресса российской политики, образования, экономики и культуры не попала ни одна профессия, связанная напрямую с обеспечением государственного суверенитета России в сфере реальной экономики. Той экономики, которая связана с использованием стратегически важных ресурсов и производством стратегически важной продукции.

В приказе Министерства просвещения РФ от 12 августа 2022 г. № 732 «О внесении изменений в федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования» в очередной раз воспроизведён перечень требований к качеству того «человеческого капитала», который школа создаёт и которым она должна обеспечивать модернизацию российской экономики и стабильность гражданско-властных отношений¹¹⁶.

Весь этот перечень требований к «индивидуальному развитию» можно, назвать «Кодексом креативного класса». Выглядят эти требования так, что в них трудно найти какое-либо содержательное отличие от требований прошедших лет, в прежних редакциях стандарта. Это всё та же индивидуальная готовность учащегося к «самовыражению в разных видах искусства», это его стремление проявлять «качества творческой личности». Присутствует в этом списке упоминание о «готовности к труду». Правда, ничего не говорится о том, какой

¹¹⁵ «В университетах нам надо воспитывать самостоятельность». Министр науки и высшего образования России Валерий Фальков о креативном секторе и миссии университетов 16.09.2020 / URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4492728> (дата обращения 21.10.2022)

¹¹⁶ Приказ Министерства просвещения РФ от 12 августа 2022 г. № 732 «О внесении изменений в федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования», утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 мая 2012 г. № 413, 13 сентября 2022 / URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405172211/> (дата обращения 20.09.2022).

именно труд, производительный или не производительный, сегодня особенно важен государству, осуществляющему модернизацию российской экономики и соответствующие образовательные реформы. Упомянуты в цитируемом документе и «осознание ценности мастерства», и «трудолюбие», и «готовность к активной деятельности технологической и социальной направленности», и «интерес к различным сферам профессиональной деятельности», и «умение совершать осознанный выбор будущей профессии», и умение «реализовывать собственные жизненные планы», и «готовность и способность к образованию и самообразованию на протяжении всей жизни», и «осознание своего места в поликультурном мире» и много других хороших и полезных для личного развития качеств человека, развитию которых должна поспособствовать российская школа, естественно за счёт материальных и человеческих ресурсов российских государства и общества. Ни словом, при этом, документ не упоминает о том, как и чем молодой гражданин, в индивидуальное развитие которого были вложены государством огромные силы и средства, может и должен вернуть государству и обществу этот свой гражданский долг. Ни слова не сказано о том, какая польза для государственных интересов сегодня заключена в том, что государство по нарастающей финансирует «креативную» рефлексию молодых людей, от которых никто, включая и само государство, не требует осознания своей гражданской ответственности и реальной своей экономической функциональности. Иначе говоря, никто не требует от гражданина понимания того простого факта, что для будущей своей счастливой и безопасной жизни в данном обществе и данном государстве он должен как-то позаботиться об их интересах развития, а не только о своём индивидуальном самосовершенствовании.

К тому же, формировать в стенах школы эти замечательные качества «креативного» самоощущения и мышления своих учеников в нынешней российской школе должен среднестатистический российский учитель. Он, если смотреть на вещи реально, может и хотел бы послужить для своих учеников образцом творческого мышления, поисковой активности и навыков решения

актуальных научных задач на основе методологического синтеза, как его на это ориентируют министерские приказы. Но не может по многим, не зависящим от него причинам. Не может, вследствие перегруженности учебной работой, а ещё больше написанием всевозможных отчётов в управляющие инстанции о своих намерениях проявлять наивысшую креативность при исполнении своего профессионального долга. Не каждый учитель даже сможет объяснить себе и ученику, в чём смысл отдельно взятых требований и где им совместными усилиями, например, самостоятельно формулировать и актуализировать проблему, рассматривать ее всесторонне

Всем этим требованиям «креативности» не всегда будет соответствовать не только выпускник российской средней школы даже в пределах столичных регионов, не говоря уже о регионах не столичных. Этим требования, если верить мнению ректоров российских вузов, которое мы привели выше, не будет соответствовать и большинство выпускников российских провинциальных вузов.

Но, главная проблема, на наш взгляд, не в том даже, что интерес государства к созданию в стране «креативного класса» заявлен в этом документе в заведомо нереализуемом формате. В конце концов, можно дополнительными разъяснениями органов управления российским образованием в центре и на местах этот вопрос отрегулировать. Уточнить, например, что речь идёт о формулировании идеала, которого российская школа сегодня и в обозримом будущем не достигнет, но, в принципе, должна к этому стремиться. Главная проблема в том, какой определён способ достижения отечественным средним образованием рубежей, намеченных для него государством. Этим способом обозначен так называемый «системно-деятельностный подход». Его суть такова, что он, в принципе, не предназначен для подготовки в учебных заведениях молодых граждан не только думающих «креативно», а даже просто думающих.

Его предназначение, по справедливому мнению специалистов - готовить пресловутых «грамотных потребителей в обществах потребления»¹¹⁷.

Одна фраза, взятая из арсенала либеральных реформ прошлого столетия, свела, фактически, на нет все декларации о новой и соответствующей новым государственным интересам стратегии государственной образовательной политики. Новая стратегия реализуется за счёт прежних «классических» радикально-либеральных средств, при помощи которых высокие и суверенные результаты российским образованием не могут быть достигнуты, в принципе. Человек, которого учат думать только в пределах совершаемого им действия не способен думать самостоятельно за пределами этого действия, тем более на «креативном» уровне. Так что вряд ли, с учетом сказанного выше, можно считать реально работающим индикатором «эффективного» участия государства в управлении процессом реформирования образовательной сферы его инициативы по созданию «креативного класса».

То состояние, в котором сегодня в коммуникациях между властью и гражданским обществом пребывает государственный политико-экономический интерес, можно, на наш взгляд, назвать критическим. К прежним задачам модернизации и политики импортозамещения добавился ряд новых задач, связанных со стремлением геополитических противников нашей страны вытеснить её с мировых рынков и максимально изолировать её от участия в мирохозяйственных связях. Эта политика экономических санкций подразумевает длительную перспективу. Российская экономика должна сегодня, по предположению организаторов санкций, прийти в разрушенное состояние. Что более опасно для страны, полагают они, в дальнейшем у экономики не должно быть шансов подняться. Не должен возникнуть по следам инвестиций государства в сферу образования тот новый «человеческий капитал», который, вопреки внешним угрозам, будет обеспечивать устойчивое развитие

¹¹⁷ Жданько Т.А. Системно-деятельностный подход: сущностная характеристика и принципы реализации / <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemno-deyatelnostnyy-podhod-suschnostnaya-harakteristika-i-printsipy-realizatsii/viewer> (дата обращения 04.10.2022)

отечественной экономической системы. Нынешняя неясность и противоречивость заявки со стороны государства на то, что вложенные им в систему образования средства должны давать реальную отдачу в виде решения конкретных государственных политико-экономических управленческих задач, фактически, лишает образовательные учреждения условий и стимулов для производства «человеческого капитала» нужного качества. Представляется, что это та первоочередная проблема, без решения которой невозможна, в принципе, любая новая и суверенная стратегия развития российской системы образования в XXI веке.

Глава 2. Новая стратегия участия государства в совершенствовании системы российского образования.

2.1. Возможности адаптации «Болонской системы» к изменениям в ценностных ориентирах государственной политики

В последние два года конфронтация России с «коллективным Западом» достигла того уровня, при котором утратила позитивный смысл сама идея, что отечественная система образования когда-либо сможет интегрироваться в так называемое «мировое образовательное пространство», реорганизовавшись по зарубежным стандартам и став каналом продвижения в массы неолиберальных ценностей. Стало понятно (мы об этом писали в предыдущем разделе настоящей диссертации), что «там» российским учащимся, преподавателям и учёным не будут рады, на какие бы образовательные новации и в каких масштабах наше государство ни пошло. Политической выгоды, ради которой государство в течение последних десятилетий поддерживало именно радикальную либеральную стратегию реформирования отечественного образования, оно от своих усилий точно не приобрело. Не состоялась та «мягкая сила», посредством которой Российское государство могло бы, подобно своим «западным партнёрам», повышать свои имиджи и рейтинги в различных геополитических процессах. Не получило государство и нужного ресурса для продолжения модернизации российской экономики по либерально-рыночным стандартам.

Культурная интеграция дала определённые положительные результаты, особенно в части расширения возможностей образовательных учреждений устанавливать профессиональные контакты с зарубежными партнёрами. Она же обернулась утратой того качества отечественного среднего и высшего образования, которое было достигнуто в советские годы¹¹⁸. Интеграция, таким образом, стала не только источником стимулов для модернизации, но также источником угроз российскому национально-

¹¹⁸ Ректор МГУ заявил о снижении качества образования из-за Болонской системы. 09.04.2022 / URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6250b6239a7947735b2e9eea> (дата обращения 22.05.2022).

государственному суверенитету. Разочарование в этой стратегии побудило российскую властную элиту изменить стратегию образовательной политики. А именно, в организации государственного управления процессом реформирования образовательной сферы сделать ставку на традиционно-российские (консервативные, по своей сути) ценности, на реанимацию того лучшего, что было в советской системе образования.

В силу сложившейся ситуации, которую мы обрисовали выше, в повестке коммуникаций власти с обществом актуальность приобрёл вопрос о будущем Болонской системы: и как идейно-ценностной и организационной основы функционирования всей системы российского образования в послесоветский период, и как символа необратимости либерального выбора, который был сделан Россией в конце минувшего столетия.

В предыдущих разделах диссертации речь шла о специфике публичной презентации Российским государством своих политико-идеологического и политико-экономического интересов к участию в реформировании системы образования, в целом. То есть, одновременно на его школьном и вузовском уровнях. Поэтому в настоящем разделе диссертации анализ перспектив Болонской системы в российском образовании мы предварим изложением своей позиции по принципиальному, на наш взгляд, вопросу. Вопрос такой: является ли проблема будущего Болонской системы проблемой только вузовского образования, или же она имеет отношение также к перспективам развития отечественной общеобразовательной средней школы? Оценка перспектив Болонской системы зависит, во многом, от масштаба, в котором мы её видим сегодня и в котором оцениваем меру её влияния на государственную образовательную политику.

Если это проблема только вузовская (образно говоря, «верхушечная»), то здесь перспективы Болонской системы будут определяться преимущественно заинтересованностью государства и самих вузов в управлении рынком труда и подготовке квалифицированных кадров для государственного и частного секторов экономики. Если же это проблема общая для всей «вертикали»

российского образования, от общеобразовательной школы до вуза, то будущее Болонской системы, помимо кадрового вопроса, будут определять и другие государственные интересы. В частности, те, которые связаны с решением задач социализации нового поколения российских граждан. Соответственно, перспективу адаптации Болонской системы к новым социально-политическим и экономическим условиям в России сегодня и завтра надо будет оценивать с точки зрения соответствия преимуществ и недостатков Болонской системы общей стратегии отношений государства и общества в нашей стране.

Формально, Болонская система имела и сегодня имеет отношение только к организации вузовского образования в нашей стране. Реально же все послесоветские десятилетия её влияние распространялось и на образовательный процесс в средней школе. Нравилось это, или нет школьным педагогам, но они вынуждены были искать способы привести свою профессиональную деятельность в соответствие с тем запросом, который к своим потенциальным абитуриентам предъявляли отечественные вузы. А также в соответствие с теми общими стратегическими установками по поводу создания в нашей стране «единого образовательного пространства» и «интеграции в мировое образовательное пространство» всей системы отечественного образования, которые его руководители и идеологи периодически давали своим подчинённым – педагогам школ и вузов.¹¹⁹

Одним из значимых каналов влияния этих стратегических установок на жизнь школы стал ЕГЭ. Он превратил старшие классы общеобразовательной школы во вполне самостоятельный уровень учебной подготовки, так как вся образовательная работа была подчинена задаче подготовки к этому экзамену. А одним из главных аргументов в пользу необходимости такого экзамена (к которому до сих пор прибегают его сторонники), является то, что он наиболее полно реализует принцип «академической мобильности» учащихся -

¹¹⁹ Перспектива реформирования образования в России, возможность введения Единого экзамена и 12-летнего образования. 2004. Эхо Москвы / URL: <https://asmolovsky.ru/2022/10/07/perspektiva-reformirovaniya-obrazovaniya-v-rossii-vozmozhnost-vvedeniya-edinogo-ekzamena-i-12-letnego-obrazov/> (дата обращения 11.08.2022).

потенциальных абитуриентов¹²⁰. Тот самый принцип, заметим, который является основополагающим для Болонской системы.

Другой канал влияния, это так называемый «компетентностный подход» к школьному обучению¹²¹. Это тоже один из главных «столпов» Болонской системы. Он был и остаётся основой методики вузовского образования. Нет видимых признаков того, что от него намерены отказаться на новом этапе образовательных реформ. Напротив, совершенствуются формулировки прежних компетенций, придумываются новые компетенции, всё более дробной и сложной становится система критериев, на основании которых министерские эксперты устанавливают соответствие программ учебных дисциплин действующему ФГОСу и которые преподаватель обязан использовать при оценке освоенности учащимся материалов соответствующей учебной дисциплины.

Он, этот «компетентностный подход» практически обязателен и для школы. Можно даже сказать, что в послесоветское время произошла перенастройка всего отечественного школьного образования на реализацию именно этого подхода к образованию, спорного, но вынужденного, продиктованного самой общей стратегией создания в нашей стране многоуровневого и, главное, непрерывного образования¹²². Спорность этого

¹²⁰ Алексей Лопатин: «Вузовские педагоги считают ЕГЭ если не абсолютным злом, то крайне вредоносной системой» / URL: https://dzen.ru/a/ZF9Dm8k6vUrSCZ2P?from_site=mail (дата обращения 18.05.2023).

¹²¹ Туленкова Л.А. Реализация ФГОС в формировании личностных универсальных учебных действий // Международный журнал экспериментального образования. 2020. С. 30-34 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44181395_57553994.pdf (дата обращения 17.05.2022).; Шишкин Ф.Т. Компетенция и компетентность как ключевые понятия компетентностного подхода в образовании // Наука и школа. 2008. №4. С. 5-7 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_15555813_55373208.pdf (дата обращения 10.05.2022).; Симонова Т.А. Компетентностный подход как фактор модернизации общего образования // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2017. №1. С. 119-123 / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompetentnostnyy-podhod-kak-faktor-modernizatsii-obshchego-obrazovaniya> (дата обращения 21.05.2022).

¹²² А.Г. Асмолов Системно-деятельностный подход к разработке стандартов нового поколения / URL: <https://docs.google.com/viewer?a=v&pid=sites&srcid=ZGVmYXVsdGRvbWVpbnxmZ29zdGVvcmlhcHJha3Rpa2F8Z3g6NWM4NTI1MzdjNDMxMGRkNg> (дата обращения 10.05.2022).

подхода имеет и методический, и политический аспекты. Вопросы качества методики преподавания, основанной на данном подходе, мы затрагивать в своей диссертации не будем. А политический аспект таков, что именно этот подход создаёт технологическую основу для устойчивого доминирования либеральной идеологии в развитии российского образования. Доминирования вопреки даже наметившемуся в последние годы повороту всей теории и практики государственного управления в сторону консервативных ценностей. Что представляет собой эта технологическая основа, достаточно посмотреть, что «знать» и «уметь» и чем владеть должен учащийся, например, российского вуза на специальности «Политология».

И ещё один важный момент. Как это предусмотрено Болонской системой, школы разными способами (за счёт внеурочной работы с учениками, создания профильных классов и активизации участия школьников в различных олимпиадах, поощрения проектной деятельности и даже превращения её в обязательную часть методики обучения) и с разным успехом пытались реализовать принцип выбора учащимся индивидуальных образовательных траекторий. Иначе говоря, в своём стремлении соответствовать «мировым стандартам» отечественная общеобразовательная школа всеми силами старалась идти в ногу со школой высшей.

Эти тенденции предшествующего времени позволяют предположить, что дальнейшее сохранение ориентации вузовского образования на болонские стандарты неизбежно повлечёт за собой и соответствующую необходимость для школы как-то реагировать на то, что будет происходить с Болонской системой по ходу её дальнейших вероятных трансформаций. Адаптация Болонской системы к новым реалиям российской внутренней и внешней политики, к новым интересам государства, это, таким образом, вопрос общей дальнейшей судьбы и вузовского, и школьного образования в нашей стране. Это ещё и проблема того, удастся ли государству на новом витке образовательных реформ, на этапе построения суверенной российской системы образования, реально выйти за те границы, которое оно прежде само для себя

изначально установило решительным отказом от не только реализации, а даже обсуждения других моделей построения системы отечественного образования, помимо Болонской.

Официальная позиция такова, что Болонская система (применительно к задачам развития российского образования, больше не нужна. Теперь национально-государственный интерес теперь состоит в создании в России собственной, уникальной и суверенной, образовательной системы¹²³. Что принципиально важно, новая стратегия участия государства в образовательных реформах (как она презентована в выступлениях официальных лиц) подразумевает не отказ от Болонской системы, как таковой. Новая стратегия подразумевает её суверенизацию, то есть, адаптацию к изменившимся внешнеполитическим и внутривнутриполитическим задачам, решаемым государством. Предполагается, что её основные организационные принципы останутся основой работы государственных институтов управления, школ и вузов¹²⁴. Школы и вузы должны сохранить всё лучшее, что ими было наработано за минувшие послесоветские десятилетия¹²⁵. В школьном образовании это «лучшее» предполагается сосредоточить в так называемом «золотом стандарте» образования¹²⁶. Изменениям должна подвергнуться ценностная основа всей этой организации: из неолиберальной она должна превратиться в консервативно–патриотическую.

Насколько реалистична такая стратегия и каковы её вероятные выгоды и риски? Практическая государственная выгода очевидна. Во-первых, на бюджет не лягут в очередной раз огромные затраты на слом, до основания,

¹²³ Владимир Путин: Россия создаст суверенную систему образования от школы до вуза. 02.03.2023 / URL: <https://rg.ru/2023/03/02/putin-rossiia-sozdast-suverennuiu-sistemu-obrazovaniia-ot-shkoly-do-vuza.html> (дата обращения .08.08.2022).

¹²⁴ «Не нужно делать ритуальные жесты в угоду политической конъюнктуре» / URL: https://ruskline.ru/news_rl/2022/10/04/ne_nuzhno_delat_ritualnye_zhesty_v_ugodu_politicheskoi_konyunktur (дата обращения 08.08.2022).

¹²⁵ Все хорошее от Болонской системы и ничего плохого: высшее образование в России на пороге перемен. 31 мая 2022 / URL: <https://www.bfm.ru/news/501216> (дата обращения)

¹²⁶ В России появится «золотой стандарт» образования. 27 июня 2022 / URL: <https://edu.gov.ru/press/5392/v-rossii-poyavitsya-zolotoy-standart-obrazovaniya/> (дата обращения 10.08.2022).

существующей системы образования и на создание на её обломках чего-то совсем нового. Во-вторых, не потребуются существенных изменений в технологии и идеологии государственного управления образовательными учреждениями и процессом их дальнейшего реформирования.

Риски тоже прогнозируемы. Во-первых, общество может усмотреть в сохранении Болонской системы (пусть даже под другим наименованием) намерение власти имитировать обновление сферы образования, ничего в ней не меняя по существу. Как по этому поводу высказался один из критиков нынешних реформаторских замыслов: «Есть обшарпанный дом, у которого начал разрушаться фундамент. «Восстановители» полгода обсуждают цвет краски, в который этот дом нужно покрасить, и никто не заботится о том, чтобы укрепить фундамент»¹²⁷.

Этот риск можно, отчасти, снизить, если в публичных коммуникациях с гражданами и педагогами на тему будущих реформ в образовании официальные лица и исследователи сделают акцент именно на том действительно новом, чего не было в Болонской системе и что появилось теперь. Со вторым риском сложнее. Это риск фундаментальный, стратегический. Он заключается в конфликте старой формы образовательной политики государства и её нового содержания (которое, возможно появится) и её новых целей (которые уже озвучены). Это, иначе говоря, риск того, что государство, очередной раз затратив свои материальные и кадровые ресурсы и управленческие усилия на решение важной для него политической и экономической задачи, вновь не получит нужного ему практического результата. А это уже будет угроза для легитимности государственной внутренней политики, в целом.

Реальность этих рисков, на наш взгляд, велика. Особенно, если исходить из того, как сегодня руководители российского образования рисуют перспективу перехода от прежней системы образования к новой и обозначают те задачи, которые такой переход должен решить. Так или иначе, но центральным

¹²⁷ Что себе представляет представительная власть об образовании. 30 апреля 2023 / URL: https://dzen.ru/a/ZE563m5FmEi7AajS?from_site=mail (дата обращения 12.05.2023).

моментом таких публичных презентаций становится судьба основополагающих принципов Болонской системы.

То, в какое именно состояние сегодня государство заинтересовано привести российское образование, педагогической общественности объяснил министр просвещения С.С. Кравцов в своей публичной лекции «О развитии суверенной национальной системы образования», прочитанной им 25 января 2023 г. в Московском государственном областном педагогическом университете. Министр заявил буквально следующее: «... когда мы говорим о суверенной системе образования, мы, прежде всего, говорим о том, что ... есть различные подходы в разных странах, но если они вредят нашей стране, нам, нашим детям, то такие подходы нам не нужны»¹²⁸.

Тогда какие подходы считать полезными и нужными? Министр прямо такие подходы не назвал, но обозначил три требования к состоянию российского образования, на реализацию которых будут направлены руководящие усилия государства. Можно предположить, следуя в русле его рассуждений, что если система образования будет удовлетворять именно этим трём требованиям, то тем самым будет решён и вопрос её соответствия российским национально-государственным интересам, по крайней мере, нынешним.

Первое требование – формирование единого образовательного пространства. Второе требование – создание единых условий и требований для осуществления воспитательной работы с учащимися в школах и вузах по всей стране (иначе говоря, единое воспитательное пространство). Третье требование – соответствие теории и практики образовательной и воспитательной работы в школах и вузах традиционным российским ценностям. Речь и в этом случае, по сути, идёт о достижении единства содержания и задач образовательного процесса.

¹²⁸ Лекция Министра просвещения Российской Федерации Сергея Кравцова «О развитии суверенной национальной системы образования». 25 января 2023 года / URL: http://уральские-каникулы.рф/files/upload/Lekciya_Sergeya_Kravcova.pdf (дата обращения 02.03.2023).

На первый взгляд, это весьма благоприятные рамочные условия для трансформации Болонской системы в Суверенную систему. На фоне необходимости для государства в нынешних сложных экономических и политических условиях существования страны одновременно решать широкий спектр задач правового регулирования, хозяйственного и кадрового обеспечения школ и вузов этот перечень требований можно даже считать минимальным.

Проблема в том, что содержание этих, формально очень простых требований представляет собой конкретную проблему для тех, кому предназначено на практике, на новом витке образовательной реформы, приводить работу российских школ и вузов в соответствие с ними. На первый взгляд, необходимости в конкретизации содержания нет, государственный заказ образовательному сообществу предельно ясен. По причине чего министр главным предметом внимания в своей лекции сделал требования государства к педагогическим кадрам, к их профессиональной активности и настрою на участие в реформах.

Принцип «единства требований», действительно, понятен любому разумному человеку. Он является базовым как для современных педагогических, так и управленческих практик. Необходимость отмежеваться от традиций «западного» образования и поставить во главу угла российские государственные и общественные ценности ещё более очевидна в свете той санкционной политики, объектом которой стала Российская Федерация.

Тем не менее, не всё так очевидно, как может показаться. Возьмём требование **единства образовательного и воспитательного пространств**. С одной стороны, в России достаточно высокий уровень единства этих пространств уже имеет место. За последние два десятилетия в стране практически не осталось учебных заведений, которые бы так, или иначе не привели бы свою деятельность в соответствие с «болонскими» подходами и требованиями, как этого от них это требовали «Закон об образовании» и государственные образовательные стандарты. Важно отметить, что учебные заведения создавали это единство российского образовательного пространства, в большинстве случаев, не по

соображениям какой-то собственной выгоды. Их сотрудники руководствовались, прежде всего, соображениями лояльности интересам своего государства, обеспечивали его интеграцию в мировое культурное пространство, его участие в процессах информационной, экономической и т.д. глобализации.

В этом смысле, поставленная перед ними задача выглядит задачей, которую они уже однажды решили в соответствии с интересами своего государства. Теперь интересы государства поменялись и задачу поставили вновь. Как это можно понять? Означает ли это (повторная постановка задачи, уже однажды решённой совместными усилиями управленцев и педагогов), что их огромная работа за минувшие годы официально признана неудовлетворительной и они должны решать её какими-то другими способами? Или же им надо теми же способами добиваться какого-то другого состояния «единства» образовательного пространства? Если речь идёт о втором варианте, то каким именно тогда должно быть то самое **новое качество единства**, к которому будет устремлена государственная образовательная политика? В том и другом случае актуален ещё вопрос, ответа на который в высказываниях министра не прозвучало: какие механизмы ресурсы государство намеренно задействовать в решении этих, пусть немногих, но достаточно масштабных задач? Или же оно (на эту мысль может навести акцент в лекции именно на проблеме качества педагогических кадров) надеется в решении этих задач главным ресурсом сделать энтузиазм работников образования, а на материальных инвестициях и организации управленческой работы соответствующих ведомств сэкономить? Необходимо, в связи с упомянутыми вопросами, обратить внимание ещё на одну важную, на наш взгляд, проблему. Она заключается в том, что ранее достигнутое (в рамках ускоренного и часто принудительного вхождения российских школ и вузов в так называемый «Болонский процесс») единство образовательного и воспитательного пространств в учебных заведениях, сегодня как раз и является одним из предметов критики со стороны учёных и педагогических работников. Его критикуют за то, что оно не соответствует разнообразию реальных условий, в которых существуют учебные заведения на просторах России, недостаточно

учитывает естественное региональное культурное, экономическое и демографическое разнообразие общественной жизни в Российской Федерации¹²⁹.

Можно ли тогда сделать так (на уровне управленческих решений и властно-общественных коммуникаций, а также нормативного регулирования) чтобы достигнутое новое единство не стало бы предметом ещё большей критики со стороны участников образовательного процесса? Ведь если по результатам планируемого нового этапа образовательной реформы между единствами старым и новым не будет просматриваться принципиальных отличий, то каким ещё образом педагоги и остальные заинтересованные граждане смогут определить, что переход от прежней Болонской к новой Суверенной системе образования состоялся? С другой стороны, при отсутствии видимых отличий сами управленцы (и в центре, и на местах) на основании каких критериев смогут достоверно судить об успешности, либо не успешности своей работы по реализации суверенных государственных интересов в образовании? Во всех случаях неочевидность перемен рождает сомнения и взаимную критику у тех субъектов образовательной политики, которые в таких новациях вроде бы заинтересованы. Критика превращает субъектов образовательной политики из сотрудников в противников, лишает государственную политику необходимого ей доверия граждан, их поддержки. Но её постоянно провоцирует непонятность замысла новаций, их не соотнесённость с теми целями в экономическом, политическом и культурном развитии, которые само же государство декларирует.

¹²⁹ Доклад рабочей группы президиума Государственного совета Российской Федерации по вопросам реформы образования «Образовательная политика России на современном этапе». 29 августа 2001 г. / URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21905> (дата обращения); Садыханов Ш.М.С. Вопросы государственной региональной политики в области образования // Вестник экспертного совета. 2017. №3(10). С. 112-117 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32834258_81883218.pdf (дата обращения 10.03.2023); Позоян О.Г. Образовательная политика России в конце XX - начале XXI века: сопряжение федеральных и региональных стратегий, интересов, приоритетов // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2015. №12. С. 32-36 /URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25426861_48388650.pdf (дата обращения 10.03.2023).

Неконструктивная общественно-властная дискуссия по проблемам образовательной политики политически опасна тем, что заставляет её участников мистифицировать мотивы и интересы друг друга. Участники начинают, как это можно наблюдать в последние годы в социальных сетях и даже научных публикациях, приписывать друг другу участие в «заговорах мировой закулисы», в пособничестве интересам «Золотого миллиарда» и прочие вредительские намерения. По следам таких взаимных подозрений образовательная государственная политика, чьё предназначение быть инструментом политической и культурной консолидации государства и общества на почве общего понимания ими своих национально-государственных интересов, на деле превращается в источник идеологических и информационных конфликтов, расшатывающих национально-государственный суверенитет. Это парадокс, но в сложившейся ситуации он возможен: суверенная образовательная политика может превратиться в средство подрыва национально-государственного суверенитета. Не менее действенное, заметим, чем была «старая» Болонская система.

Возьмём вторую задачу, касающуюся вопроса воспитания граждан. Это **создание единых условий и требований для осуществления воспитательной работы с учащимися в школах и вузах по всей стране.** Управленческая логика такой презентации государственного интереса к работе школ и вузов понятна: государству от воспитательной работы с молодыми гражданами нужен не просто положительный, а предсказуемо положительный результат. Государству нужно, чтобы большинство молодых граждан, покидающих стены школ и вузов, были лояльны его интересам и патриотично настроены на взаимодействие с ним. Это должно быть именно определяющее большинство, иначе демократическая политика перестанет быть устойчивым процессом и станет порождать социально-политический хаос.

Что касается достижения **единства условий** на практике, то крайне затрудняют решение этой задачи и сегодня, и прогнозируемо будут сказываться на её решении в дальнейшем, естественные для огромных пространств России

региональные различия. Это различия в доступе педагогических коллективов общеобразовательных и высших учебных заведений в разных регионах к тем ресурсам, которыми в них должна быть обеспечена воспитательная работа. Ресурсам материальным (возможности материального стимулирования труда работников школ и вузов, занятых воспитательной работой, возможности выделения на эту работу средств из бюджета школ и вузов и т.д.), организационно-методическим (наличие опыта проведения такой работы в предшествующие годы, возможность взаимодействия школ и вузов со специалистами по теории и практике воспитательной работы и т.д.), информационно-технологическим (доступ к необходимым ресурсам Интернета), ресурсам кадровым (готовность молодых педагогов работать в российской глубинке).

Большинство упомянутых ресурсов сконцентрированы в регионах с развитой сетью высших и средних учебных заведений, с наличием элитных школ и вузов, с преобладанием городского населения над сельским, просто с относительно большой плотностью населения и относительно высоким уровнем жизни, с развитыми информационными коммуникациями, с благоприятными возможностями для подготовки и переподготовки педагогических кадров. Эту неравномерность не устранить административными и законодательскими усилиями. Напротив, в случае принятия, например, какого-либо единого ФГОСа по воспитательной работе (с множеством предельно дробных критериев оценки её эффективности), она, скорее всего, заявит о себе ещё острее, чем это имеет место сейчас.

Подобно тому, как это было с внедрением единой системы оплаты труда школьных и вузовских работников. Попытка решить (путём введения с начала 90-х гг. единой системы оплаты труда работников школ и вузов, привязанной к так называемому «нормативно-подушевому финансированию») проблему неравенства в оплате их труда в городах и сельской местности, в полнокомплектных и малокомплектных учебных заведениях, а также в различных регионах РФ, такая попытка указанную проблему только

усугубила¹³⁰. На момент внедрения такого порядка финансирования его тоже всячески популяризовали. Называли оптимальным способом сделать оплату труда в педагогических коллективах «единой», «стимулирующей», «прозрачной», а потому «бесконфликтной»¹³¹. Потом, правда, выяснилось, что проблемы и конфликты с финансированием российского образования не просто умножились. По оценке специалистов Высшей Школы Экономики (которая весь послесоветский период была, заметим, главным генератором различных либеральных «модернизаций» и «оптимизаций» в отечественном образовании) эти проблемы вышли на более высокий системный уровень¹³². Относительно недавно на встрече педагогических работников с губернатором Томской области В. Мазуром, директором одной из общеобразовательных школ региона были озвучены подсчёты, согласно которым в соответствии со стандартами подушевого финансирования, учитель (в зависимости от категории) за работу с одним учеником за один час получает сегодня от пятидесяти до девяносто копеек¹³³. Заметим, что это в разы меньше того, что тот же учитель способен заработать, занимаясь индивидуальным репетиторством.

Проблем с едиными условиями для воспитательной работы прогнозируемо станет больше уже потому, что необходимость для педагогических коллективов соблюдать единство требований к формам и содержанию воспитательной работы, при отсутствии ресурсов для соблюдения

¹³⁰ «Учителей опять обманут» - что не так с новым единым подходом к оплате труда педагога / URL: https://dzen.ru/a/ZG90RJXCAT7QbQ9R?from_site=mail (дата обращения 26.05.2023).

¹³¹ Гукова А.В., Дорждеев А.В., Кизатова Н.А., Лосев А.Г., Лосева Н.В. Модель формирования фонда оплаты труда профессорско-преподавательского состава вузов // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2015. №46(280). С. 2-11 / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-formirovaniya-fonda-oplaty-truda-professorsko-prepodavatelskogo-sostava-vuzov> (дата обращения 10.12.22).

¹³² 25 лет эволюции российского образования История VII, в которой разъясняется, какие изменения происходят в образовании благодаря нормативно-подушевому финансированию и почему у большого учебного заведения шансов преуспеть больше / URL: <https://25.hse.ru/development/story7> (дата обращения 28.05.2023).

¹³³ Директор школы осмелилась и назвала при губернаторе, сколько стоит работа с одним ребёнком в час (меньше 1 рубля) / URL: https://dzen.ru/a/ZHN408gZhVpED8XZ?from_site=mail (дата обращения 28.05.2023).

такого единства, заставит работников образовательных учреждений «выкручиваться» кто как может. В том числе, в отчётах о проделанной воспитательной работе приукрашивать действительно достигнутые результаты и скрывать недоработки. Естественная разница условий для ведения воспитательной работы с учащимися неизбежно будет провоцировать разный её результат.

В самой по себе разнице результата проблемы нет: воспитание – это не серийное производство. Проблема в том, что государственные структуры, управляющие образованием, эту разницу видеть не будут и не смогут её учесть при планировании своей текущей работы, а также при разработке стратегии создания суверенной российской системы образования. А это значит, что никто не сможет сказать, действительно ли в ходе предпринятых школами и вузами воспитательных действий было сформировано то абсолютное большинство молодых граждан, лояльных своим государству и обществу, в котором государство сегодня особенно заинтересовано.

Что касается достижения **единства требований** к воспитательной работе, то, формально, препятствий к решению этой задачи, поставленной в докладе министра, нет. Есть государственная управленческая вертикаль, которая уже в предшествующие годы показала свою способность в масштабах всей страны стандартизировать все требования к образовательному процессу в общеобразовательных школах и вузах. Нет видимых ограничений к тому, чтобы она могла осуществить подобную же стандартизацию требований применительно к воспитательному процессу. Соответствующие требования могут разработать профильные министерства и закрепить их в своих нормативных документах. Продвижение этих требований в педагогическую практику, вне зависимости от отношения к ним отдельных педагогов и учащихся, может быть осуществлено управляющими структурами помощи текущей ведомственной отчётности и использования соответствующих («воспитательных») показателей для государственной аккредитации учебных учреждений.

Проблема с практической осуществимостью единства требований к воспитательному процессу возникает по другой причине. По той причине, прежде всего, что конкретную воспитательную работу с очень разными возрастными и социальными контингентами учащихся ведёт конкретный педагог. У него практически всегда свой специфический уровень образования, своё понимание государственных и общественных интересов. Часто у него своё понимание политических и социальных ценностей, на которые он ориентирует свои воспитательные усилия. У него, наконец, свой специфический жизненный опыт, семейный и профессиональный. Он по-своему относится к различным государственным инициативам на предшествующем и нынешнем этапах образовательных реформ. Он, в любом случае, начнёт реализовывать то единство требований, которое от него требуется, не с нуля и по своему разумению, каким он это единство себе представляет. Опять же, если усилиями специалистов профильных министерств будет даже подготовлен некий ФГОС по воспитательной работе для школ и вузов, если в нем по пунктам будут прописаны единые требования к воспитателям и воспитуемым, то в реальной практике оно вряд ли может быть достигнуто.

Это единство требований может сыграть свою положительную роль в процессе восстановления воспитательной работы в школах и вузах в её законных правах. Это роль того идеала, к которому должна быть устремлена работа всей образовательной сферы, роль, иначе говоря, стратегического ориентира государственной политики.

В то же время, превращение принципа «единства требований» в практическую задачу (которую педагогическим коллективам необходимо как можно быстрее решить на новом этапе реформ в системе образования, а руководящим образованием управленческим структурам такое решение административными средствами как можно точнее проконтролировать) лишь создаёт ещё один, повод для несогласия между участниками государственной образовательной политики,

Третий интерес государства, как уже было отмечено выше, это необходимость **привести образовательный и воспитательный процессы в соответствие традиционным российским ценностям в противовес ценностям «западным»,** в первую очередь – так называемым «нетрадиционным» ценностям.

Самому государству сегодня и в перспективе достаточно трудно будет сориентировать учителей и учащихся, родителей учащихся, на какое-то одно, ему по управленческим соображениям необходимое единое понимание смысла ценностей, на которое могло бы опереться и единство требований к воспитателю и воспитуемому. С неприемлемыми для российских государства и общества «западными» и «прогрессивными» ценностями всё, более-менее, понятно. Сложнее государству объясниться с гражданами по поводу российских традиционных ценностей. Трудно потому, что они являются основой его и общества повседневной жизни, крайне разнообразной в своих проявлениях. Нет государственной идеологии, которая расшифровала бы массе рядовых граждан их, традиционных ценностей, смысл и закрепила бы за ними соответствующий высокий статус. Такая идеология запрещена Конституцией РФ. Тем самым создан простор для научных, публицистических, а ещё чаще обывательских дискуссий, как о смысле ценностей, так и об интересе к ним государства. Для развития науки и массовых социальных коммуникаций, даже для политического воспитания граждан, такие дискуссии, может быть, полезны. Только вот по поводу смысла тех традиционных ценностей, ориентировать на который государство заинтересовано всю работу системы российского образования, ясности нет. А малейшая попытка даже не определить официально этот смысл, а просто зафиксировать важный для государства перечень традиционных ценностей (как это было сделано в президентском указе В.В. Путина о государственной защите традиционных ценностей), вызывает сегодня агрессивную и малопродуктивную критику со стороны либеральной

оппозиции¹³⁴. Обвинения со стороны либералов, с юридической и политической точек зрения, несуразные. Тем не менее, они провоцируют информационный шум и дополнительное недопонимание между властью и гражданами.

Когда информационный шум создан, а конкретных разъяснений смысла традиционных ценностей со стороны власти не поступило, педагогические коллективы и отдельные педагоги должны будут приводить свои образовательные и воспитательные действия в соответствие не с тем смыслом традиционных российских ценностей, какой действительно важен для правящей элиты и её коммуникаций с обществом, а с тем, какой смысл им ближе по личным мотивам. Прогнозируемо, что никакого единства в образовательной и воспитательной работе таким способом добиться невозможно.

Соответственно, в ситуации неопределённости с официальным смыслом традиционных ценностей и большим разнообразием индивидуальных толкований этого смысла, крайне затруднено будет создать какую-то единую стратегию совмещения ценностей, на которые традиционно ориентирована Болонская система, с традиционными российскими ценностями.

Для очень многих работников образования в нашей стране были и остаются сомнительными (именно по причине их противоречия с общественными интересами и интересами государственного управления) некоторые ключевые ценностные основы Болонской системы. В частности, наделение образования ценностью «услуги». Не много сегодня, по нашим наблюдениям, тех педагогов, которые безусловно одобрили бы превращение «личного выбора» учащегося и «интересов его индивидуального развития» (как от них этого требуют ФГОСЫ) в главную движущую силу образовательного и воспитательного процессов. Большинство российских педагогов, особенно в государственных образовательных учреждениях, в своей профессиональной деятельности всегда были ориентированы на реализацию государственного

¹³⁴ Слаповский А. Это мы уже проходили! Чем плох проект «О традиционных ценностях». 4 февраля 2022 / URL: <https://newizv.ru/news/2022-02-04/eto-my-uzhe-prohodili-chem-ploh-proekt-o-traditsionnyh-tsennostyah-342644> (дата обращения. 23.02.2022).

интереса – подготовку к жизни лояльных и ответственных, профессионально состоятельных граждан. Поэтому все минувшие годы по всей стране явочным порядком очень многие школьные учителя и вузовские преподаватели, руководствуясь своей профессиональной и гражданской ответственностью, решали и, в целом, успешно задачу продвижения в российской сфере образования именно традиционных российских гражданских ценностей.

Если верить данным социологических исследований, то все годы функционирования в нашей стране Болонской системы из стен российских образовательных учреждений выходило молодых людей, приверженных ценностям своих государства и общества, больше, чем противников этих ценностей¹³⁵. Школы и вузы выпускали в жизнь нормальных российских граждан. Если бы было иначе, то сегодня возвращение российского образования в суверенное состояние было бы практически не реализуемой задачей. Оно не получило бы необходимого сочувствия и поддержки в российском гражданском обществе.

«Болонские» же ценности, упомянутые выше и, заметим, получившие в государственных документах привязку к национально-государственным интересам нашей страны, педагоги, по нашим наблюдениям, воспринимают вовсе не как лучшее содержание этой системы. То лучшее, что необходимо сохранить и развить в будущей Суверенной системе российского образования.

135 Шашкова Я.Ю., Асеев С.Ю., Казанцев Д.А. Ценностные основы восприятия политики учащейся молодёжью Сибири и Дальнего Востока // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. №2(67). С. 39-50 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46458873_52420632.pdf (дата обращения 08.07.2022); Зыкина О.А. Восприятие общегражданских ценностей студентами Москвы и Кировской области // Вестник антропологии. 2021. № 4. С. 37-48 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47447346_11495187.pdf (дата обращения 08.07.2022); Шестов Н. И. Представления молодежи о будущем России: провинциальное измерение // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, Вып. 1. С. 108–113 / URL: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-108-113> (дата обращения 09.01.2023); Вилков А.А., Шестов Н.И., Абрамов А.В. Социальный запрос на будущее России в политических проектах и массовом сознании граждан // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т.26. №3. Научно-теоретический журнал. С.108-122.

Тогда в чём заключается задача переориентации российского образования на традиционные российские ценности, поставленная его руководителем перед педагогическим сообществом? Речь идёт о каких-то традиционных ценностях, которым прежде никто не уделял должного внимания в образовательной и воспитательной работе в школах и вузах?

Но, в ряду традиционных ценностей, упомянутых, например, в указе Президента РФ¹³⁶, не обозначено никаких ценностей, помимо ранее задействованных в образовательном и воспитательном процессах в российских школах и вузах. В этом ряду мы видим «жизнь человека», его «достоинство» и «права», а также «патриотизм» и «гражданственность». В самостоятельную ценность выделено «служение Отечеству». Здесь же фигурируют «созидательный труд» и «крепкая семья», а вместе с ними «приоритет духовного над материальным», «гуманизм», «милосердие», «справедливость», «коллективизм», «взаимопомощь» и «взаимное уважение». К традиционным ценностям в указе причислена «историческая память социума и человека», «преемственность поколений» и «единство народов, населяющих нашу страну».

Ещё раз подчеркнём, что никаких уникальных ценностей, ничего такого, о чём бы каждодневно не говорили со школьниками и студентами педагоги в школах и вузах, а также родители в семье, в этом ряду нет. Это действительно базовые социальные ценности. Они были таковыми не одну сотню лет и, наверняка, останутся ими ещё долго. Документ направлен на предотвращение потенциальной угрозы ценностям, уже укоренённым в жизни граждан РФ. Указ устраняет возможности того, чтобы в разных сферах общественной и государственной жизни инокультурные ценности на равных конкурировали бы с ценностями почвенными и имели возможность вытеснять последние из внутрисоциальных отношений. Он сводит к минимуму риск, что кто-то станет рассуждать по известному принципу «разрешено всё, что не запрещено» и

¹³⁶ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Дата опубликования: 09.11.2022 / URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения 09.01.2023).

пытаться, таким образом, легализовать в условиях российской общественной и государственной жизни то, что этой жизни способно навредить. Что кто-то воспользуется отсутствием явно выраженной позиции государства по данному вопросу для нанесения ущерба его, государства, суверенитету.

Или задачу ценностной переориентации системы образования следует понимать как-то иначе? Например, как необходимость сам по себе набор ценностей, на которые в предшествующее время было ориентировано взаимодействие государства и общества, оставить без каких-либо изменений. Но, при этом, каким-то образом принципиально изменить смысл этих ценностей и приблизить его к нынешним российским национально-государственным интересам? Дело, однако, в том, что в одночасье, каким-либо указом, смысл социально значимых ценностей не изменить. Изменение смысла ценностей является процессом историческим, то есть, достаточно длительным и не всегда предсказуемым. Соответственно, такая трактовка стратегии ценностного «разворота» российской системы образования допустима, в принципе. Трудно, вместе с тем, представить себе, как её можно осуществить практически на том относительно коротком (если верить официальным заявлениям и прогнозам) отрезке времени, которое отведено под новый этап образовательных реформ.

Определённость в таких вопросах важна, на наш взгляд, по причине существования специфического риска. Его можно, по нашему мнению, обозначить как «риск умножения смыслов» той общей задачи, решение которой государство и общество должны привести к какому-то общему и приемлемому для них обоим результату. Потенциальный риск заключается в том, что отдельные граждане и их группы, педагогическое сообщество и государственные управленцы, не договорившись заранее между собой по поводу смысла своих реформаторских инициатив и действий (по поводу общей стратегии реформ), начнут решать задачу ценностной переориентации средней и высшей школы по своему разумению, каждый на свой лад. В этой ситуации отдельно взятый педагог, либо руководитель образовательного учреждения, либо даже родители учащихся и сами учащиеся вольны толковать государственный интерес так, как

они его поняли. Они вольны считать правильными те способы его реализации, которые, по их мнению, пойдут на пользу государству и обществу, а, на самом деле, отражают лишь их собственные заинтересованности и личный жизненный опыт. Новая государственная образовательная политика может, таким образом, оказаться заложницей этих крайне разнообразных и конфликтующих между собой трактовок её смысла. Чиновникам, ответственным за неё, очень трудно будет быть уверенными, что в своих решениях они опираются на поддержку гражданского большинства и их практические действия, таким образом, легитимны.

Нельзя исключить, при этом, что новый государственный заказ субъекты образовательной политики станут выполнять (это уже вопрос тактики) прежним, привычным им с первых шагов по внедрению в нашей стране Болонской системы, формальным порядком. А порядок таков, что педагога вышестоящее руководство обязывает отразить в программе учебной дисциплины, либо в разработке воспитательного мероприятия, свою готовность прививать учащимся те «общечеловеческие» ценности, которые ему предписывают «Закон об образовании» и государственные образовательные стандарты для средней школы и вуза. Он всё это отражает. Реальное же выполнение педагогом этого обязательства остаётся, по большей части, на его личной совести и на совести его непосредственных руководителей в образовательном учреждении. Для всех участников образовательной и воспитательной работы главное - это наличие обязательства, а не его выполнение.

Такой формализм, вероятно, был неизбежен (а, в каком-то смысле, даже необходим) в условиях, когда «болонские» нововведения многими работниками российского образования воспринимались как бюрократическое насилие над их гражданской позицией и их профессионализмом. И целью этого насилия они считали разрушение в угоду Западу всей десятилетиями складывавшейся советской системы образования, как основы советского образа жизни и советской демократии. Формализм позволял, в этом случае, сохранить квалифицированные педагогические кадры. А, вместе с этим, обеспечить

преемственность в методиках образования и воспитания школьников и студентов. Сохранить, иначе говоря, как раз то многое лучшее из советской системы образования, что нынешние реформаторы российского образования тоже намерены включить в концепцию своих управленческих действий.

В конечном счёте, благодаря этому формализму в отношении ценностей система российского образования сохранила качество контролируемости со стороны государства. Она не сопротивлялась организационным и правовым новшествам, своему превращению в «услугу». Она не стала для государственного механизма источником трудноразрешимых проблем, требующих «ручного управления».

Сегодня же, в новых политических обстоятельствах, подобный формализм может иметь негативные последствия. Он, если задаст общий тон отношению педагогов и управленцев в выполнении госзаказа на суверенизацию системы российского образования, способен сделать эту систему настолько «суверенной», насколько она прежде была «болонской». Это будет означать комплексную дискредитацию всей новой стратегии участия государства в продолжающейся реформе российского образования.

Эту проблему смысла вероятных дальнейших манипуляций с «болонскими» и «суверенными» основами российского среднего и высшего образования можно было бы, наверное, решить. Например, если бы государство инициировало сегодня дискуссию по этой проблеме и привлекло бы к участию в ней и педагогическую общественность, и чиновников, и учёных, и политиков, то в итоге, возможно, на свет появился бы какой-то согласованный и потому легитимный смысл всей этой инициативы по продолжению образовательных реформ, причём в достаточно радикальном варианте. Само государство имело бы возможность лучше понять свои интересы и выгоды, связанные с продвижением реформаторских начинаний, а также лучше донести эти интересы до своих граждан. Управленческие интересы государства в образовательных реформах, на их новом этапе, получили бы в этом случае новое подкрепление

своей легитимности. Но на момент написания нами настоящего раздела диссертации инициатив такого рода официально озвучено не было.

Если оставить ситуацию со смыслом ценностного «поворота» в российском образовании такой, какая она есть на данный момент, то есть, неопределённой, тогда (это важно подчеркнуть) тогда она станет фактором обострения других проблем. В частности, фикцией станет идея и практика создания в нашей стране единого образовательного пространства. Формально, на нормативном и организационном уровнях управления, добиться такого единства не сложно. Реальная же разобщённость этого пространства будет только возрастать. Причём, расти она будет, как бы это парадоксально не звучало, как раз по мере того, как в работу по популяризации традиционных ценностей и интересов государства, с ними связанных, будет вовлекаться всё больше активно работающих и творчески мыслящих педагогов, инициативных политиков и управленцев и компетентных исследователей проблем образования. Их инициативность и компетентность создадут условия, при которых ни одно новое реформаторское начинание в направлении суверенизации образования не останется без критики. Каждый участник такого творческого процесса будет аргументировано отстаивать свои представления о сути государственных и общественных интересов в образовательной сфере, каждый будет предлагать «единственно правильный» способ проведения реформ и «единственно выгодный» их участникам результат. Педагог-новатор потому и является педагогом-новатором, что при решении сложной образовательной и воспитательной задачи предлагает собственное решение, принципиально отличное от решений, предлагаемых другими специалистами. То же самое, даже в ещё большей мере, относится к творчески мыслящим политикам, управленцам и учёным.

Тем более, что к творчеству и бескомпромиссным точкам зрения на вероятный ценностный «поворот» в российском образовании участников таких дискуссий, если они всё-таки начнутся в обозримой перспективе, будет подталкивать одно принципиальное обстоятельство. А именно вопрос о том, что

в ряду ценностей, важных для совместного участия в политике государства и его граждан, является именно «традиционной российской» ценностью, а что нет.

Российская Федерация представляет собой сложно устроенный политический, культурный, правовой и экономический механизм. Сильно различаются традиции и образ повседневной жизни, в том числе политические интересы жителей разных регионов, а также горожан и сельских жителей, представителей коренных этносов и приезжих. При том, что для большинства граждан России большинство ценностей, упомянутых в указе Президента РФ, являются «традиционными» ценностями, есть в этой их «традиционности» важные, на наш взгляд, нюансы.

Естественная (историческая и конфессиональная) разница будет наблюдаться в том, как, например, ценность «крепкая семья» будут понимать граждане, проживающие в регионах с устойчивыми христианскими, либо мусульманскими этическими традициями, большей, либо меньшей долей городского населения в демографической картине региона. Либо жители регионов РФ, в которых до наших дней сохранились общинные и большесемейные традиции брака и воспитания детей, а также решения других экономических и культурных задач. Таких задач, которые в Центральной России, например, государство традиционно возлагает на так называемую малую семью (родители и дети в одном-двух поколениях), в своём образе жизни довольно автономную по отношению к другим, подобным ей малым семьям.

Что в основе семьи, как основы порядка в обществе и государстве, должен находиться брачный союз мужчины и женщины, что важнейшая функция такой семьи состоит в рождении и воспитании детей, с этим согласится любой нормальный человек не только в России, но и за её пределами. Проблема, как водится, заключена в деталях, том разнообразии семейных практик, которые делают семью крепкой и позволяют детям ориентироваться в своей жизни на опыт родителей. То есть, делают такую «крепкую» семью социальной и государственной ценностью, а также предметом государственного правового регулирования.

Есть и другая сторона у проблемы «крепкой семьи». Кто из людей, облечённых государственной властью и возможностью вставать на защиту традиционных ценностей, будет решать, где и как эту власть применить, какими критериями «крепкости» и «семейности» руководствоваться? Не будет ли гражданами такая забота государства о «крепкости» семейных уз, которыми они связаны, расцениваться как попытка вторжения государства в их частную жизнь? Потому что общество чутко реагирует на такие деликатные ситуации. Неверно выбранные формы и средства отстаивания государством даже самой «традиционной», всем гражданам вроде бы близкой и вроде бы понятной моральной ценности могут именно её, а не «чуждые» ценности, сделать предметом нового конфликта граждан с властью.

Ответы на все эти вопросы, ставшие актуальными в свете перспективы продолжения образовательных реформ, государству может предложить наука. Правда, как мы уже отмечали выше, ответы эти будут очень разными. Выбирать из них то, который наиболее соответствует задачам суверенизации российской политики, всё равно придётся носителям государственной власти и административных функций. Наука может дать возможность чиновникам быть правильно понятыми гражданами. А реализация такой возможности целиком зависит от осознания чиновниками необходимости быть понятыми.

Всё, о чем мы говорили до этого момента, это, в сущности, **внешние условия** (объективные и субъективные), **которые будут определять будущее Болонской системы на новом этапе реформ в российском образовании.** Проблемы, которые были нами выделены, имеют, в сущности, довольно простое решение: руководителям российского образования, представляющим в нём интересы государства, достаточно прекратить попытки «сесть между двух стульев» (радикально-либерального и умеренно-консервативного). То есть, занять какую-то последовательную (непротиворечиво аргументированную) позицию и всем, от министра до руководителя районного звена, придерживаться её в коммуникациях с педагогической корпорацией и всем российским гражданским обществом. Общество может эту позицию не принять и

критиковать. Но, по крайней мере, оно будет рассматривать её в совершенно другом ракурсе: как позицию именно своего государства, а не как личное мнение отдельно взятого управленца. И конструктивность критики будет, соответственно, другой. Она будет критикой стратегии государственной политики, а не критикой способностей и интересов отдельных управленцев, осуществляющих эту политику.

В гораздо большей мере, чем от внешних факторов, будущее Болонской системы в нашей стране, её способность приспособиться к новым условиям существования и требованиям со стороны государства и общества, зависят от её собственной внутренней организации. Иначе говоря, от её системных свойств.

Элементов, которые определяют системное качество Болонской системы и предопределяют её будущее, можно вычленить много и разных. Мы, в данном случае, ограничимся анализом одного такого элемента - так называемой **«академической мобильности»**. Выбор имеет конкретный мотив. Во-первых, наблюдение за дискуссиями, которые сегодня развернулись вокруг проблемы будущего Болонской системы, позволило заметить, что именно к этому элементу упомянутой системы у субъектов образовательной политики меньше всего претензий. Для них не очевиден конфликт практик мобильности учащихся с государственными управленческими интересами.

Во-вторых, для сознания граждан практики **«академической мобильности»**, это один из самых хорошо видимых маркеров состояния государственного управления образованием в настоящем и будущем. Этот маркер общество наверняка использует одним из первых, когда ему придётся давать оценку новому этапу реформ в образовании, инициированных и осуществлённых государством: появилась на свет Суверенная система российского образования, или же просто поменялась вывеска, а суть осталась **«болонской»**.

Для исследования того, насколько эти базовые принципы функционирования Болонской системы совместимы с нынешней конфигурацией внешнеполитических и внутривнутриполитических интересов нашего государства,

важно принять во внимание одно важное, по нашему мнению, обстоятельство. А именно то, что «мобильность» можно отнести к числу тех элементов Болонской системы, которые реально работали и демонстрировали всем участникам образовательной политики необратимость либерального вектора развития отечественного образования.

Упоминание о реально работающих элементах Болонской системы требует пояснения. Отечественные специалисты, которые многие годы популяризовали достоинства Болонской системы, отталкиваясь от принципов и норм, зафиксированных в международных соглашениях, в различных декларациях, довольно часто прямо и, заметим, не обоснованно отождествляли замыслы её внедрения с практикой её функционирования в российских учебных заведениях. В реальности же, помимо мобильности и рейтингов, удалось создать сложную и не всегда логичную иерархию средних и высших учебных учреждений. В ней вновь присвоенный учебному заведению статус (лица, колледжа, академии и т.д.) не всегда отражал реальное качество предоставляемой «образовательной услуги». Но, формально, иерархия сложилась. Её, неформальным, измерением было ранжирование учебных заведений по уровням престижности и доходности от обучения на коммерческой основе¹³⁷. Была построена иерархия внутри самого учебного процесса в школе и вузе. Учебный процесс был разбит на обязательные дисциплины и дисциплины по выбору, на различные «профили» и «направления». Свою иерархию получили разнообразные «общие», «универсальные», «профессиональные» компетенции, которые в процессе обучения должны были приобрести учащиеся. Была осуществлена процедура перевода российских вузов на бакалавриат и магистратуру¹³⁸. И, конечно, в актив государственных управленцев,

¹³⁷ Осипов А.М. «Троянские кони» неолиберализма в образовании // Социологические исследования. 2017. №8. С.140.

¹³⁸ Эзрох Ю.С. Болонская система высшего образования в России: мифы и реальность / URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/bolonskaya-sistema-vysshego-obrazovaniya-v-rossii-mify-i-realnost.pdf> (дата обращения 03.03.2020).

продвигавших Болонскую систему в российское образование, надо записать законченное превращение последнего в «услугу».

Все годы проведения образовательных реформ сохранялась разница в материальных и организационных ресурсах, обеспечивающих академическую мобильность студентов, не только между столичными и провинциальными вузами, но и между вузами в разных регионах и даже в пределах одного региона¹³⁹. Как следствие (и это третье) недостаточными оказались стимулы к академической мобильности. Причем не только материальные. Не до конца осталась осуществлённой задумка сделать дипломы, выданные российскими вузами, конвертируемыми при трудоустройстве их выпускников на работу в наиболее развитых странах современного мира, либо при поступлении на учёбу в престижный зарубежный вуз¹⁴⁰, не получилось до необходимого уровня поднять изучение иностранных языков в российских вузах¹⁴¹.

То есть, получилось лучше всего довести до задуманного результата те инициативы государственной власти, которые на реальное качество «человеческого капитала», формируемого в стенах учебных заведений, непосредственно влияли менее всего. Потому и польза, которую государство получило от внедрения Болонской системы, и необходимость её использования целиком, либо в виде «лучших» её элементов, является предметом жарких педагогических и политических споров.

139 Ражова н.А., Миронова М.Н. Развитие академической мобильности студентов // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 4 [Электронный ресурс] / URL: <https://web.snauka.ru/issues/2016/04/66364> (дата обращения: 07.04.2023); Хабибуллина Г.З., Маклецов С.В. Основные проблемы развития академической мобильности студентов (Работа выполнена в рамках Государственного контракта №05.043.12.0013 от 23 мая 2014г.) / URL: https://kpfu.ru/staff_files/F1634316493/HM.pdf (дата обращения 11.08.2020).

¹⁴⁰ Константин Могилевский, заместитель министра науки и высшего образования Российской Федерации. Российское образование за рубежом: проблемы и перспективы / URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20230419/1866323533.html> (дата обращения 19.04.2023).

¹⁴¹ Алиева Л. Р., Фомина Е. А. Организация исходящей академической мобильности в вузе: современная ситуация и направления развития // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2019. № 5 (74). С.119-127 / URL: <https://dspace.ncfu.ru/bitstream/20.500.12258/9327/1/119-127.pdf> (дата обращения 11.08.2020).

А то, что действительно непосредственно влияло на производимый образовательными учреждениями человеческий капитал, обросло множеством проблем. Собственно, сегодня их и планируется решать на следующем этапе участия государства в организации новых и не менее радикальных (по замыслам) образовательных реформ.

Разница намерений и результата возникла, по верному, на наш взгляд, наблюдению М.М. Скрибицкого, потому, что отечественные неолиберальные реформаторы не считали для себя нужным принимать во внимание принципиальные различия между организацией и смыслом разных общественных практик, сферу культуры пытались реформировать по образцу реформ в экономике¹⁴². А также потому, как мы показали в первых двух разделах настоящей диссертации, что педагогам и большинству граждан как был, так и остался до сих пор не до конца понятен смысл инициированных государством изменений в организации образования и управлении им.

В официальных высказываниях о необходимости взять сегодня из предшествующего этапа образовательных реформ «всё лучшее» это обстоятельство (различие задуманного и реализованного), заметим, никак не отмечается и не проговаривается. Возникает, в этом смысле, большая неопределённость в заявленной ныне стратегии «суверенизации» отечественной системы образования: руководители и организаторы грядущих образовательных реформ планируют брать «всё лучшее» из той Болонской системы, которую **планировалось внедрить** в нашей стране, или же из той Болонской системы которая была **реально внедрена**? В этой неопределённости заключён большой политический риск и для процесса реформ и их конечного результата: одни участники реформ будут планировать свои действия и оценивать их результат, отталкиваясь от того «что было задумано, а другим ориентиром будет реальность. Одно дело, если действия государства они будут соизмерять с

¹⁴² Скрибицкий М.М. Глобализация и задачи обновления духовных ценностей российского общества // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2015. №1 (17). С. 14-15.

идеалом, которого образовательная политика не достигла прежде, а, значит, может не достигнуть и в будущем. Другое дело, если граждане в своих оценках будут отталкиваться от понимания реального результата, к которому пришло государство в управлении образованием, и его ресурсных возможностей сделать в дальнейшем результат лучше. В итоге новый этап реформ может создать ещё больший раскол в обществе и власти в России по поводу образовательной политики, чем мы имеем сегодня.

Является ли академическая мобильность тем достижением прежних реформ российского образования, которое можно и нужно сделать ресурсом его прогресса в будущем? До самого последнего времени, пока не встал вопрос о суверенизации отечественной системы образования, идея распространить «академическую мобильность» на все российские вузы пользовалась большой симпатией со стороны исследователей процесса образовательных реформ. Особенно тех, кто был занят созданием футурологических прогнозов. По этим прогнозам выходило, что у российского высшего образования только два пути: или всё глубже погружаться в «Болонский процесс», или в никуда. В основном, предметом внимания пропагандистов «академической мобильности» были технологии и ресурсы её осуществления в российских вузах. Это естественно, так как возраст студентов позволяет им уже проявлять личную инициативу в выборе места и времени, а также способа удовлетворения своего интереса к учению. При этом, популяризаторами мобильности в образовательном процессе она рассматривались в качестве важнейшего, если не основного показателя инновационной успешности в образовании и науке, как отдельного российского вуза, так и всей отечественной системы высшего образования¹⁴³.

¹⁴³ Осипова Н.Е. Академическая мобильность преподавателя вуза как актуальная проблема современного образования // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. 2008. №3-4(5-6). С. 57-60 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_13602695_48997018.pdf (дата обращения .07.01.2023); Еремина Д.С. К вопросу о виртуальной академической мобильности преподавателей вузов / В сборнике: Горизонты образования. Материалы II Международной научно-практической конференции. Отв. редактор Н.В. Чекалева. Омск, 2021. С. 173-174 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47260243_94928109.pdf (дата обращения 07.01.2023).

Кроме того, некоторые теоретики считали необходимым и естественным внедрить практики «академической мобильности» во все общеобразовательные российские школы¹⁴⁴. Не те, правда, сельские и провинциальные городские школы, которые в стране есть в наличии и работают с огромными перегрузками учителей и учащихся в условиях нехватки финансирования, учебников и педагогов. А те, «инновационные» и открытые идеям и ценностям всего мира, которые как-то сами собой (в результате изменения взглядов педагогов и учащихся на свою совместную работу) должны возникнуть в России в ближайшей перспективе.

При этом, главный аргумент в пользу необходимости «академической мобильности» всегда один: она позволяет молодому человеку удовлетворить **личные** интересы, осуществить осознанный **личный** выбор в пользу будущей профессии и обеспечить этот выбор ресурсами и возможностями для **личного** интеллектуального и карьерного роста. Государственный управленческий интерес (в его идеологических и экономических измерениях, прежде всего) в такой аргументации отсутствует.

Не вспоминают об этом интересе и сами управленцы. Так в публичное обсуждение перспектив «академической мобильности», как важного компонента Болонской системы, включился бывший руководитель российского образования (а ныне президент РУДН и председатель Высшей аттестационной комиссии (ВАК РФ) В. Филиппов. На вопрос о том, нужна ли будущему российскому суверенному образованию «академическая мобильность», он откликнулся риторическим вопросом: «Что плохого в том, что ребята участвуют в программах

¹⁴⁴ Закусило А.С. Педагогические условия формирования академической мобильности школьников // КАНТ №1(38). Март 2021 / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-usloviya-formirovaniya-obrazovatelnoy-mobilnosti-shkolnikov/viewer> (дата обращения 11.02.2023); Червонный М.А., Власова А.А., Швалёва Т.В, Цвенгер Е.И. Академическая мобильность школьников как фактор развития современного школьного образования: модель социального сопровождения интеллектуально одаренных детей // «Одаренный ребенок» № 6 С. 22-27./ URL: <https://pandia.ru/text/79/075/9557.php> (дата обращения 18.03.2023).

академической мобильности и получают новые знания, компетенции и опыт?»¹⁴⁵.

Плохого, действительно, в этом ничего нет. Особенно, если рассматривать образование не в качестве стратегического ресурса развития Российского государства, обеспечения его политического, культурного, а также экономического суверенитета, его конкурентоспособности в отношениях с другими современными государствами, а как «услугу», соответствующую личным потребностям человека¹⁴⁶. Одну, заметим, из огромного множества услуг, доступных современному человеку в так называемых «обществах потребления». Неплохо, в этом смысле, если учащемуся «услужат» как можно больше производителей знаний и умений, отечественных и зарубежных. С личных интересом учащихся, а, отчасти и их педагогов, всё более-менее понятно. Глобализационные процессы идут. Их продуктом является постоянное движение людей, ресурсов и технологий между континентами и странами. Если верить, что нынешняя либеральная глобализация и есть светлое будущее всего человечества, то «академическая мобильность» представляет собой как раз то «лучшее», что нужно сохранить при создании суверенной российской системы образования.

Не всё будет выглядеть так оптимистично, если принять во внимание другую глобальную тенденцию. В мире растёт недовольство стратегией глобализации и интерес к суверенной политике, внутренней и внешней, к укреплению национально-государственного суверенитета разных народов. Сегодня в мире часть стран сплотилась в «коллективный Запад» и смыслом своего существования провозгласила создание однополярного мира.

¹⁴⁵ Бывший министр образования раскритиковал возможный отказ России от Болонской системы 27 МАЯ, 2022 / URL: <https://mel.fm/novosti/4561203-byvshy-ministr-obrazovaniya-raskritikoval-vozmozhny-otkaz-rossii-ot-bolonskoy-sistemy> (дата обращения 07.01.2023).

¹⁴⁶ Академическая мобильность как средство повышения межкультурной коммуникативной компетентности и социального капитала личности студента Л. Г. Почебут 1 1*, Е. Д. Степаняк // Психология человека в образовании, 2019, т. 1, № 2. С.126-136 / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/akademicheskaya-mobilnost-kak-sredstvo-povysheniya-mezhkulturnoy-kommunikativnoy-kompetentnosti-i-sotsialnogo-kapitala-lichnosti/viewer> (дата обращения 07.01.2023).

Инструментом строительства нового миропорядка, взамен национально-государственных интересов и международного права, стала европейско-североамериканская «политика ценностей и правил». Важно отметить факт, что за предшествующие годы многие страны Европы намеренно ограничивали эту пресловутую «академическую мобильность» именно для студентов из России. И исходили, при этом, именно из того соображения, что она жизненно необходима Болонской системе для сохранения целостности и работоспособности¹⁴⁷.

В этой новой ситуации «академическая мобильность» если и нужна российскому образованию, то не в том радикально-либеральном варианте, в каком она насаждалась в нем в минувшие годы. По крайней мере, в ней должна быть ясно выраженная привязка мотивов перемещений людей и ресурсов (как внутри России, так и за её пределами) к национально-государственному интересу. Он, этот интерес, лучше всяких ссылок на «мировые тенденции» оправдает новые бюджетные вливания в мобильность. Он же создаст новый стимул быть мобильными для тех молодых людей, которые не отделяют своих личных интересов от государственных, настроены патриотично и лояльно.

В данном случае, мы не затрагиваем вопрос о необходимости свободы индивидуального выбора в пользу образовательной «мобильности», либо в пользу образовательной «осёдлости» для тех молодых людей, которые получают образование на коммерческой основе. Они заплатили личные деньги и имеют право быть мобильными в своём образовательном процессе настолько, насколько им это интересно и насколько это предусмотрено их договором с образовательным учреждением. Мы говорим о ситуации, когда требование «Будь мобилен!» организаторы прежних и инициаторы нынешних реформ в образовании обращают к молодым людям, обучающимся за государственный счёт.

¹⁴⁷ Развитие академической мобильности студентов в России и за рубежом. Учебно-методическое пособие для студентов вузов / Шакирова А. А., Валеева Р. А. – Казань: КФУ, 2018. – 55 с. С.47-48 / URL: https://kpfu.ru/staff_files/F_240879859/posobie_Shakirova.pdf (дата обращения 07.01.2023)

Правомерен вопрос: а Российскому государству сегодня, при сложившихся условиях, такие инвестиции выгодны? Когда, например, студент, проучившись какое-то время на бюджете в российском вузе, продолжает учёбу за рубежом и там же остаётся работать по специальности, то урон государственному интересу очевиден: средства в подготовку специалиста вкладывает наше государство, а прибыль от эксплуатации его знаний и навыков получают другие, включая недругов России.

Менее заметен, но, может быть, даже более значим другой, **внутрироссийский** аспект этой проблемы. Формально, перемещения учащихся внутри образовательного пространства Российской Федерации (например, учеников из менее престижной общеобразовательной школы в более престижную, а студентов из провинциального вуза в столичный, либо переход с одного профиля обучения на другой) вроде бы никак не конфликтуют с суверенными интересами государства. Максимум - они несколько усложняют работу образовательных учреждений и государственное управление ими. Поэтому, вроде бы, нет никаких **формальных** (подчеркнём это – *К.А.*) препятствий к тому, чтобы воспроизвести этот механизм работы Болонской системы на новом этапе реформирования отечественного образования. Тем не менее, препятствие есть. Просто популяризаторы Болонской системы и «мобильности без границ» его часто игнорируют.

Начнём с того, что мобильность учащихся создаёт для них много психологических проблем, связанных с адаптацией к новым условиям учёбы. Любое обучение в коллективных формах - это не просто получение знаний отдельно взятыми учащимися. Это довольно сложный процесс формирования учебных коллективов из молодых людей с разными интересами, характерами и склонностями. Это процесс «притирки» обучающихся друг к другу и к своим педагогам, а также к специфическим традициям конкретного образовательного учреждения и особенностям организации учебного и воспитательного процессов в нём. И усвоение знаний, и освоение норм социальной и корпоративной этики, это процесс одновременно индивидуальный и коллективный. По своему

личному опыту мы знаем, как сложно бывает школьникам адаптироваться к жизни в новом классе. Наши наблюдения согласуются с мнением специалистов, создающих картину этого процесса на основе обобщения фактических данных¹⁴⁸. Значительные затраты времени, сил и средств у педагогов и учащихся уходят на адаптационные процедуры, на предотвращение и разрешение конфликтов. В результате неизбежно страдает качество образования и воспитания. В вузе, в силу иных возрастных психологических характеристик молодых людей и в силу иной, чем в школе, организации учебного и воспитательного процессов, проблемы психологической адаптации выражены не столь ярко. Но они тоже есть, и немалые¹⁴⁹.

Нашу позицию не следует понимать так, что якобы в интересах государства будет установить запрет на всякие перемещения учащихся между образовательными учреждениями. Такой запрет лишил бы одарённых молодых людей из российской глубинки, например, получить доступ к высококачественному (элитному) образованию. Таковое стало бы привилегией исключительно для жителей мегаполисов. Такой подход означал бы правовую и

¹⁴⁸ Персидская А.Е. Сопровождение адаптации школьника, пришедшего в ученический коллектив, как условие предупреждения конфликтов / В сборнике: Конфликты в образовании. Материалы Всероссийской научно-практической заочной конференции. 2009. С. 90-95 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25763003_51919381.pdf (дата обращения 04.08.2021); Курило А.И. Эмоциональный интеллект и социально-психологическая адаптация в новом ученическом коллективе / В сборнике: Психологическое знание в контексте современности: теория и практика. Сборник научных статей по материалам XI Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Йошкар-Ола, 2021. С. 169-173. / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46674689_81784341.pdf (дата обращения 10.02.2022);

¹⁴⁹ Баранов А.С. Мигранты-студенты и студенты-мигранты: адаптация инокультурных студентов в российских вузах / Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2017. Т. 2. №2(30). С. 83-88 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29899221_83234536.pdf (дата обращения 10.02.2022); Кутейников А.Н., Огарева Е.И. Ценностные ориентации студентов как фактор адаптации студентов к учебному процессу в вузе // Фундаментальные исследования. 2014. №8-4. С. 989-993 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21819771_96473061.pdf (дата обращения 10.02.2022); Легостаев Н.С. Ценностные ориентации студентов как фактор адаптации студентов к образовательной среде вуза / В сборнике: Современное образование: качество образования и актуальные проблемы современной высшей школы. Материалы международной научно-методической конференции. 2019. С. 159-161 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_37791139_22213723.pdf (дата обращения 10.02.2022).

политическую дискриминацию молодых граждан, нарушение их конституционного права на получение качественного и доступного образования. Вопрос в другом: нужно ли государству возводить миграции учащихся в норму и своими инвестициями, а также управленческими решениями? Потому оно, тем самым, само для себя **создаёт дополнительный риск не получить на выходе из образовательного учреждения компетентного специалиста и гражданина с устойчивыми психикой и ценностной ориентацией.** По нашему мнению, ущерб для государственного управленческого интереса здесь очевидный. Это, заметим, и для личного интереса обучающегося, раз государство берётся радеть о нём, тоже большой риск.

Не менее сложное содержание имеет воспитательный процесс в школе и вузе. В нем тоже должен существовать устойчивый порядок соединения личных и общественных интересов, коллективных традиций и индивидуальных способностей. Воспитание (патриотическое, в частности, в котором сегодня особенно заинтересовано наше государство) имеет позитивный результат тогда, когда представляет собой устойчивую систему¹⁵⁰. Когда взаимодействие воспитателя и воспитуемого строится на общем для них убеждении, что другим это взаимодействие быть не может и не должно. «Академическая мобильность» в её нынешнем исполнении эту системность воспитательных практик нарушает в самой её основе. Происходит всё буквально по известной поговорке: «У двух нянек дитя без глазу».

Побочным эффектом от государственного стимулирования академической мобильности является падение интереса структур государственного управления образованием к поддержанию функционирования образовательных учреждений на уровне ими же, структурами управления, созданных стандартов материального и кадрового обеспечения школ и вузов. Причина в постоянном и часто независимом от усилий управленцев изменении

¹⁵⁰ Манюкова Е.В., Попова С.И. Особенности социального конструирования гражданской идентичности учащихся в условиях поликультурного воспитания // Science for Education Today. 2020. Т. 10. № 2. С. 187-200 / URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_42772192_34764230.pdf(дата обращения 16.02.2022).

состояния учебного и воспитательного процесса в школах и вузах. Причина в невозможности для людей, принимающих решения, предсказать, как в той или иной ситуации реализует себя интерес учащегося и педагога к мобильности, как, соответственно, изменится запрос учебного учреждения на материальные ресурсы и кадры, какие образовательные новации школа и вуз «потянут» (если их подкрепить финансами и кадрами специалистов), а какие нет. Невозможно представить относительно долгосрочную перспективу функционирования российского образования, куда в нем будут перетекать личные интересы, материальные и кадровые ресурсы.

В одном из своих выступлений в Государственной Думе РФ депутат О. Смолин охарактеризовал результат такой неопределённости в динамике системы образования, как фактора принятия управленческих решений. Он привёл показательную статистику. По данным специалистов Высшей Школы экономики (она все послесоветские годы была главным лоббистом продвижения Болонской системы в отечественное образование) 80% школьных учителей получают заработную плату менее 40 000 в месяц, давая по 30,5 уроков в неделю. Из них 40% буквально бедствуют. Естественно, в этой связи, что на сегодня в российских школах, только по официальным данным) не хватает примерно 250 000 педагогов¹⁵¹.

Формально, всем управлять должна конкурентная рыночная среда, в которую на этапе либеральных реформ оказалось включено отечественное образование. Рынок, в данном случае, действительно регулирует. Но регулирует не в пользу политических и экономических интересов Российского государства.

Мобильность в приобретении человеком знаний и навыков интересна государству тогда, когда его экономика и социальная сфера развиваются в условиях максимально свободного рынка. Свободного, заметим, не только от государственного регулирования, но и от регулирования внешнего,

¹⁵¹ Депутат Олег Смолин говорил в Госдуме про наболевшее: бедность учителя, кадровый кризис, де бюрократизацию и финансирование образования / URL: https://dzen.ru/a/ZH21GGnK8Sd7q3_f?from_site=mail (дата обращения 06.06.2023).

осуществляемого посредством различных экономических санкций и экономического вредительства (вроде подрыва российского газопровода «Северный поток – 2»). Когда рынок свободен, государству действительно выгодно, чтобы его граждане с молодых лет приноровлялись к жизни и работе в его условиях. Чтобы они в решении проблем образования и последующего труда больше рассчитывали на свои способности, чем на вспомоществование государства. В то же время, государству выгодно использовать «академическую мобильность» как инструмент «мягкой силы» в нормальных конкурентных рыночных отношениях со своими партнёрами.

Реализовать в полном объеме мобильность так, как это было изначально задумано, не позволило как раз отсутствие в современной РФ такого свободного рынка. За три десятка послесоветских лет лидерами и хозяевами российского рынка стали госкорпорации и крупные предприятия федерального значения. По сути, они, а не свободный выбор гражданина, определяют сегодня движение капиталов, ресурсов и технологий. Они же формируют «моду» на различные виды и формы образования, формируют запрос к работе образовательных учреждений, как ведомственных, так и федеральных. Они, по факту, формируют государственный заказ к образовательным учреждениям на подготовку будущей квалифицированной рабочей силы. Они же, возможно в ещё большей мере, продолжают формировать этот заказ и на этапе создания Суверенной системы российского образования. Их деятельность основана на долгосрочном планировании инвестиций и проектов. «Академическая мобильность», осуществляемая в режиме личного выбора гражданина, не соответствует их стратегии хозяйствования на рынке товаров, услуг и технологий.

Пока эти риски и проблемы, порождённые «академической мобильностью», нигде не фигурируют в публичных высказываниях руководителей российского образования по поводу его суверенной перспективы. На этапе создания Суверенной системы образования придётся эти проблемы решать. В противном случае, практики «академической мобильности, став частью новой системы российского образования, будут, как вирус, разрушать её

изнутри. Нетрудно предположить, что в обозримой перспективе, по мере дальнейшего ухудшения отношений Большого числа развитых европейских и азиатских стран с Российской Федерацией и расширения спектра антироссийских санкций, даже прежние, относительно небольшие достижения нашей системы образования по стимулированию академической мобильности студентов сойдут на нет.

Хорошо, что студенты и учёные увидят мир, расширят круг своего человеческого и профессионального общения, но чем это может обернуться для интересов государства, гражданами которого они являются? Государство столкнётся с «утечкой мозгов», или же у него появятся новые возможности для лоббирования своих интересов на мировом уровне? На заседании Научно-координационного совета при Федеральном агентстве научных организаций РФ помощник Президента России и экс-министр образования А. Фурсенко предложил решить эту проблему при помощи терминологии и вместо понятия «утечка мозгов» говорить, например, об «активной мобильности российских ученых»¹⁵². Такое предложение представляется сомнительным. Потому как дело, на наш взгляд, не в терминах. Дело в существе ситуации: государство за средства налогоплательщиков готовит специалистов, чтобы потом они внесли свой вклад в укрепление его и общества благополучия. Получается же, что за свои и общества средства Российское государство из года в год обеспечивает талантливыми студентами, квалифицированными педагогами и продуктивно работающими учёными своих и геополитических и экономических конкурентов. При нынешней тенденции к обострению негативного отношения многих стран к национально-государственным интересам России актуальность этого вопроса будет только повышаться.

Получается, что как бы ни была хороша академическая мобильность, как бы ни хотелось её сохранить в структуре суверенного образовательного процесса

¹⁵² Фурсенко: вместо «утечки мозгов» из РФ уместно говорить об «активной мобильности» ученых. 15.12. 2016 / URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/3877827> (дата обращения .06.06.2023).

в нашей стране в качестве «лучшего» из прежнего опыта, сделать это вряд ли возможно по объективным условиям. По этим условиям надо менять её суть.

В качестве примера перехода от либеральной «мобильности» к суверенной можно взять ситуацию с удовлетворением кадровых потребностей «Росатома». И сами руководители госкорпорации, и специалисты аналитики, и руководители учебного заведения, которое готовит квалифицированные кадры для российской атомной отрасли, единогласно заявляют о высокой потребности удержания молодых кадров на территории нашей страны и в русле профессионального и карьерного роста, который им обеспечивает госкорпорация. Существует профильный Волгодонской инженерно-технический институт НИЯУ МИФИ. Действует «Корпоративная академия Росатома». Она, готовит инженеров и рабочих в соответствии со стандартами WorldSkills. Руководство госкорпорации осуществляет создание базовых кафедр на своих предприятиях. Руководство госкорпорации, в принципе, не против «академической мобильности», но не той, какой её представляют все минувшие годы последователи Болонской системы. Госкорпорации выгодна государственно ориентированная мобильность учащихся, реализуемая, прежде всего, в режиме «экспорта» российского образования за рубеж. То есть, предоставления возможностей получить образование в России представителям тех стран, к реализации своих строительных и инвестиционных проектов в которых «Росатом» имеет конкретный интерес¹⁵³. В чем госкорпорация совсем не заинтересована, так это в утечке за рубеж квалифицированных специалистов, на подготовку которых потрачены немалые государственные средства, а также специфических технологий, обеспечивающих суверенитет и безопасность нашего государства. Значит, **проблема с переходом от либеральной**

¹⁵³ Руденко В.А. В интересах отрасли, на благо страны // Аккредитация в образовании. 2017. №8(100). С. 50-52 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_37174563_76204659.pdf (дата обращения 12.12.2022); Заволокина Л.И., Попова Д.А. Эффективная кадровая политика как основа обеспечения безопасности в области использования атомной энергии // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. Т. 7. С. 113-118 / URL: https://elibrary.ru/query_results.asp (дата обращения 12.12.2022).

мобильности к суверенной практически решаемая. Вопрос только в том, чтобы такой опыт аккумулировать и трансформировать в соответствующие нормативные документы для планируемого сегодня следующего этапа образовательных реформ.

Анализ внешних и внутренних факторов, создающих условия для адаптации болонской системы к задаче создания суверенной системы образования, привёл нас к выводу, что адаптация эта может пройти достаточно легко. Те же требования, которые прежде были требованиями руководителей образования к болонской системе, сегодня декларируются как требования к суверенной системе. Это создаёт риск имитации перехода российского образования из прежнего его, либерально и «западноориентированного» состояния, в новое, консервативно-патриотическое. В условиях, когда такой стратегический поворот от либерализма к консерватизму реально происходит во внешней и внутренней политике государства, подобная имитация способна только углубить разрыв между управленческими интересами государства и способностью российского образования их реально удовлетворить. Прежде ущерб национально-государственным интересам, нанесённый ускоренным перелицовыванием российского образования на европейский манер, общественное мнение могло объяснить либеральными иллюзиями отечественной властной элиты, её желанием быть принятой в своеобразный глобальный «клуб избранных». Теперь ссылки на якобы имеющие место непатриотичные настроения реформаторов работать уже не будут. Новые образовательные реформы сегодня уже публично презентованы как патриотический акт. Патриотично звучат высказывания руководителей образования. Сохранение старой, по своей сути, системы образования под новой вывеской, может спровоцировать ещё большую активность общества в заявлении претензий к государственному управлению образованием. Есть риск, что в этом случае новые реформы будут восприняты в обществе как большой политический обман, как проявление лжепатриотизма людей, отвечающих за государственное управление. Ресурс общественного доверия, без которого

государственное управление не может работать даже в минимально демократическом режиме, может снизиться до критически низкого уровня.

Особенно в том случае, если одни представители государства будут говорить одно, а другие – другое. Министр образования РФ, например, направил официальное приветствие участникам «Саммита по трансформации образования-2022», который прошёл в Нью-Йорке в сентябре 2022 г.»¹⁵⁴. В поздравлении утверждалось, что Российское государство готово подтвердить свою верность принципам и целям воспитания молодёжи, изложенным в документах ООН, что «российская система образования всегда была и остается нацеленной на общечеловеческие ценности», что «образование должно оставаться вне политики».

Какой может быть реакция российского общества на такие заявления легко представить, если обратиться только к одному из документов, принятому на этом форуме – «Декларации молодёжи о трансформации образования». Там заявлено, что долг каждого государства создать «систему образования, ориентированную на потребности девочек и молодых женщин, беженцев, лиц с инвалидностью, ЛГБТИК+-сообщества, цветного населения, коренных народов и других уязвимых и маргинализированных групп, а также систему, подчеркивающую взаимосвязь этих идентичностей», Что «Мы требуем, чтобы лица, принимающие решения, инвестировали в гендерно-трансформирующее образование для создания настоящего и будущего, являющихся феминистскими, справедливыми и свободными от вредных гендерных стереотипов»¹⁵⁵.

Заочную, но предельно точную оценку такого рода декларациям дал В.В. Путин: «По сути, они плюют на естественное право миллиардов людей, большей

¹⁵⁴ Саммит по трансформации образования /URL: <https://www.un.org/ru/transforming-education-summit/about> ((дата обращения 06.05.2023); Поддержка педерастии, цифры и гендерной повестки: тезисы Саммита по трансформации образования ООН, под которыми подписался министр Кравцов / <https://vk.com/@riakatyusha-podderzhka-pederastii-cifry-i-gendernoi-povestki-tezisy-samm>(дата обращения 06.05.2023).

¹⁵⁵ Там же.

части человечества, на свободу и справедливость, на то, чтобы самим, самостоятельно определять своё будущее. Сейчас они и вовсе перешли к радикальному отрицанию нравственных норм, религии, семьи.¹⁵⁶ Это как раз тот ракурс, в котором позицию реформаторов российского образования воспримет, наверняка, большинство российского общества и, что не менее вероятно, значительная часть управленческой элиты.

Утрата обществом доверия к идее создать суверенную систему образования, реально обслуживающую национально-государственные интересы России, а не подстраивающуюся под «глобальную повестку», влечёт за собой риск цепной реакции. Следом общественное доверие могут начать терять и те реформаторские инициативы государства в экономике, праве, культуре, которые прямо или косвенно связаны с превратно понятым интересом государства к реформированию образования.

Лучшее, что может быть взято от болонской системы в будущее, это её проблемный опыт. Организаторам Суверенной системы российского образования он может стать постоянным напоминанием о том, как и почему рискованно и непродуктивно реформировать образование в режиме, который, по аналогии с понятием «демократический транзит», можно назвать «образовательным транзитом». То есть, таким порядком, когда проблема образования решается не путём подбора оптимальных принципов, технологий и ресурсов (идеологических, материальных и кадровых, в первую очередь). А когда просто копируется готовая комбинация принципов, технологий и ресурсов, после чего начинается поиск тех проблем, которые с её помощью можно было бы решить за несколько дней, месяцев или за пару лет. При таком «транзитном» подходе к образовательным реформам вне поля зрения реформаторов остаётся широкий спектр проблем, которые не поддаются решению тем способом, который они считают единственно правильным. Образовательный и воспитательный процессы динамичны и устроены сложно. Поэтому, объективно,

¹⁵⁶ «За нами правда. За нами Россия»: обращение Владимира Путина 30 сентября 2022 года / <https://proza.ru/2022/10/02/306> (дата обращения 04.10.2022).

нерешённых проблем в них накапливается больше, чем проблем быстро решаемых в режиме «либерального натиска». На наш взгляд, на основании учёта этой тенденции может быть выстроена новая стратегия для нового этапа образовательных реформ.

2.2. Будущая «суверенная система образования» как политико-управленческий интерес государства.

Будущее российского образования будет выглядеть по-разному в зависимости от того, с какой точки мы будем на него смотреть: экономической, правовой, кадровой, демографической, учебно-организационной, или какой-либо другой. В настоящий момент наиболее чётко, например, вырисовывается перспектива очередных структурных изменений в организации образовательного процесса в отечественных вузах. Знаменует, например, такую перспективу пилотный проект реформ в системе высшего образования, который согласно президентского указа от 12 мая 2023 г. будет реализовываться в нескольких, специально для того определённых учебных заведениях – в МАИ, МИСиС, МПГУ, Санкт-Петербургском горном университете, Балтийском федеральном университете, Томском государственном университете¹⁵⁷.

¹⁵⁷ Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2023 № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» / URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305120005?index=1> (дата обращения 24.05.2023)

Согласно замыслу создателей проекта, в структуре российского высшего образования в обозримом будущем появятся «базовое», «специализированное» и «профессиональное» (аспирантура) уровни высшего образования. Поскольку российская система образования это именно система, и в ней всё друг с другом взаимосвязано, то нетрудно предположить вероятность реформирования, в дальнейшем и в том же направлении, так же средних общеобразовательных школ и различных учреждений получения дополнительного образования.

Экономическая перспектива выглядит не слишком обнадеживающе. Особенно в свете возросших в последние два года затратах государства на содержание ВС и развитие ОПК. Даже если официально, на уровне заявлений Президента и профильных министров, финансирование российского образования, развитие его технического обеспечения и обеспечение кадрами получат статус приоритетной государственной задачи, в нынешней политической ситуации эта задача не будет первой в ряду других приоритетных задач, решаемых российскими властями. Тем не менее, в проведение новых реформ, в стимулирование активности их участников, неизбежно потребуется инвестировать новые государственные средства¹⁵⁸.

В настоящем разделе диссертации мы предлагаем и обосновываем свой взгляд на перспективу российской образовательной системы. Это взгляд на её будущее в политическом ракурсе. То есть, наиболее важным предметом изучения для нас будут не структурные и содержательные изменения в организации деятельности учебных заведений, и даже не проблемы их материального и нормативного обеспечения, для отечественного образования традиционно острые. Предметом исследования и прогнозирования будет, в данном случае, вероятность нахождения субъектами российской

¹⁵⁸ Новый бюджет на 3 года на образование в краткой выжимке. Смотрим на основные блоки изменений / URL: https://dzen.ru/a/ZS4wqhhVOxjMORdh?referrer_clid=3000&from_site=mail (дата обращения 17.10.2023); Деньги дадут больше, но не учителям / URL: https://dzen.ru/a/ZSqmwOX3ZhJ2nEkz?referrer_clid=3000&from_site=mail (дата обращения 17.10.2023).

образовательной политики общей позиции для проектирования её будущего и общего понимания тех проблем, без решения которых такое будущее не состоится. Состоится, вероятно, другое будущее, но не то, ради которого затеваются новые образовательные реформы. Потому что только в случае согласованности намерений и планов участников упомянутые образовательные реформы (очень заметная часть внутрироссийской государственной политики), перестанут быть раздражителем для общественного сознания и стимулом для граждан заявлять разного рода претензии властям. Напротив, реформы будут работать на укрепление внутренней стабильности. Иначе говоря, из постоянного вызова суверенитету государства в решении вопросов внутренней политики, они превратятся в инструмент укрепления его суверенитета.

Считаем необходимым сразу оговориться, что суждения и оценки по поводу будущности российской системы образования, представленные в настоящем разделе диссертации, отталкиваются от нашего понимания общей идеологической направленности государственной политики. То есть, от представления, что планируемые ближайшие и последующие преобразования в этой сфере будут осуществляться в условиях идеологического поворота государственной политики в нашей стране. И многое, на наш взгляд, в процессе реализации и конечном результате этих реформ будет зависеть от масштаба и радикальности этого поворота. Все минувшие десятилетия российское образование было заложником выбора властной элиты в пользу либеральных и глобалистских ценностей, в ряду которых ценность национально-государственного интереса была далеко не на первом месте. Образовательные реформы были для либеральной элиты важным инструментом легитимации в сознании общества идей и практик либеральной демократии и рынка.

Сегодня идеологические приоритеты во внутренней политике Российского государства заметно поменялись. В них явственнее стала обнаруживаться связь (характерная для политического консерватизма) с задачей обеспечения национальных интересов и национального суверенитета. Но процесс смены идеологических приоритетов происходит неравномерно на

разных уровнях государственного управления и в разных его сегментах: относительно быстро в тех сферах управления, которые связаны с решением задач обеспечения военной, информационной и экономической безопасности страны, критически медленно в сфере управления культурными процессами (функционированием отечественной образовательной системы, в частности). Разница в динамике здесь обусловлена не столько, на наш взгляд, какой-то особенной «консервативностью» мышления российских чиновников, отвечающих за решение оборонных и стратегических экономических задач, с одной стороны, и какой-то, с другой стороны, «либеральностью» мышления их коллег, руководящих российским образованием. В сфере культуры переход управленческих практик к консервативно-патриотической мотивации совершился бы сегодня, наверное, столь же быстро, если бы эта сфера была для государства таким же источником угроз его суверенитету, какими сегодня являются военная сфера и сфера экономических отношений с другими странами мира. В образовательной политике смена идеологических приоритетов идёт по сию пору относительно медленно, поскольку не очевидна потребность в ускорении этого процесса.

Естественно, что эта медлительность фиксируется сознанием участников образовательной политики, в первую очередь рядовых. Она служит оправданием для их критического отношения к намерению управленцев сохранить и развить в будущей системе российского образования «всё лучшее», что было в «болонской» системе, радикально-либеральной по своей сути.

Поэтому в данном разделе диссертации главное внимание мы уделим поиску ответа на вопрос: смогут ли те стратегии, которые сегодня разрабатываются теоретиками и управленцами в порядке реализации политической установки на «суверенизацию» развития российского образования в XXI веке обеспечить органичную связь новой образовательной политики с новыми политико-управленческими интересами государства. В первую очередь, с интересом к усилению внутренней сплочённости элит и гражданского

общества, как необходимого условия укрепления национально-государственного суверенитета.

Такой прогноз был бы, на наш взгляд, логичным завершением анализа острых проблем коммуникации между институтами государственного управления и гражданским обществом, который мы осуществили в предшествующих разделах своего исследования. Мы обосновали в этих разделах свою позицию по поводу главной причины прежней и нынешней «пробуксовки» бесконечных новаций в работе образовательных учреждений. От понимания этой главной причины мы будем отталкиваться в своём прогнозе. Причиной являются взаимные непонимание и недоговорённость между государственными структурами, управляющими функционированием образовательной системы, и обществом на тему смысла и пользы постоянных и многочисленных педагогических и бюрократических новаций в этой системе. Непонимание и недоговорённость являются в этом случае, как и в большинстве подобных случаев, источником взаимных подозрений субъектов образовательной политики. Чиновники и политики подозревают рядовых граждан в игнорировании государственных интересов. Граждане подозревают чиновников и политиков в намерении при помощи различных управленческих и методических новаций подменить в образовательной политике действительно государственные интересы интересами корпоративно-элитарными и даже частными. Педагоги же, в свою очередь, подозревают тех и других в том, что им нет дела до того реально сложного состояния, в котором сегодня находятся организация учебного и воспитательного процесса в российских школах и вузах. А применительно к средней школе, это ещё и подозрение педагогов, что никому нет дела до их материального положения и условий труда.

В ходе работы над диссертацией мы провели небольшой экспертный опрос среди педагогических работников. Они должны были ответить на вопросы: *Многие реформы, которые начались в нашей стране в 90-е гг. прошлого века, к настоящему времени либо закончились, либо принципиально изменили свою направленность и задачи. Почему, на Ваш взгляд, на протяжении последних*

трёх десятилетий не прекращается реформирование российской системы высшего образования и не происходит принципиальных изменений в её цели и средствах? Кто заинтересован в продолжении экспериментов с вузовским образованием в нашей стране? В числе заданных вопросов был вопрос об интересах, побуждающих государственных чиновников к инициированию всё новых и новых реформ и экспериментов в отечественной системе образования. Приведём, в подтверждение справедливости наших выводов о взаимном недоверии между субъектами образовательной политики, некоторые показательные суждения экспертов (сохранена орфография оригинала – К.А.):

«Всем этим людям нужно где-то работать и получать зарплату»;

«Мы говорим о том, что образовательный процесс должен становиться все более вариативным, индивидуальным, однако, бюрократическая система олицетворяет собой ровно противоположный тренд. Современная российская система образования слабо реагирует на выявляемые недостатки и все больше ориентируется на продуцирование и привлечение стандартно мыслящих (лояльных), а потому компетентных (в распространенном прочтении) людей, «отформатированных» по бюрократическому образцу. Воспитания это тоже все касается»;

«Бюрократия процветает, когда у чиновника нет продуктивных идей, и он находится не на своем месте. Расцвет бюрократизма не от государства, а ведомственный, в том числе и вузовский в отдельных случаях. Надо проводить государственную политику сверху до низу. а это зависит от расстановки людей»;

«Не могу сказать, что это является интересом государства, скорее ведомственный характер носит. Причины: всевозможные мониторинги, запросы на данные, что, видимо, связано с тенденцией бюрократизации в целом»;

«Прежде всего, чиновники должны быть ближе к тому, чем управляют – хотелось бы, чтобы большая часть из них сами писали РПД, участвовали в научных исследованиях, занимались со студентами – тогда бы и показатели были бы более адекватными и бюрократия с «человеческим лицом»».

Такого рода подозрения довольно типичны. Они на протяжении практически всего послесоветского времени заявляют о себе в публичных дискуссиях на тему будущего российского образования. Нетрудно, отталкиваясь от этой негативной тенденции во властно-общественной коммуникации, спрогнозировать конечный результат истории с реформированием отечественного образования: планируемый очередной виток образовательных реформ создаст, в дополнение к прежним, новые условия для конфликта между участниками государственной образовательной политики и дополнительный ряд проблем в работе механизма государственного управления образованием. При сохранении у субъектов образовательной политики нынешнего уровня взаимных подозрений и претензий российскому образованию будут действительно необходимы достаточно радикальные реформы. А любая радикальная ломка несёт в себе материальные, организационные и репутационные издержки для системы государственного управления.

Общественное мнение, как показывает наш анализ реакции граждан в социальных сетях на различные реформаторские декларации и публичные высказывания чиновников относительно реформирования российского образования, сегодня склоняется к подозрению, что чиновники хотят произвести перемены в образовательной политике и в управлении ею так, чтобы в реальности ничего не изменилось. Мнение педагогов и рядовых граждан, как нам представляется, сегодня на стороне идеи, что уже сейчас и, особенно, в будущем российскому образованию нужны не частичные усовершенствования. Ему нужна системная перестройка на новые принципы (организационно-правовые и идеологические) функционирования.

Нужна, иначе говоря, по мнению большого числа её рядовых участников, действительно новая стратегия государственной образовательной политики. Идеологические очертания этой общественной заявки на новую государственную стратегию, в свете нынешних идеологических тенденций и вызовов внутренней и внешней политике нашего государства, а также ценностным устоям общественной жизни, вырисовываются достаточно чётко. Это должна быть стратегия, делающая главным ориентиром для всей образовательной политики ключевые интересы российских государства и общества, а не интересы «саморазвития» личности и её «интеграции в глобальные процессы». До тех пор, пока главным оправданием для государственных инвестиций в развитие отечественной системы образования будет оставаться личный интерес человека это образование получить и с его помощью «саморазвиться», в качестве прибыли от своих инвестиций государство и общество регулярно будут получать целый «букет» мировоззренческих проблем у молодого поколения российских граждан. И не ясно будет, кто и как должен заниматься решением этих проблем (государственные структуры, семья, школа, вуз, или сам гражданин), как и перед кем отвечать за последствия своих решений.

Если новая стратегия будет создаваться не в закрытом режиме, не в министерских кабинетах, то она, вероятно, может быть продуктом публичного обсуждения способов преодоления упомянутых препятствий. По крайней мере, в идеологии будущих образовательных реформ эти три проблемы должны получить свою интерпретацию. Если властным элитам и гражданам удастся преодолеть эти препятствия и выработать по этим направлениям образовательной политики относительно общую позицию, то можно будет ожидать, что новые реформы не создадут новых расколов в пространстве российской общественной и государственной жизни. Если позиции согласованы не будут, то новые реформы неизбежно станут новым «яблоком раздора» для субъектов российской внутренней политики и дополнительной помехой для нормального функционирования государственного управления.

Насущным является, на наш взгляд, вопрос: смогут ли участники образовательной политики, при нынешнем уровне взаимного неприятия позиций друг друга, преодолеть в процессе строительства «суверенной» системы российского образования те препятствия, которые уже сегодня отчётливо просматриваются на этом пути? Потому что даже, исходя из нынешней ситуации с проектированием на официальном уровне стратегии новых образовательных реформ, можно прогнозировать трудности с преодолением этих препятствий.

Нам видятся, на сегодняшний день, **два больших препятствия** на пути разработки и реализации новой стратегии государственной политики.

Первое, что видится необходимым согласовать в сознании граждан и в сознании чиновников, берущих сегодня на себя инициативу и ответственность за осуществление новых образовательных реформ, это **толкование определения «суверенная» применительно к будущей отечественной системе образования.**

Сегодня понятие «российская суверенная система образования» довольно часто используется руководством государства и чиновниками, отвечающими за выработку и реализацию государственной образовательной политики. Но конкретизации смысла этого понятия раз за разом не происходит. Тогда как конкретность в этом вопросе необходима. Ведь, по сути, публично озвучивается некая «формула будущего» российского образования, предназначенная соединить государственный интерес к инвестициям в его реформирование и развитие с соответствующим интересом общества и даже отдельного человека.

Формально, государственный интерес в упомянутой формуле выражен предельно ясно: от «не суверенной» Болонской образовательной системы всей стране предстоит как можно быстрее перейти к «суверенной» российской системе. Опять же, относительно ясна и организационная составляющая такого перехода. В самом начале реформ нужно будет изменить нормативную базу функционирования образовательной системы в нашей стране по всем её уровням и ответвлениям, от профильных министерств, от средних школ и вузов, и до институтов, обеспечивающих дополнительное образование учащихся и

повышение квалификации педагогических кадров. Нужно будет, также, издать новые учебники и обновить содержание государственных образовательных стандартов. Вероятно более консервативными (в политическом смысле) станут формулировки компетенций, предназначенных к усвоению учащимися. Возможно даже, как об этом постоянно говорят педагоги, нужно будет пересмотреть нынешний подушно-временной подход к планированию их учебной нагрузки и оплаты труда.

Пока нет оснований считать, что само по себе соединение слова «суверенитет» со словом «образование» даёт внятный ответ на вопрос о характере государственного интереса и представляет собой всё необходимое и достаточное для того, чтобы перспектива российского образования выглядела бы однозначно позитивной в глазах заинтересованных граждан и управленцев. Ими смысл этой формулы может быть истолкован очень широко и по-разному. Так, как это будут подсказывать их разные политические, экономические и правовые интересы, а не общий национально-государственный интерес. Нетрудно предвидеть, отталкиваясь от теории и опыта современной демократической политики, что разница интересов побудит разных её субъектов настаивать на собственном понимании «суверенности» образовательной системы, конечного пункта её последующей эволюции, а точку зрения партнёров по политическому процессу и массовым коммуникациям, считать в корне ошибочной и даже вредной для общего дела. Тем более, что понятие «суверенитет» многозначно, существуют его разные (по формулировкам и смыслу) научные определения. Существует политологическая трактовка суверенитета ¹⁵⁹, есть его экономическое определение ¹⁶⁰. Собственные представления о сущности

¹⁵⁹ Аксёнов И.С. Особенности соотношения понятий «народный суверенитет», «национальный суверенитет» и «государственный суверенитет» // Синергия Наук. 2018. №22. С. 1042-1052 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32851134_90707986.pdf (дата обращения 04.08.2021); Шестопап С.С., Данилян Т.А. Суверенитет Российской Федерации: особенности национального суверенитета // Вопросы устойчивого развития общества. 2021. №12. С. 584-589/ URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47568930_30136239.pdf (дата обращения 21.10.2023).

¹⁶⁰ Елисеева А.А. Суверенитет как свойство публичной политической власти и роль таможенных органов в обеспечении экономического суверенитета Российской Федерации //

суверенитета есть у юристов¹⁶¹. По следам такого разнообразия политических интересов и учёных мнений, образовательная политика с большой вероятностью будет оставаться областью больших рисков для всей системы государственного управления общественно-политическими процессами.

Остаётся неясным и другой момент. Когда эта «формула» озвучивается официально, то, как обществу надо это воспринимать: как приглашение со стороны государства к дискуссии на соответствующую тему, или же, как указание к исполнению?

Если речь идёт о приглашении к дискуссии, то это одна проблема. И, соответственно, одни риски, которые неизбежно будут возникать при столкновении государственного и различных частных интересов. Это, прежде всего, риск появления конкурирующих между собой трактовок образовательного «суверенитета». Конкуренция потребует дополнительных регулирующих усилий со стороны государства и, тем самым, на проведение реформ потребуется значительно больше сил, времени и ресурсов, чем если бы речь шла просто о принятии участниками образовательной политики к исполнению какой-то одной, соответствующей интересу государства, трактовки понятия «суверенность». К тому же, представляется трудно разрешимой и, отчасти, даже лишённой практической пользы ситуация, когда руководством российского образования будет инициирована широкая публичная дискуссия по поводу того, что есть суверенитет вообще и суверенитет образовательной политики, в частности. О содержании понятия «суверенитет» столетиями ведут споры профессиональные юристы и политологи¹⁶². И мнения на этот счёт

Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2010. №1(35). С. 71-78 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21291693_58154122.pdf (дата обращения 21.10.2023).

¹⁶¹ Белецкая А.А. От суверенитета государства к суверенитету народа: конституционно-правовой опыт стран Азии и России // *Universum Humanitarium*. 2020. №2. С. 108-118 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47606589_40776498.pdf (дата обращения 21.10.2023).

¹⁶² Роблес-Каррильо М. Суверенитет и цифровой суверенитет / *Journal of Digital Technologies and Law*. 2023. Т.1. №3. С. 673-690 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_54320909_79525277.pdf (дата обращения 07.09.2023); Белецкая А.А. От суверенитета государства к суверенитету народа: конституционно-правовой

высказываются самые разные. Масса рядовых граждан и работников образовательных учреждений, а также чиновников регионального уровня по своим интересам, теоретической подготовке и образу жизни очень далека от этих проблем правовой и политической теории, не готова их обсуждать и находить практичные решения. При таком положении дел не трудно прогнозировать, что именно чиновники будут по своему усмотрению решать, что в работе образовательных учреждений считать свидетельством «суверенности», а что трактовать как пренебрежение ею, или даже покушение на неё. Прогнозируемо должны будут появиться на свет некие министерские циркуляры, регламенты и официальные письма, инструкции и рейтинги. Вероятно, в этих документах будут прописаны некие критерии, на основании которых контролирующие органы будут определять, где «суверенность» в работе образовательных учреждений есть реально, а где она только декларируется и имитируется. Но откуда возьмутся такие критерии? Прогнозируемо также, что и сам смысл понятия «суверенитет» и набор критериев, по которым проверяющие чиновники будут оценивать вклад конкретных образовательных учреждений в суверенизацию российского образования, чиновники будут определять сами, в меру своего понимания того, что такое нынешние российские национально-государственные интересы.

Другая проблема и другие риски, связанные с ней, если речь идёт о некоем руководящем указании со стороны государства. В условиях демократии всегда существует риск того, что официальную позицию по какому-либо вопросу, которую общество не понимает, оно и не принимает, либо принимает и следует ей, по большей части, формально. Наша страна уже имеет опыт

опыт стран Азии и России // *Universum Humanitarium*. 2020. №2. С. 108-118 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47606589_98572823.pdf (дата обращения 08.09.2023); Михеева В.А. Эволюция понятия «суверенитет» и проблемы суверенитета в современной мировой политике / В сб: *Высшее образование для XXI века: роль гуманитарного образования в контексте технологических и социокультурных изменений*. XV Международная научная конференция. Доклады и материалы. В 2-х частях. Под общей редакцией И.М. Ильинского. 2019. С. 906-912 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_42629001_28952462.pdf (дата обращения 15.09.2023).

внедрения Болонской системы. Внедрялась эта система именно в качестве руководящего указания «сверху». Результатом же формального отношения российского общества к внедрению этой системы, смысла которой его значительная часть не поняла и не приняла, является как раз нынешняя идея отказаться от дальнейшей государственной поддержки этой системы.

Против этих прогнозов можно было бы привести следующее возражение: вертикаль власти на то и существует в нашей стране, как вертикаль власти, чтобы с опорой на неё можно было в нужный момент такой бюрократический произвол на местах и в различных отраслях государственного управления умерить. У Российской Федерации есть свой Президент, обладающий достаточным формальным и неформальным ресурсом влияния на бюрократию. Он, одновременно, пользуется устойчиво высоким доверием сограждан. Его мнение авторитетно для всех участников внутренней политики в РФ. Что мешает участникам образовательной политики сегодня и в дальнейшем ориентироваться именно на то определение «суверенитета», которое, например, будет публично озвучено Президентом и, тем самым, фактически, им одобрено? Ведь очевидно, что и управленцы рангом ниже, в российских регионах, будут в своих коммуникациях с педагогами, учащимися и родителями учащихся, а также в своих руководящих действиях в отношении образовательных учреждений, следовать этому президентскому определению.

Так просто решить эту проблему с идеологическими ориентирами нового этапа российской образовательной политики вряд ли удастся. Даже если Президент РФ возьмёт на себя обязанность и ответственность определить, какой именно суверенитет необходим в будущем российской системе образования, на что он будет ориентироваться? В первую очередь, он будет в своих формулировках отталкиваться от современных научных толкований «суверенитета», данных отечественными юристами и политологами, а также специалистами по международным отношениям. С другой стороны, он будет естественным образом учитывать то обыденное понимание «суверенитета» (как

противодействия любому враждебному влиянию извне), которое существует в сознании российских граждан со времени Холодной войны.

На практике так и получилось, когда В.В. Путин публично высказал своё мнение по поводу того, какой суверенитет соответствует национально-государственным интересам и какими способами его следует укреплять. Соответственно, он дал всем нынешним участникам государственной образовательной политики официальное разъяснение по поводу того, какого именно «суверенитета» в организации и функционировании школ и вузов они должны добиваться. На самом высоком государственном уровне заявлено, что именно в реализации суверенитета в российской культуре, вообще, и в образовательной политике, в частности, заинтересовано государство ¹⁶³. Постановка задачи подразумевает, что наибольшая часть управленческих усилий и ресурсов государства будет сконцентрирована именно на этом направлении. Для участников образовательных реформ это стимул действовать и думать в определённом направлении.

Есть требования к культурной политике, как политике реализующей суверенные интересы российских государства и общества, которые закрепил Указ Президента от 25 января 2023г.¹⁶⁴. По нашему мнению в официальном толковании «суверенитета», предложенном российской публике Президентом, есть **всё, что необходимо** для разработки и реализации на практике программы новых реформ в отечественном образовании. Но, по воле разработчиков президентского указа, в нём не оказалось того, что могло бы решить проблему несогласия между потенциальными участниками будущих образовательных реформ. А последнее, как мы уже упоминали, необходимо, чтобы интерес

¹⁶³ Егорова В. Владимир Путин: Россия создаст суверенную систему образования от школы до вуза / URL: <https://rg.ru/2023/03/02/putin-rossiia-sozdast-suverennuiu-sistemu-obrazovaniia-ot-shkoly-do-vuza.html> (дата обращения 26.05.2023).

¹⁶⁴ Указ Президента РФ от 25 января 2023г. №35 «О внесении изменений в основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014г. N808». 26 января 2023 / URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406130451/> (дата обращения 30.01.2023).

государства к суверенности во всех отраслях государственного управления не только был бы реализован здесь и сейчас, но и мог бы в дальнейшем укрепляться.

Нет, на наш взгляд, оснований сомневаться, что общие требования к реализации государственных интересов в сфере культуры могут быть перенесены и конкретно на сферу образования и на программу её предстоящего реформирования. Во-первых, потому, что образование, его институты и практики, являются основой всего пространства элитарной и общественной, политической и бытовой культур. Когда на официальном уровне делаются заявления о необходимости создания Суверенной Системы Российского Образования, то очевидно, что это заявка не на одну только стратегию образовательных реформ. Государство формулирует, таким образом, свой интерес к трансформации всей стратегии и тактики управления культурными процессами в стране, а, в некотором смысле, и на всём постсоветском пространстве. Второе соображение в пользу выбора именно того толкования суверенитета, которое даёт президентский указ, более прагматично и связано с особенностью коммуникаций внутри российской власти. Раз данное толкование суверенитета, как «культурного суверенитета», официально утверждено первым лицом в государстве, то нет никаких сомнений, что именно им, в первую очередь, будут руководствоваться разработчики и организаторы нового этапа реформ в отечественном образовании.

«Культурный суверенитет», как его смысл расшифровывает указ Президента РФ, предполагает обязательность для государства и его граждан в процессе коммуникации по вопросам культурной политики, а также в своих практических действиях на ниве российской культуры, соблюдать ряд правил. Во-первых, они должны целенаправленно формировать свою идентичность, не пускать этот жизненно важный для них процесс на самотёк. Во-вторых, должны избегать «социально-психологической и культурной зависимости от внешнего влияния». В-третьих, государство и общество должны быть защищены от деструктивного идеологического и информационного воздействия. В-четвёртых, о наличии у России «культурного суверенитета» должна свидетельствовать

сохраняющаяся историческая память граждан и правящих элит, их приверженность почвенным духовно-нравственным ценностям. Идеологические рамки для будущих образовательных реформ заданы, таким образом, достаточно чётко. Понятно, в каком направлении и какие процессы разработчики образовательных реформ должны стимулировать, а какие предотвращать.

Попробуем приложить эти правила к задаче создания российской Суверенной системы образования, как к практической (можно даже сказать бюрократической) задаче, которую будут в ближайшие годы решать те же граждане и те же управленцы, которым до последнего времени приходилось создавать и развивать Болонскую систему. Которые привыкли, что все параметры, которым эта система должна соответствовать в отдельно взятой стране, довольно подробно расписаны в соответствующих декларациях международных образовательных форумов и в межгосударственных соглашениях. Которым, уже даже в силу этой привычки, желательно видеть как можно больше конкретики в указаниях Президента.

Начнём с анализа первого требования к участникам образовательной политики государства, разработчикам и исполнителям управленческих решений - **государство и общество должны целенаправленно формировать свою идентичность**. С точки зрения современных представлений о том, как устроена и как функционирует социально-политическая система в цивилизованной стране, это требование абсолютно разумное. Тем более, когда сегодня наша страна претендует, чтобы в международных делах все её воспринимали как страну по-своему уникальную, где одно из проявлений уникальности, это исторически сложившееся «государство-цивилизация». На этой стороне государственного интереса В.В. Путин сделал особый акцент в своём выступлении на Валдайском форуме в октябре 2023 года¹⁶⁵.

¹⁶⁵ Полный текст выступления Владимира Путина на заседании дискуссионного клуба «Валдай» 5 октября 2023: о чем говорил Президент России / URL: <https://www.kp.ru/daily/27564/4833298/?ysclid=loimrxf2wk435665369> (дата обращения 06.10.2023).

Не менее разумна, на наш взгляд, установка не пускать это дело формирования социальных и индивидуальных культурных идентичностей на самотёк, а действовать целенаправленно. С этими подходами трудно не согласиться. Проблемы стратегического характера начинаются дальше. Их минимум две: **какая именно идентичность должна формироваться и что должно быть определено в качестве цели для процесса формирования такой идентичности?**

В течение многих послесоветских лет российские государство и общество уже усиленно формировали свою либерально-западническую идентичность (в её правовых, идеологических, институциональных и т.д. измерениях). Причём делали это не то чтобы при всеобщем согласии и воодушевлении, но осознанно и настойчиво. Можно даже сказать – принудительно. Повсеместное насаждение болонских принципов, технологий и организационных форм в отечественном образовании, которые сегодня подвергаются критике по всем направлениям, тому наглядный пример. Болонская система десятилетиями внедрялась повсеместно (и в школах, и в вузах) именно в качестве одного из наиболее активных каналов и эффективных инструментов распространения во властных элитах и массе рядовых граждан полной уверенности, что они теперь неотъемлемая часть «мирового демократического сообщества». Представления, что они движутся по единственно возможному для цивилизованных людей либеральному пути и цель этого движения – создать и в России, как в странах Запада, так называемое «общество потребления». Именно эта прежняя, целенаправленно сформированная постсоветская идентичность наших государства и общества сегодня стала представлять угрозу для их суверенности и, вообще, их дальнейшего существования и развития.

Тогда какую новую идентичность требуют целенаправленно формировать разработчики Президентского Указа? Это должна быть консервативная, социалистическая, или какая-либо другая, ранее неизвестная политико-идеологическая и, в целом, культурная идентичность? Достижение какой цели будет свидетельствовать о том, что задача формирования такой

идентичности решена (хотя бы в общих чертах)? В прежнее время целенаправленность формирования идентичности подразумевала, как уже было сказано, создание в нашей стране «общества потребления» западного типа. Какой уклад общественной и государственной жизни теперь и в будущем должна обеспечить вновь формируемая идентичность? Если это будет общество и государство всеобщей аскезы (по примеру Северной Кореи) то замысел потратить новые ресурсы на новый виток образовательных реформ в нашей стране никак не вписывается в это целеполагание.

Ни на один из этих вопросов документ, анализируемый нами, ответа не даёт и даже не предлагает какой-либо информации к размышлению. В контексте нынешней идеологической, экономической и даже военной конфронтации России со странами Запада, в контексте текущего поворота от ориентации внутренней и внешней политики в нашей стране на «общечеловеческие» либеральные ценности к ориентации на ценности патриотические, правовая и идеологическая фиксация такого стратегического ориентира оправдана. Президентский указ заполняет, до некоторой степени, тот вакуум, который в предшествующее время образовался в идеологических основах государственного управления образованием и масштаб, а также риски которого, мы охарактеризовали в первой главе настоящей диссертации. Это всё очевидные и понятные вызовы извне и изнутри для нашего национально-государственного суверенитета. Указ демонстрирует готовность государства на эти вызовы отвечать по всем фронтам.

С этой точки зрения, может быть, как раз минимум конкретики в смысле данного понятия соответствует интересам государства. У чиновников, на федеральном уровне решающих общие вопросы государственного управления, расширяются возможности маневрирования мотивацией и аргументацией различных управленческих решений и действий.

Совсем другое дело, на наш взгляд, когда смыслом данного понятия должны руководствоваться исполнители управленческих решений на низовом уровне системы образования – работники школ и вузов. Им важно понимать, за

что с них спросит вышестоящее начальство и, соответственно, что и как они должны делать, чтобы не быть этим начальством обвинёнными в профессиональной некомпетентности и саботировании работы по созданию суверенной и уникальной системы образования.

Отсутствие конкретики в распоряжениях руководителей образования и законах, к которым такие распоряжения апеллируют, подготавливает два варианта развития событий. Оба варианта, заметим, чреватые рисками для успеха планируемых новых образовательных реформ. В одном варианте велика вероятность того, что непонимание педагогами (а вместе с ними учениками и их родителями) того, какого именно участия в формировании какой именно политической и культурной идентичности добиваются от них государственные управляющие структуры, приведёт к снижению их, исполнителей, творческой активности. Действительно, зачем разумному человеку (среди работников образования таких большинство) тратить силы и время на выполнение ответственной работы, смысл которой ему не очень понятен. Тем более, что нет никаких гарантий со стороны руководства, что попытка школьного или вузовского работника действовать на свой страх и риск в толковании смысла и в формировании у себя самого и своих учеников некоей «устойчивой идентичности» будет одобрена. Есть вероятность того, что у руководства сложится собственное представление о той идентичности, которая необходима государству и обществу, а также о признаках её устойчивости. И тогда школьный учитель или вузовский преподаватель рискуют быть обвинёнными в нанесении ущерба интересам государства с вытекающими из такого обвинения мерами дисциплинарного взыскания. При таких обстоятельствах педработнику проще и безопаснее имитировать (путём составления обширных планов и отчётов, например) бурную работу по «формированию устойчивой идентичности», чем заниматься реальным делом.

Другой вариант менее вероятен, но вполне реалистичен. Возможно, что от безвыходности своего положения и под влиянием своих идеологических пристрастий и собственного жизненного опыта некоторая часть наиболее

смелых и активных педагогических работников начнёт создавать собственные версии идентичности государства и общества и внедрять их в сознание учащихся. Версии «устойчивой идентичности» неизбежно будут многочисленны. И все они больше или меньше будут конкурировать друг с другом за общественное и государственное признание, за статус «истины», наконец. Иначе, зачем создателю той или иной версии «устойчивой идентичности» было тратить силы и время на теоретические опыты, если из них не родилась истина в последней инстанции? Зачем нужно было трудиться, если добытую «истину» нельзя будет потом насаждать среди коллег и учеников? Это даже не риск, а прямой путь к росту конфликтности и в педагогическом сообществе страны, и во всей социально-политической системе вместо усиления её стабильности и защищенности от внешних и внутренних угроз. То есть, перспектива вырисовывается прямо противоположная той, ради затевается сегодня новый этап образовательных реформ.

Понятно, что разработчики Президентского Указа не случайно из всех возможных вариантов определения характеристик идентичности (например, консервативная, социалистическая и т.д.) выбрали вариант наиболее идеологически нейтральный – «устойчивая идентичность». Устойчивой может быть идентичность с любой идеологической окраской. Тем самым они избежали противоречия с конституционным запретом на существование в пространстве российской политики какой-либо государственной идеологии. Свою законотворческую проблему они тем самым решили. Тогда как для широкого круга субъектов образовательной политики, потенциальных участников строительства суверенной и уникальной системы российского образования, проблему только создали. Создали предпосылку для разброда и шатания в умах этих субъектов.

Не менее проблематично выглядит и вторая установка: **государство и общество должны избегать «социально-психологической и культурной зависимости от внешнего влияния»**. С разумностью и своевременностью акцента на этом правиле, который содержит анализируемый документ, трудно не

согласиться. Современный цивилизованный мир втянут в гибридную мировую войну. В ней информационные технологии и моральные аргументы являются действенными орудиями дискредитации противника и подавления его воли к сопротивлению. Естественно, что капитулировать перед применением этих орудий наша страна не должна. В противном случае, она, как сегодня модно говорить, перейдёт под внешнее управление.

Но, в то же время, как практически решить эту задачу избегания психологической и культурной зависимости? Сегодня в России достаточно много граждан, особенно молодых, для которых высокие образцы технологического прогресса, правовой защищённости, информационной открытости и бытового благополучия как были, так и остаются расположенными за пределами нашей страны. Для них все блага жизни «там», а все большие проблемы этой жизни только «здесь».

Они, в большинстве случаев, не идейные враги России. Они согласны с тем, что в современном мире Россия должна занимать достойное место. Но само понимание этого достоинства у них связано с теми ценностями (либеральная демократия, рыночная экономика, культурная и информационная открытость миру и удовлетворение возрастающего потребления материальных благ) которые прежде, по ходу либерально-демократических и рыночных реформ, насаждало в их головах само же наше государство. Государственная образовательная политика в минувшие три десятилетия была построена так (идеологические основания этой политики мы анализировали в первом параграфе настоящей диссертации – *К.А*), чтобы подрастающие поколения российских граждан не видели ни для себя, ни для страны иной перспективы, кроме как стать максимально открытыми влияниям внешнего («западного», в первую очередь) мира и максимально готовыми к копированию его культурных (в широком смысле) стандартов.

У этой проблемы есть ещё один аспект. Как гражданам России, включая педагогических работников и управленцев, преодолеть свою и всей образовательной системы зависимость от внешних влияний, когда наша страна

сегодня выступает инициатором создания нового многополярного мира? Мира, который будет основан не на единственной зависимости всех стран от влияния гегемона, а на их способности влиять друг на друга и пользоваться плодами этого взаимного влияния (взаимного культурного обогащения) себе во благо. Россия является сегодня участником и даже лидером многих политических, экономических и культурных интеграционных процессов, как в азиатской части постсоветского пространства, так и в восточном направлении, в целом. И Россия будет стремиться разнообразно влиять на своих партнёров по интеграции, на их мировосприятие, формировать их зависимость от собственных национально-государственных интересов. И партнёры России, в свою очередь, в отношении её будут стремиться делать то же самое. Китай, Индия, некоторые государства Латинской Америки и Южной Африки, подключающиеся в последнее время к этим интеграционным процессам, неизбежно будут стремиться всеми доступными способами и средствами продвигать в них свои собственные интересы и ресурсы влияния на партнёров. Для России они естественным образом становятся неустранимым источником внешних влияний, с которыми российскому обществу и властям так или иначе придётся считаться и как-то к ним адаптироваться. Просто игнорировать эти влияния, либо жёстко их блокировать политическими и правовыми средствами не удастся, в принципе. Причём, наверняка это будут и какие-то влияния, прямо конфликтующие с нашими национально-государственными интересами.

В этом контексте установка на принципиальное противодействие культурным влияниям извне, если воспринимать её как официальную идеологическую установку, не выглядит перспективной и практически осуществимой. По крайней мере, до той поры, пока в неё не будет внесено уточнение, что речь идёт не о противодействии внешним влияниям, как таковым, особенно влияниям России выгодным. А речь идёт только о противодействии влияниям, несущим в себе угрозу её национально-государственному суверенитету.

В практическом плане, разговор о преодолении зависимости от внешних влияний будет иметь смысл тогда, когда государству и обществу удастся согласовать между собой некую значимую цель своей борьбы за суверенную политику, в том числе культурную, и, в том числе, образовательную. Когда государству и гражданскому обществу удастся сформулировать для себя и предложить миру (как «коллективному Западу», так и «коллективному Востоку») какие-то ориентиры развития, превосходящие своей привлекательностью идеалы «общества потребления» и «открытого общества» (по К. Попперу и Дж. Соросу)¹⁶⁶. Желательно, при этом, чтобы цель, привлекала не только своей новизной, но и своей практической реализуемостью. Своей очевидной обеспеченностью человеческим капиталом, передовыми технологиями и достойным уровнем жизни граждан. В противном случае, велик риск того, что большинство российских граждан согласится с тем, что очень плохо жить под иностранным психологическим и культурным давлением. Но сопротивляться этому давлению граждане не будут по той причине, что будут продолжать считать такое сопротивление лишённым практической пользы для себя и для всей страны, в целом.

Пока такая цель не сформулирована, противодействие внешнему влиянию будет оставаться нереализованным намерением. Идея «суверенной политики», «суверенной экономики» и «суверенного образования», обладает несомненной привлекательностью¹⁶⁷. Но, привлекательна она, главным образом, для участников внутренней российской политики. А суверенитет требует международного признания.

¹⁶⁶ Поппер К. Открытое общество и его враги / URL: <https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/filosofiya/322305-karl-popper-otkrytoe-obshhestvo-i-ego-vragi.html> (дата обращения 04.08. 2022); Сорос Дж. Советская система: к открытому обществу / URL: <https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/politika/250616-dzhordzh-soros-sovetskaya-sistema-k-otkrytomu-obshhestvu.html> (дата обращения 07.08.2022).

¹⁶⁷ Двинский К. «У России остался последний шанс». Белоусов выступил против системных либералов / URL: https://dzen.ru/a/ZUj8auL0CB6pV_Xc?referrer_clid=3000&from_site=mail (дата обращения 08.11.2023).

В решении задачи противодействия влияниям извне есть ещё один нюанс. Может быть, с политико-управленческой точки зрения, самый важный и имеющий непосредственное отношение к тому, как сложится в будущем судьба отечественной системы образования и насколько эта система реально станет суверенной. По ходу планируемых реформ российским властям придётся решать проблему участия в коммуникациях между государством и гражданами на тему глобальных и российских культурных тенденций, традиционных и нетрадиционных ценностей, образовательной политики государства довольно большого отряда либерально (притом, радикально либерально) настроенных своих же представителей. Это управленцы, которые привыкли считать любые внешние влияния необходимым ресурсом прогрессирования отечественной системы образования. И им, в принципе, трудно себе представить в новой политической обстановке, где и какие влияния нужно сохранить, а от каких следует избавиться. Представляется симптоматичным, в этом смысле, то, как задачу по созданию в России «суверенной» (то есть избавленной от враждебных государству и обществу влияний извне) системы образования сформулировал министр С. Кравцов в лекции, прочитанной им 25 января 2023 года в Московском государственном областном педагогическом университете будущим работникам этой суверенной средней и высшей школы. Фактически, всё содержание этой новой стратегической задачи он свёл к двум организационно-техническим мероприятиям: создание единого образовательного пространства путём очередного усовершенствования единых образовательных программ и создание единого воспитательного пространства путём создания общих воспитательных программ. Министр не обошёл вниманием ключевой вопрос о тех ценностях, которые должны придать этим управленческим мерам смысл суверенной государственной образовательной политики. Он обратился к слушателям с риторическим вопросом: «Традиционные ценности. Сегодня Россия отстаивает традиционные ценности. А какие традиционные ценности? В чем смысл

традиционных ценностей?»¹⁶⁸. Но по ходу лекции своего ответа на этот вопрос слушателям министр не предложил. Таким образом, он оставил в неведении относительно позиции руководства в этом стратегическом вопросе не только студентов, а ещё и весь аппарат управления российским средним и высшим образованием в российских регионах.

Будущее российского образования и представленность в нём государственных интересов зависит также от способности нынешних субъектов образовательной политики преодолеть **второе препятствие** на пути к её новому суверенному качеству. Таковым, на наш взгляд, является отсутствие в их рядах согласия по поводу того, что должны представлять собой, в идеале, образованность молодого человека. То есть, его обученность различным наукам и прикладным навыкам, а также его воспитанность.

Для государственного управления, осуществляемого в условиях демократической политики, ситуация, в принципе, естественная. Но без её урегулирования невозможно осуществить какие-либо реформы по заранее согласованному между элитами и обществом плану. Потому что план подразумевает привязку всех его позиций к какому-то конкретному и осязаемому результату. А результатом, раз речь идёт о планировании перемен в системе образования, должна быть как раз та образованность нового поколения граждан, которая в равной мере удовлетворяла бы запросам и государства, и общества.

В этом случае, государственным управленцам (раз они, как и в предшествующее время, выступают инициаторами новых образовательных реформ) предстоит решить две взаимосвязанные задачи. Во-первых, самим определиться с тем, какая будущая образованность молодёжи нужна Российскому государству для успешного реагирования на проблемы и вызовы внутренней и внешней политики, а также для решения экономических задач. Во-

¹⁶⁸ Лекция Министра просвещения Российской Федерации Сергея Кравцова «О развитии суверенной национальной системы образования» / URL: <https://edu.gov.ru/press/6476/lekcija-ministra-prosvescheniya-rossiyskoy-federacii-sergeya-kravcova-o-razvitii-suverennoy-nacionalnoy-sistemy-obrazovaniya/> (дата обращения 10.10.2023).

вторых, убедить российское общество в том, что в предлагаемом элитой стандарте будущей образованности молодых граждан оно заинтересовано не меньше, а даже больше самой элиты. Что эта образованность, иначе говоря, максимально отвечает представлениям большинства граждан о том, что должно составить основу комфортной и безопасной жизни их потомков.

Решение этих двух задач, заметим, дополнительно усложняет тенденция, которую мы бы назвали «IT-эйфорией». Она последние лет десять активно распространяется и в обществах, и в элитах. Она обнаруживает себя в коммуникациях граждан и ученых, занятых разработкой соответствующих технологий, а также чиновников, продвигающих эти технологии в сферу своих компетенций. Прежде (в нашей стране, это послевоенный период в функционировании советской системы образования) не мог считаться образованным человек, не владеющий национальным языком, не знающий достижений национальной культуры, не способный аргументировано доказать их ценность тем, кто в этой ценности сомневается. Он не мог бы никого убедить в своей образованности даже в том случае, если он прекрасно освоил самые передовые цифровые технологии. Поэтому во второй половине XX века в нашей стране востребованными государством были «физики», обладатели знаний и навыков в сфере естественных и точных наук, инженерных компетенций. Но наибольшим общественным признанием пользовались те из них, кто мог в то же самое время проявить себя, например, на ниве поэзии, живописи, песенного творчества. Теперь, по следам массового вовлечения молодых людей в пользование различными цифровыми технологиями, не может считаться образованным человек (даже если он прекрасно владеет национальным языком, освоил и готов отстаивать и приумножать достижения национальной культуры и т.д.), если он глубоко не освоил цифровые технологии и не использует их по максимуму для организации своей жизни и деятельности. Потому, что цифровые технологии стали олицетворять собой не просто прогресс в человеческих возможностях, стали не просто символом комфортной и успешной жизни

человека. Они, как нам видится, для многих людей стали содержанием жизни, маркером её смысла.

Результат тот, что уже сегодня на вопрос, какого именно человека считать вполне образованным (того, который овладел по максимуму культурным богатством своего общества, или того, кто может за пять минут найти в сетях любую информацию, неважно какого качества) ответ сформулировать довольно сложно. Сложно и чиновникам, которым нужно верно определить то направление, по которому государство будет осуществлять свои инвестиции, которое оно будет всячески поддерживать. Сложно и тем гражданам, которые чиновников критикуют за увлечение тотальной цифровизацией. Потому как граждане, что естественно, за всестороннее развитие своих детей и внуков, чтобы новые поколения по культурному уровню были не хуже прежних, но они не могут поспорить с тем, что многие тренды в развитии современной культуры задают уже именно цифровые технологии. И чиновники, и рядовые граждане осознают, кто больше, кто меньше, что политика цифровизации России сопряжена с неизбежными рисками в будущем. В том числе, с рисками для развития отечественной системы образования. Только одни субъекты образовательной политики видят главный риск в том, что велика вероятность оторвать отечественное образование от его исторических корней, его традиций и опыта. Оно, после этого, перестанет выполнять такую важную суверенному государству и гражданскому обществу функцию, как формирование политически лояльных и готовых к активному участию в разнообразных социальных практиках молодых граждан. Другие же наибольшей угрозой общественным и государственным интересам считают возможность отставания отечественного образования по уровню его цифровизации от наших геополитических конкурентов – стран так называемого «коллективного Запада». Какой из двух упомянутых рисков более значим, представляет, в перспективе, большую угрозу государственному суверенитету, в условиях «ИТ-эйфории», охватившей современный мир, решить действительно трудно. Простой компромисс, попытка приспособить будущую систему образования к

реагированию разом на тот и другой риски, тоже выглядит проблематично на фоне той борьбы за политическое и культурное лидерство в мире, которая сегодня разворачивается между наиболее сильными государствами.

Но, если задача не имеет корректного решения, то надо менять её исходное условие. В данном случае, это может быть изменение в том общем подходе и формулировках доказательства необходимости тотальной цифровизации России, которые чиновники, определяющие перспективу отечественной системы образования, используют в публичной коммуникации с педагогами, родителями и учащимися. По сути, это изменение в способе презентации государством обществу своего интереса к достижению по ходу реформирования образовательных учреждений определённого качества образованности их выпускников. Речь идёт о том, чтобы чиновники-реформаторы нашли бы такие аргументы, которые бы убедили педагогическое сообщество страны и большинство заинтересованных граждан в том, что будущие образованность и воспитанность выпускников учебных заведений, за которые они ратуют, воплощают в себе интересы общества даже больше, чем интересы самого государства. Потому, что это интересы национальные.

Иначе говоря, чтобы интересы государства оставались бы интересами государства, но, одновременно, массовым сознанием определялись бы, прежде всего, как общественные интересы. Тогда грядущие образовательные реформы смогли бы, фактически и по максимуму, содействовать реализации суверенных государственных интересов. Но выглядели бы они, при этом, как серьёзная уступка со стороны государства именно общественному запросу на «образованность» и «воспитанность», как согласие государства принести некоторые собственные интересы в жертву общему благу.

Нам представляется, что использование такой политической технологии, если оно состоится, не будет обманом общества со стороны государства. Общество и государство как были при своих интересах, так и останутся. Но так будет ликвидирована почва для противопоставления этих интересов, для взаимных подозрений субъектов образовательной политики, что одни из них

намеренно действуют во вред другим. Иначе, по нашему мнению, будущие реформы, какими бы замечательными не были их «суверенные» проекты, повторят судьбу предшествующих постсоветских образовательных реформ: обществом не будут поняты и приняты, а делу государственного управления образованием принесут больше проблем, чем выгод.

Надо заметить, в порядке отступления, что на предшествующем этапе реформ это препятствие, в виде несогласованности общественных и государственных представлений об образованности и воспитанности, тоже существовало. Но в Болонской системе это противоречие не было актуально в той мере, в какой оно стало актуальным сегодня в свете планов придать российской образовательной системе новое «суверенное» состояние. В Болонской системе и государственный, и общественный интерес отодвигались на второй план. Их наличие как бы подразумевалось составителями государственных и ведомственных нормативных актов. Но в этих актах все базовые формулировки задач и принципов, на основе которых упомянутая система до настоящего времени функционирует, во главу угла ставили личный интерес учащегося к приобретению в стенах учебного заведения выгодных, по карьерным соображениям, именно ему знаний и навыков.

Мы сознаём, что наше предложение применить такую пропагандистскую технологию для актуализации государственных интересов в будущих образовательных реформах является дискуссионным. Поэтому в защиту своей позиции приведём ещё один аргумент. Наше знакомство с опытом советских образовательных реформ¹⁶⁹, состоявшееся по ходу работы над диссертацией,

¹⁶⁹ Квитко С.В. «Будем бороться за промфинплан...»: идеологическая направленность реформирования школьного образования в СССР в 1920-1930-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2004. №3. С.144-153. / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/budem-borotsya-za-promfinplan-ideologicheskaya-napravlennost-reformirovaniya-shkolnogo-obrazovaniya-v-sssr-v-1920-1930-e-gg/viewer> (дата обращения 01.11.2022); Карпова Г. Ф. О становлении отечественной педагогики на марксистской основе // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки 2006 С.87-90 / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-stanovlenii-otechestvennoy-pedagogiki-na-marksistskoy-osnove/viewer> (дата обращения 01.11.2022); Конохова А.С. «Об укреплении связи высшей школы с жизнью» (реформа системы высшего образования СССР в 1958 г.) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. С.126-134. / URL:

убедило нас в том, что стратегия этих реформ предусматривала именно такую технологию «перемаркировки» принадлежности интересов. С первых лет своего существования Советское государство всеми доступными средствами убеждало педагогов, учащихся, их родителей, что школа и вуз готовят в своих стенах будущих строителей коммунизма. А в том, чтобы будущие поколения граждан смогли бы жить при коммунизме, советское общество заинтересовано даже больше, чем Советское государство. Получалось так, что инициатором и главным выгодополучателем проекта построения социализма и коммунизма в СССР был партийный и государственный аппарат управления, но в глазах советских граждан он презентовал себя в качестве главного и, что особенно важно, **компетентного** радетеля именно общественного интереса к светлому будущему советской страны. Показательна, в этом смысле, формулировка из постановления Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР от 14 августа 1930 г.: « ... для успешного социалистического строительства необходимо в кратчайший срок изжить культурную и техническую отсталость широких масс трудящихся (выделено нами – *К.А.*), а эта задача не может быть разрешена без введения всеобщего начального обязательного обучения»¹⁷⁰.

По нашему мнению, применение упомянутой технологии могло бы стать одним из направлений того **возврата нынешнего российского образования ко всему тому лучшему, что было в нём прежде** (в том числе, в советский период), о необходимости которого сегодня в России часто публично упоминают официальные лица, отвечающие за образовательную политику.

<https://cyberleninka.ru/article/n/ob-ukreplenii-svyazi-vysshey-shkoly-s-zhiznyu-reforma-sistemy-vysshego-obrazovaniya-sssr-v-1958-g> (дата обращения 03.12.22); Славко Т.И. Принципы формирования советской системы высшего образования и социальные последствия её функционирования в 1920-е – начале 1930-х гг. / URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/58448/1/978-5-7996-2273-2_46.pdf (дата обращения 03.12.22).

¹⁷⁰ Ракунов В. А. Государственная политика в сфере школьного образования в 1920–30-х годах. № 0421100131\0005. Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение» / URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/1/Rakunov_Formal_Education/ (дата обращения 10.10.2022).

Почему эта аргументация недостаточно убедительна, а картины «цифрового будущего» отечественной системы образования провоцируют общественную критику? По нашему мнению, чтобы ответить на этот вопрос, достаточно посмотреть, каково содержание аргументов.

В управленческой элите сегодня доминирует мнение, это что в XXI веке уровень образованности человека будут определять не столько объём и качество его научных знаний, сколько его навыки использования цифровых технологий. Образованность современного человека есть там, где есть «устойчивая основа в виде *базовой читательской и математической грамотности*» (выделено курсивом составителями документа – К.А.)¹⁷¹ Именно на такой стандарт образованности, считают его сторонники, государству имеет смысл ориентироваться в своих управленческих интересах и действиях, если одно не хочет отстать от «глобальных трендов». Потому что традиционные для отечественного образования подходы к обучению и воспитанию, подразумевающие обязательное усвоение учащимися широкого спектра достижений отечественной и зарубежной культуры, необратимо устарели и, по логике критиков таких подходов, только мешают прогрессу российской системы образования. Гарантировать последней в будущем прорыв в новое качество, считают они, может только её тотальная «цифровизация». То есть, соответствующая реорганизация как учебного и воспитательного процессов в стенах учебных заведений, так и механизма государственного управления работой школ и вузов. В последние годы наиболее активно эту «цифровую» стратегию перемен в российском образовании сегодня лоббируют глава Сбербанка Г. Греф (его инициативы и прогнозы мы уже анализировали в предшествующих разделах диссертации – К.А.) и руководитель Минцифры Максют Шадаев. Последний, например, в мае 2021 г. на расширенном заседании комитета Госдумы по информационной политике, информационным технологиям и связи, на котором обсуждались результаты введения в российских

¹⁷¹ О проекте «Образование 2030» / URL: <https://fioco.ru/Contents/Item/Display/2201455> (дата обращения 19.09.2023).

средних школах уроков цифровой грамотности, ответил на критику сомневающих в пользе тотальной цифровизации образования очень категорично: «Вне Интернета ребенок изолирован от сверстников, он лишается возможности социализироваться в привычной среде. Интернет – это доступ к онлайн-образованию»¹⁷².

Оппоненты же напомнили министру, что годом ранее в недрах его ведомства был подготовлен приказ за номером шестьсот¹⁷³. Этим официальным документом были утверждены базовые методики, при помощи которых государственные органы, надзирающие за качеством работы образовательных учреждений, могли бы контролировать достигнутый педагогами и учащимися, как сказано в тексте, уровень «цифровой зрелости» в решении учебных, воспитательных и научных задач. И эти методики ориентируют чиновников на использование исключительно количественных критериев для определения передовиков и аутсайдеров в «цифровом созревании». Методики включают в себя целевые показатели, которые должны быть достигнуты отечественным образованием к 2023 г. Так, к установленному времени, цифровой профиль должен быть у 100% школьников, а 80% из них должны быть «предложены возможности» повышения качества образования за счёт формирования индивидуальных образовательных траекторий. В учебном процессе в школе не менее 70% должны составлять задания, проверяемые при помощи соответствующих компьютерных программ. Охват же цифровизацией профессиональной деятельности школьных педагогов в перспективе должен быть доведён до 100%. В вузах последний показатель должен составить к 2030 г. не менее 80%.

¹⁷² Чернышёв Е. Министр цифрового развития: Денег на школы нет, поэтому проводится цифровизация / URL: <https://www.nakanune.ru/news/2021/05/28/22602993/> (дата обращения 07.04. 2023).

¹⁷³ Приказ от 18 ноября 2020 г. № 600 «Об утверждении методик расчета целевых показателей национальной цели развития Российской Федерации «Цифровая трансформация»» / URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-mintsifry-rossii-ot-18112020-n-600-ob-utverzhenii/> (дата обращения 07.04.2023).

Такие высокие показатели и административный оптимизм, с которыми они декларируются публично, не могут не вызывать вопросов по поводу своей реалистичности у тех, кто работает в школах и вузах, либо учит там детей. Повод к сомнению подаёт то, что государственный интерес, как его презентуют гражданам в публичных выступлениях сторонники тотальной цифровизации, заключается в максимальных затратах на неё и максимальном охвате ею разных государственных и общественных практик, а не в каком-либо конкретном и полезном государству и обществу результате, который можно было бы измерить количественно, а лучше качественно. Если в СМИ время от времени проскальзывает информация об ожидаемой прибыли от цифровизации, то, в основном, речь идёт о сокращении накладных расходов от оптимизации логистики в сфере производства, торговли и финансов. При обосновании необходимости цифровизации сферы услуг выгода измеряется уже чаще не в рублях и процентах, а в «возможностях быстрого доступа» граждан к государственным услугам, в «оптимизации документооборота» и снижении «коррупционных рисков». Когда же дело доходит до обоснования выгод, которое от тотальной цифровизации могла бы получить сфера образования, то место разговоров о потенциальных выгодах занимают разговоры о потенциальных «удобствах» для педагогов, учащихся и их родителей. А они, как мы показали выше, не всегда, работая с конкретными цифровыми продуктами, согласны считать «удобством» то, что таковым представляется чиновникам. Вопрос о соответствии «мировому уровню» качества внедряемых технологий, заметим, никто из чиновников не ставит и даже не пытается обсуждать. Что проблему с качеством цифровых технологий надо решать прежде, чем ими будут охвачено большинство российских школ и вузов, наглядно свидетельствует негативная реакция родителей в сетевых сообществах на внедрения в общеобразовательных учебных заведениях цифровой платформы ФГИС «Моя школа». Приведём характерное высказывание одной из родительниц: «Три часа регистрировали ребенка! ТРИ! В «Библиотеке» не смог найти ничего достойного по своему предмету! Составить тест, там, это просто мучение, то виснет, то

пропадет все - просто трата время (сохранена орфография автора – *К.А.*)! ПД (персональные данные – *К.А.*) никто не гарантирует безопасность! Очередная «игрушка» для чиновников и большая беда для исполнителей! Чтоб, сидя в кабинете, чиновник, мог своим перстом указывать на ошибки и «красивыми словами» петь дифирамбы себе, какие они «молодцы!»¹⁷⁴.

Такая реакция не является частным случаем¹⁷⁵. Трудно ожидать однозначно позитивной реакции педагогов и родителей на перспективу, обрисованную в, например, в проекте «Образование 2030». Этот отечественный проект развивает, заметим, положения, содержащиеся в документе ООН «Цели устойчивого развития», который является одним из политических манифестов современного глобализма и своеобразным «приговором» суверенным интересам современных национальных государств. «Выпускникам 2030 года - обещают авторы этого прогноза, призванного поднять градус оптимизма у всех, кого заботит будущее российских школ и вузов - **предстоит осваивать профессии, которых пока не существует, технологии, которые еще не изобретены, решать проблемы, которые сейчас невозможно предугадать**». Эту мысль можно сформулировать иначе: развитие российского образования, в части достижения необходимого уровня образованности учащихся, пойдёт туда, не знаю куда, и так, не знаю как! Это при том, что экономика России в минувшие несколько лет столкнулась с растущим дефицитом квалифицированных работников как в сфере управления, так и, особенно, в сфере производства. С дефицитом, который в реальном секторе экономики является, по оценке экономических аналитиков, самым сильным за последние 25 лет¹⁷⁶.

¹⁷⁴ Чиновники и цифровизаторы в очередной раз не спросили ни мнения родителей, ни мнения учителей / URL: https://dzen.ru/a/ZG24BP4qyks8hAK?from_site=mail (дата обращения 30.05.2023).

¹⁷⁵ Назаров В.Л., Жердев Д.В., Авербух Н.В. Шоковая цифровизация образования: восприятие участников образовательного процесса / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_45067129_11471841.pdf (дата обращения 03.10.2023).

¹⁷⁶ Дембинская Н. «Уже некого набирать». Россия столкнулась с новой проблемой / URL: <https://ria.ru/20230508/trudoustroystvo-1870029905.html?ysclid=lnk42ozdsv382062138> (дата обращения 10.10.2023); Козлов А., Гринкевич Д. Кадровый голод и локальная безработица: что ждет рынок труда в 2023 году. *Эксперты прогнозируют спрос на работников в промышленности и проблемы у служащих банков* / URL:

Естественно, что место оптимизма занимает тревога, когда педагог или родитель читают в официальном документе крайне категоричный прогноз, согласно которому государству необходимо: «...заставить образовательную программу эволюционировать, пусть даже революционными путями, в целях преодоления вызовов будущего»¹⁷⁷. То есть, имеет место призыв не просто двигаться в неизвестность, а ещё и двигаться туда революционными темпами!

Считаем необходимым сделать небольшое отступление. Создание в нашей стране в последние годы научно-образовательных центров, в которых учащиеся школ и студенты смогут слушать лекции известных специалистов в IT-области о передовых цифровых технологиях, созданных в России и за рубежом, это важный шаг к вовлечению в разработку этих технологий молодого поколения российских граждан и к повышению потребительских свойств этих технологий¹⁷⁸. Эти центры должны зримо указывать обществу, в каком направлении государство намерено действовать. Такого рода локальные меры наверняка будут содействовать росту количества и качества отечественной IT-продукции. Но одни только эти меры не способны решить проблему удовлетворения растущего спроса образовательных учреждений на качественную и удобную для использования в образовательном процессе IT-продукцию. Особенно, когда такой спрос искусственно подогревается сегодня чиновниками, устанавливающими для школ и вузов показатели цифровизации, заведомо превышающие как их возможности, так и их потребности в потреблении такой продукции. И такого рода акции не способны радикально переломить общественное сомнение в рациональности образа будущего отечественного образования, который рисуют чиновники.

<https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/01/18/959434-kadrovii-golod-i-lokalnaya-bezrobotitsa?ysclid=lnk6kd89x5655116371> (дата обращения 10.10.2023).

¹⁷⁷ О проекте «Образование 2030» / URL: <https://fioco.ru/Contents/Item/Display/2201455> (дата обращения 19.09.2023).

¹⁷⁸ Ларина А. Использование ИИ станет обязательным условием получения субсидий от государства / URL: <https://news.mail.ru/politics/58729723/?frommail=1> (дата обращения 22.11.2023).

Добавим к сказанному прежде, что в сознании педагогических работников идея ускоренной цифровизации системы образования рождает пессимистические прогнозы относительно их собственного будущего. Прогнозы эти, к сожалению, нередко подтверждаются практикой учебного процесса в школах и вузах. Наблюдается (по данным НИУ ВШЭ) тенденция к тому, что чем в учебном процессе задействовано цифровых технологий, тем выше становится трудовая нагрузка преподавателя, и тем реальнее для него риск, что его профессиональные знания и навыки станут менее востребованными¹⁷⁹.

С точки зрения управленцев, напротив, цифровизацию образования надо оценивать количественно, а не качественно. И следуют они в этом вопросе собственной логике. По признанию самого М. Шадаева¹⁸⁰, главное, почему в сфере образования показатели цифровизации установлены на ближайшие годы в количественных показателях и такими высокими, это банальная необходимость экономии бюджетных средств, выделяемых российским школам и вузам. Прежде всего, экономия за счёт создания технических условий для максимального перевода образовательного и воспитательного процессов в дистанционный формат.

Возможно, министр прав, и экономия государственных средств не помешает, особенно по условиям военного времени и в условиях политических и экономических санкций со стороны «коллективного Запада». Но публичные заявления об экономии средств, как главном мотиве реформаторской активности государства, делает актуальным для массового сознания вопрос: что это будет за новая «суверенная система образования», насколько она будет по своим «уникальным» качественным характеристикам превосходить зарубежные образцы, если на её создании государство предполагает экономить?

¹⁷⁹ Нагрузка учителей онлайн прирастать будет – только 16% преподавателей готовы продолжать работать в школе без подработок / URL: <https://ioe.hse.ru/news/606138911.html> (дата обращения 20.11.2023).

¹⁸⁰ Переход образования от традиционной школы к «цифре»: что будет с нашими детьми? / URL: <https://azbyka.ru/deti/perehod-obrazovaniya-ot-tradicionnoj-shkoly-na-cifru-cto-budet-s-nashimi-detmi> (дата обращения 07.06.2023).

Для рядовых граждан – родителей учащихся и просто болеющих душой за будущее страны – тоже есть, как и у педагогов, повод настороженно реагировать на апелляции чиновников к всеобщей цифровизации образования, как несомненному государственному интересу. Тем более, что у некоторых экспертов, задействованных в разработке и осуществлении политики цифровизации, к последней тоже есть большие вопросы¹⁸¹. Потому как никто из чиновников не берет на себя ответственность объяснить согражданам один принципиальный момент. А именно, объяснить, как требования чиновников к российской системе образования по максимуму цифровизироваться (унаследованные от «болонской» стратегии превращения образования в государственную и частную «услугу», а также в инструмент создания из послесоветского российского общества либерального «общества потребления» западного типа) согласуются со всё более отчётливым консервативно-патриотическим поворотом в политике Российского государства. Возможно, согласованность этих двух идеологических (либерально-глобалистских и консервативно-патриотических) основ образовательной политики существует. Возможно, есть аргументы, которые могли бы убедить работников образования и рядовых граждан, что они, активно содействуя цифровизации образовательной сферы, помогают своему государству дать достойный ответ на реальные внешние и внутренние угрозы его суверенитету. То есть, что они, содействуя цифровизации, выполняют свой долг лояльного гражданина. Но ведь никто таких аргументов сегодня не приводит.

Можно предположить, что работа над такого рода аргументами не ведётся сегодня потому, что проблема выбора дальнейшего пути развития российского образования не выделяется сегодня сознанием чиновников из общего ряда других проблем государственного управления. Действительно, в последние годы благодаря «цифровизации» решение многих из них реально ускорилось. По этой причине, для большого числа управленцев «цифровое»

¹⁸¹ Патронова В. О цифровом слабоумии и цифровом аутизме / URL: <https://azbyka.ru/deti/o-cifrovom-autizme-i-cifrovom-slaboumii> (дата обращения 07.06.2023).

будущее российского образования выглядит **проблемой больше технической, чем политической**. Отсюда происходит, на наш взгляд, та специфическая («IT-эйфорическая») презентация российскими чиновниками нашему обществу «цифровизации», как основы стратегии будущих образовательных реформ.

Справедливости ради нужно сказать, что нынешнее руководство отечественной высшей школой демонстрирует определённую осторожность в публичной презентации задач политики «цифровизации». Показательна, на наш взгляд, оговорка, которую во время проведения в Тюмени в октябре 2022 г. XV цифрового форума «Инфотех», своём интервью ТАСС сделал министр науки и высшего образования РФ В.Н. Фальков. Министр (оценивая перспективы реализации федерального проекта «Передовые инженерные школы»), заявил: «... сегодня цифровая культура **на разных уровнях**, но необходима абсолютно всем - не только айтишникам, но и историкам, биологам, юристам, специалистам в области международных отношений, кому угодно. Вопрос только в том, **какой уровень владения потребуется в той или иной профессии** (выделено нами К.А.)»¹⁸². Этот вопрос можно сформулировать иначе: каким в каждом конкретном случае должен быть баланс цифровых и не цифровых образовательных стратегий и технологий в образовательной сфере?

А с этим вопросом связан и другой вопрос, ещё более актуальный для общественного сознания: что государство в дальнейшем намерено делать с тем культурным багажом, который отечественная система образования унаследовала от предшествующих этапов своего развития, какой его частью оно намерено пожертвовать в угоду цифровизации? В заявлениях чиновников о необходимости взять и сохранить в новой системе образования всё лучшее, что

¹⁸² Фальков: трансформация образования позволит развить IT-инженерию и инженериию живых систем 19 октября 2022 / URL: <https://tass.ru/obschestvo/16095141> (дата обращения 02.11.2022).

было в российском образовании прежде никакого конкретного ответа на этот вопрос не содержит¹⁸³.

Нам представляется, что разработку стратегии новых реформ, призванных сделать отечественную систему образования суверенной, нужно начинать с поиска ответа на эти два вопроса, обозначенные нами выше. Какими бы замечательными ни были планы новых реформ, но отсутствие ответа на указанные вопросы всё равно будет повышать градус неверия граждан в их разумность и в соответствие их результата суверенным интересам государства и общества. Накапливающееся в рядах субъектов образовательной политики взаимное недоверие, как результат их предшествующего проблемного опыта решения образовательных проблем, является предпосылкой снижения результативности государственных управленческих решений, какими бы благотворными для отечественной системы образования они ни были. А консервативные тенденции в государственной политике, по мере их нарастания, только будут дополнительно стимулировать внимание граждан к судьбе традиционного основания отечественной системы образования и желание его защищать от реформаторов. И в этом заключён другой риск. Он в том, что активная властно-общественная и внутри общественная дискуссия о старом и новом в отечественном образовании (сосредоточенная, преимущественно, на вопросе: погубит ли «цифра» школу и вуз, или спасёт) помешает её участникам увидеть другие, помимо цифровизации, реальные вызовы суверенным интересам государства и общества по удержанию этой сферы под своим контролем.

¹⁸³ Бордовский Г.А. Что же было лучшим в советской системе образования? URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-zhe-bylo-luchshim-v-sovetskoj-sisteme-obrazovaniya/viewer> (дата обращения 08.01.2022).

Заключение

Исследование, проведённое нами, подтвердило, в целом, первоначальную гипотезу. У проблем послесоветской системы российского образования специфический (если сравнивать с XIX и XX столетиями) источник. Особенно в части, касающейся решения различных реформаторских задач. Имеет место затяжная неопределённость с теми идеологическими и экономическими интересами Российского государства, ради реализации которых оно активно инвестирует в образовательную сферу свои силы и средства и постоянно стимулирует реформаторские процессы в ней. Для этой длительной неопределённости есть, как мы выяснили в своём исследовании, свои причины. Одна причина – отсутствие в современном цивилизованном мире, частью которого Россия не перестаёт быть вопреки ожиданиям своих геополитических конкурентов, понимания того, куда и для чего этот мир движется. Какие, соответственно, знания и навыки, гражданские и профессиональные качества нужны новым поколениям граждан, которые будут в этом новом и непонятном мире жить. Другая и не менее весомая причина, это идейный конфликт внутри самой российской управленческой элиты, между её либеральным и консервативным отрядами. Он обнаруживает себя, в том числе, в тех разных, а, порой и противоположных ориентирах развития отечественной образовательной системы, которые ей задают своими высказываниями политики, чиновники, авторитетные специалисты и «лидеры общественного мнения» в социальных сетях. Он обнаруживает себя в тех определениях смысла функционирования российских общеобразовательных школ и вузов, которые дают различные законы и нормативные акты, регулирующие работу педагогов и учащихся. Педагогическому сообществу страны, заметим, в такой ситуации ничего не остаётся, кроме как формально участвовать в реализации государственной образовательной политики, а реально ожидать, кто и когда скажет, наконец, куда и для чего ведут школы и вузы бесконечные реформы образовательного процесса.

В своей работе мы неоднократно подчёркивали важность для настоящего и позитивного будущего российского образования, для сохранения за государством роли вдохновителя и организатора преобразований в нём, публичного и конкретного заявления со стороны государства о своих реальных интересах к исполнению этой роли. Мы также неоднократно обращали внимание читателя на политические риски, которые уже заявили о себе в нашей стране, либо могут возникнуть в дальнейшем в российских управленческих практиках, связанных с разработкой и реализацией государственной образовательной политики.

В завершение нашей диссертационной работы логично высказать своё мнение по поводу того, в чём, собственно, может состоять тот государственный интерес к участию в образовательной политике, необходимость внесения ясности в который мы доказывали на страницах диссертации теоретическими и фактическими аргументами.

Интерес этот может состоять, на наш взгляд, в изменении парадигмы образовательной политики. Речь идёт не только о приведении идеологии образовательной политики в соответствие с теми идейно-ценностными установками, на которые сегодня ориентированы другие направления внутренней и внешней политики нашего государства. Это важная задача, но её решение представляется всё же недостаточным для того, чтобы российская образовательная система начала зримо приобретать качество суверенности. Новое качество российского образования и порядка государственного управления им проявит себя тогда, по нашему мнению, когда государство проявит свою заинтересованность **в изменении масштаба, в котором общеобразовательная школа и вуз научают новое поколение российских граждан видеть политические и неполитические проблемы, участниками решения которых молодые люди неизбежно должны стать.**

Мы выделили в своём исследовании ту стратегическую линию, которая мешает решить все эти важные задачи. Это продвижение в учебный и воспитательный процессы глобалистского (можно сказать, «всемирно-

цивилизационного», либо «общечеловеческого») масштаба восприятия молодым человеком окружающей реальности и понимания им своего места в этой реальности. Такой масштаб, как мы постарались доказать в своей работе, чреват риском появления на сцене российской политики ещё одного поколения вполне образованных и воспитанных граждан, которые будут патриотами своего Отечества. Но, в силу привычки мерить все проблемы масштабами интересов «цивилизованного мира», «общечеловеческих ценностей» и «глобального устойчивого развития», не обязательно этим Отечеством будут считать Россию. Скорее, они именно Россию и не будут считать Отечеством. Потому как будут видеть в ней, в ориентации российской политики на традиционные политические и социальные ценности, источник угроз тому миру без культурных, идеологических, экономических и технологических границ, быть неотъемлемой частью которых их учили в школе и вузе в соответствии с требованиями нынешнего российского закона «Об образовании» и государственных образовательных стандартов. Задачам по отстаиванию своего политического, культурного, правового и экономико-технологического суверенитета, которые Российское государство решает сегодня и которые ему предстоит решать в обозримом будущем, соответствовал бы, на наш взгляд другой масштаб. Такой, который приучал бы молодого гражданина видеть политические, культурные, экономические проблемы уже не только и не столько как проблемы всего цивилизованного человечества. Проблемы, существующие как бы вне пространства и времени, вне культурных, государственных и континентальных границ, а потому касаются всех, и никого конкретно. Проблемы, за решение которых отвечают все жители Земли, но именно поэтому трудно найти того человека, элитарную, либо социальную группу, либо профессиональную корпорацию, которые были бы готовы взять на себя всю полноту ответственности за их решение.

Суверенным интересам Российского государства соответствовало бы, наверное, такое качество сознания выпускников российских общеобразовательных школ и высших учебных заведений, как желание и

способность видеть любую политическую и неполитическую проблему, а также оценивать её рискогенность исходя, прежде всего, из необходимости и возможности решать её (прежде, чем она будет решаться во всемирном масштабе) в конкретной стране – Российской Федерации – с применением конкретных ресурсов, технологий, накопленного управленческого и социального опыта. Педагогам будет легче, в этом случае, объяснить молодому гражданину, а тому будет легче понять, какой именно вклад внесла его страна в копилку достижений мировой цивилизации. А понимание конкретной меры этого вклада будет разумным оправданием его, молодого гражданина, гордости за своё Отечество и желания далее содействовать его благополучию, суверенитету и безопасности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Официальные документы

Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования». С изменениями и дополнениями от: 22 февраля, 30 марта, 26 апреля, 11 сентября, 4 октября 2018 г., 22 января, 29 марта 2019 г. Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 1642 /

<https://docs.edu.gov.ru/document/3a928e13b4d292f8f71513a2c02086a3/download/1337> (дата обращения 10.07.2021).

Закон РФ от 10.07.92 п 3266-I «Об образовании» / URL: <http://freeschool.education/wp-content/uploads/2020/04/1992-g.-fz-ob-obrazovanii.pdf> (дата обращения 10. 05. 2020).

Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации N 1756-р от 29 декабря 2001 г./ URL: <https://rostov-gorod.ru/upload/iblock/95d/8.pdf> (дата обращения 28.10.2019).

Национальная доктрина образования в Российской Федерации. Постановление Правительства РФ от 4 октября 2000 г. N 751 / URL: <https://gart62.npi-tu.ru/assets/files/123/1.%20Национальная%20доктрина%20образования%20Российской%20Федерации%20до%202025%20года.pdf> (дата обращения 22.01.2020).

Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р / URL: <http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (дата обращения 21. 01.2021).

Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 31 мая 2021 г. N 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» / URL: <https://irorb.ru/wp-content/uploads/2021/09/fgos-ooo-prikaz-minprosvescheniya-rossii-ot-31.05.2021--287.pdf> (дата обращения 27.07.2021).

Приказ Министерства просвещения РФ от 12 августа 2022г. №732 «О внесении изменений в федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования», утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 мая 2012 г. № 413, 13 сентября 2022 / URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405172211/> (дата обращения 20.09.2022).

Приказ от 18 ноября 2020 г. № 600 «Об утверждении методик расчета целевых показателей национальной цели развития Российской Федерации «Цифровая трансформация»» / URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-mintsifry-rossii-ot-18112020-n-600-ob-utverzhenii/> (дата обращения 07.04.2023).

Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года 8 декабря 2011. Распоряжение от 8 декабря 2011 года №2227-п / URL: <http://static.government.ru/media/files/4qRZEpm161xctpb156a3ibUMjILtn9oA.pdf> (дата обращения 12.10.2021).

Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Дата опубликования: 09.11.2022 / URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения 09.01.2023).

Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2023 № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» / URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305120005?index=1> (дата обращения 24.05.2023).

Указ Президента РСФСР от 11.07.1991 г. №1 «О первоочередных мерах по развитию образования в РСФСР» / URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18> (12.08.2020).

Указ Президента РФ от 25 января 2023г. №35 «О внесении изменений в основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014г. N808». 26 января 2023 / URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406130451/> (дата обращения 30.01.2023).

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования - бакалавриат по направлению подготовки 41.03.04 Политология. Утверждён приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 23 августа 2017 г. N 814. С изменениями и дополнениями от 26 ноября 2020 г. и 8 февраля 2021 г. / URL: <https://base.garant.ru/71768296/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения 05.03.2021).

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования - магистратура по направлению подготовки 41.04.04. Политология (уровень магистратура). Утверждён приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 13 июля 2017 г. N 654. С изменениями и дополнениями от 26 ноября 2020 г., 8 февраля 2021 г. / URL: <https://base.garant.ru/71740930/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения 05.03.2021).

Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. №489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» / URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (дата обращения 21.01.2021).

Публичные декларации государственных управленцев и политиков

«В университетах нам надо воспитывать самостоятельность». Министр науки и высшего образования России Валерий Фальков о креативном секторе и миссии университетов 16.09.2020 / URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4492728> (дата обращения 21.10.2022).

«За нами правда. За нами Россия»: обращение Владимира Путина 30 сентября 2022 года / <https://proza.ru/2022/10/02/306> (дата обращения 04.10.2022).

Бывший министр образования раскритиковал возможный отказ России от Болонской системы. 27 мая, 2022 / URL: <https://mel.fm/novosti/4561203-byvshy-ministr-obrazovaniya-raskritikoval-vozmozhny-otkaz-rossii-ot-bolonskoy-sistemy> (дата обращения 07.01.2023).

Владимир Путин: Несуразности в системе образования – дело рук креативного класса. Президент РФ Владимир Путин на сегодняшнем Российском литературном собрании заявил, что сложности в системе образования создают представители креативного класса, работающие в министерстве образования. 21 ноября 2013 / URL: <https://spbdnevnik.ru/news/2013-11-21/vladimir-putin--nesuraznosti-v-sisteme-obrazovaniya---delo-ruk-kreativnogo-klassa> (дата обращения 11.03.2023).

Владимир Путин: Россия создаст суверенную систему образования от школы до вуза. 02.03.2023 / URL: <https://rg.ru/2023/03/02/putin-rossiia-sozdast-suverennuiu-sistemu-obrazovaniia-ot-shkoly-do-vuza.html> (дата обращения 08.08.2022).

Встреча с учащимися вузов по случаю Дня российского студенчества / URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/70394 (дата обращения 04.03.2023).

Герман Греф о моделях образования, мягких навыках, своем плохом поведении, Борисе Акуnine и Хорошколе. 2 июля 2020 / URL: <https://novostivoronezha.ru/2020/07/02/179488> (дата обращения 10.01.2020).

Глава Минобрнауки назвал Болонскую систему образования «прожитым этапом». 24 мая 2022 / URL: <https://tass.ru/obschestvo/14716295> (дата обращения 28.05.2022).

Депутат Олег Смолин говорил в Госдуме про наблевшее: бедность учителя, кадровый кризис, дебиюрократизацию и финансирование образования / URL: https://dzen.ru/a/ZH2IGGnK8Sd7q3_f?from_site=mail (дата обращения 06.06.2023).

Дмитрий Медведев: модернизация осуществляется ради наших детей. 30 ноября 2010 / URL: <https://www.vesti.ru/article/2145397> (дата обращения 21.12.2022).

Константин Могилевский, заместитель министра науки и высшего образования Российской Федерации. Российское образование за рубежом: проблемы и перспективы / URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20230419/1866323533.html> (дата обращения 19.04.2023).

Лекция Министра просвещения Российской Федерации Сергея Кравцова «О развитии суверенной национальной системы образования» / URL: <https://edu.gov.ru/press/6476/lekcija-ministra-prosvescheniya-rossiyskoy-federacii->

[sergeya-kravcova-o-razvitii-suverennoy-nacionalnoy-sistemy-obrazovaniya/](#) (дата обращения 10.10.2023).

Лекция Министра просвещения Российской Федерации Сергея Кравцова «О развитии суверенной национальной системы образования». 25 января 2023 года / URL: http://уральские-каникулы.рф/files/upload/Lekciya_Sergeya_Kravcova.pdf (дата обращения 02.03.2023).

Ленин В.И. Задачи союзов молодежи. Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического союза молодежи 2 октября 1920 г. / Полное собрание сочинений. — 5-е изд. — М.: Политиздат, 1974. — Т. 41. Май — ноябрь 1920. — С. 298—318. / URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Задачи_союзов_молодёжи_\(Ленин\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Задачи_союзов_молодёжи_(Ленин)) (дата обращения 09.05.2019).

О развитии системы дополнительного образования детей. [Вступительное слово Дмитрия Медведева на совещании](#). 6 октября 2017 / URL: <http://government.ru/news/29550/#> (дата обращения 12.10. 2021).

Полный текст выступления Владимира Путина на заседании дискуссионного клуба «Валдай» 5 октября 2023: о чем говорил Президент России / URL: <https://www.kp.ru/daily/27564/4833298/?ysclid=loimrxf2wk435665369> (дата обращения 06.10.2023).

Путин призвал повысить уровень доходов «креативного класса». 12 декабря 2012 г. / URL: <https://www.forbes.ru/news/230817-putin-schitaet-kreativnym-klassom-vrachei-i-uchitelei> (дата обращения 05.03.2023).

Ректор МГУ заявил о снижении качества образования из-за Болонской системы. 09.04.2022 / URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6250b6239a7947735b2e9eea> (дата обращения 22.05.2022).

Ректоры назвали плюсы и минусы Болонской системы. 11 июня 2022 г. / URL: <https://www.rbc.ru/society/11/06/2022/62a35d379a79470fde3a5839> (дата обращения 15.06. 2022).

Сорос Дж. Советская система: к открытому обществу / URL: <https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/politika/250616-dzhordzh-soros-sovetskaya-sistema-k-otkrytomu-obshhestvu.html> (дата обращения 07.08.2022).

Фальков: трансформация образования позволит развить IT-инженерию и инженерию живых систем 19 октября 2022 / URL: <https://tass.ru/obschestvo/16095141> (дата обращения 02.11.2022).

Фурсенко: вместо «утечки мозгов» из РФ уместно говорить об «активной мобильности» ученых. 15.12. 2016 / URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/3877827> (дата обращения . 06.06.2023).

Диссертации

Алашкевич М.Ю. Управление результативностью государственных учреждений высшего образования на основе партнерских моделей. Специальность: 5.2.6. Менеджмент. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Москва, 2023. 144 с. / URL: https://mgimo.ru/upload/diss/2023/alashkevich-diss.pdf?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения 16.12.2021).

Булаев Н.И. Государственное управление развитием системы отечественного образования. Специальность: 13.00 08 - Теория и методика профессионального образования (педагогические науки). Диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук. Санкт-Петербург 2007. 390 с. / URL: <https://www.dissercat.com/content/gosudarstvennoe-upravlenie-razvitiem-sistemy-otechestvennogo-obrazovaniya> (дата обращения 01.05.2021).

Бурангулов Э.Р. Государственная политика в сфере высшего образования современной России: этапы и особенности. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Специальность: 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии. Уфа, 2019. 192 с. / URL: <https://www.dvfu.ru/upload/medialibrary/757/Бурангулов%20Э.Р.%20Дисс.%2013.06.19.pdf> (дата обращения 16.12.2021).

Гельмс А.В. реформы системы образования в российской федерации: концептуальный замысел, практическая реализация, общественное восприятие: 1992-1999 гг. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 / Московский педагогический государственный университет. Москва, 2012 / URL: <https://www.dissercat.com/content/reformy-sistemy-obrazovaniya-v-rossiiskoi-federatsii-kontseptualnyi-zamysel-prakticheskaya-r> (дата обращения 04.04.2020).

Зеленин А.А. Государственная молодежная политика Российской Федерации: концептуальные основы, стратегические приоритеты, эффективность региональных моделей / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук 23.00.02 - политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии (политические науки). Нижний Новгород, 2009. / URL: <https://www.dissercat.com/content/gosudarstvennaya-molodezhnaya-politika-rossiiskoi-federatsii-kontseptualnye-osnovy-strategic/read> (дата обращения 18.08.2019).

Князева О.А. Государственное управление в сфере образования Российской Федерации (90-е гг. XX века). Специальность: 07.00.02- Отечественная история. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва, 2007 30 с. / <https://cheloveknauka.com/v/200941/a/?#?page=30> (дата обращения 16.12.2021).

Кузьмин А.Е. Государственная политика в области образования в современной России: перспективы развития и методы разработки. Специальность: 23.00.02 - Политические институты, процессы и технологии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук.

Ярославль 2012. 221 с. / URL: <https://www.dissercat.com/content/gosudarstvennaya-politika-v-oblasti-obrazovaniya-v-sovremennoi-rossii-perspektivy-razvitiya> (дата обращения 16.12.2021).

Лаптева Н.В. Региональные особенности реализации государственной политики в сфере высшего образования в Российской Федерации. Специальность: 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки). Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Саратов, 2023. 223 с. / URL: https://www.sgu.ru/sites/default/files/dissertation/2023/04/14/dissertaciya_lapteva_n.v.pdf (дата обращения 20.03.2024).

Ложенко Н.О. [Инновационная модель национального исследовательского университета \(теоретико-методологический подход\)](#) / Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата социологических наук / Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2012 / URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01005043865?page=1&rotate=0&theme=white> (дата обращения 25.10.2021).

Луценко Н.О. Механизмы формирования и реализации государственной политики России в области высшего образования. Диссертация на соискание учёной степени кандидата политических наук. Специальность 23.00.02 - Политические институты, процессы и технологии. Москва, 2018. 149.с. / URL: <https://www.dissercat.com/content/mekhanizmy-formirovaniya-i-realizatsii-gosudarstvennoi-politiki-rossii-v-oblasti-vysshego> (дата обращения 16.12.2021).

Петровская О.В. [Ценности «креативного класса» в культуре постиндустриального общества.](#) Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук / Южный федеральный ун-т. Ростов-на-Дону, 2013 / URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01005543245?page=1&rotate=0&theme=white>; (дата обращения 11.07. 2022).

Реморенко И.М. Государственно-общественное регулирование образования: инновации и тенденции развития. Специальность: 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования Диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук Москва 2019. 515 с. / <file:///C:/Users/User/Downloads/диссертация%20Реморенко%20И.М..pdf> (дата обращения 02.05.2021).

Серикова И.Б. [Особенности становления коллективной идентичности креативного класса и его социальной миссии в России.](#) Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук / Южный федеральный ун-т. Ростов-на-Дону, 2015 /URL:<https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01006643999?page=1&rotate=0&theme=white>(дата обращения 11.07. 2022).

Соловьева Е.О. Государственная политика в сфере общего образования: модернизация и перспективы развития. Специальность: 23 00 02 - Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии. Диссертации на соискание ученой степени кандидата

социологических наук. Санкт-Петербург, 2009. 202 с. / URL: <https://www.dissercat.com/content/gosudarstvennaya-politika-v-sfere-obshchego-obrazovaniya-modernizatsiya-i-perspektivy-razvit/read> (дата обращения 16.12.2021).

Трибунских Н.И. [Исторический опыт становления и развития системы советского образования в 20-30-е гг. XX в. \(на материалах Ставрополя\)](#) / Автореферат дис. ... кандидата исторических наук / Сев.-Осет. гос. ун-т им. кл. Хетагурова. Владикавказ, 2015 / URL: <https://new-disser.ru/avtoreferats/01007967690.pdf> (дата обращения 24.11.2019).

Шакиров Р.В. [Системно-концептуальный анализ реформ общего среднего образования в России в XX веке.](#) Диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Казань, 1997 / URL: <https://www.dissercat.com/content/sistemno-kontseptualnyi-analiz-reform-obshchego-srednego-obrazovaniya-v-rossii-v-khkh-veke> (дата обращения 04.04.2020).

Научные и методические публикации

Академическая мобильность как средство повышения межкультурной коммуникативной компетентности и социального капитала личности студента Л. Г. Почебут, Е. Д. Степаняк // Психология человека в образовании, 2019, т. 1, № 2. С.126-136 / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/akademicheskaya-mobilnost-kak-sredstvo-povysheniya-mezhkulturnoy-kommunikativnoy-kompetentnosti-i-sotsialnogo-kapitala-lichnosti/viewer> (дата обращения 07.01.2023).

Аксёнов И.С. [Особенности соотношения понятий «народный суверенитет», «национальный суверенитет» и «государственный суверенитет»](#) // Синергия Наук. 2018. №22. С. 1042-1052 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32851134_90707986.pdf (дата обращения 04.08.2021).

Алексеев Р., Абрамов А. [Электоральный абсентеизм на президентских и парламентских выборах в России \(избирательные кампании с 1993 по 2018 г.\): причины, последствия, способы преодоления](#) // Постсоветский материк. 2018. № 4 (20). С. 43-57.

Алексеева Ю.А. [Индикаторы состояния рынка труда в Российской Федерации и их динамика](#) Экономика и управление: проблемы, решения. 2021. Т. 3. № 12 (120). С. 4-10 / URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47560535_65671517.pdf (дата обращения 17.06.2021).

Алиева Л. Р., Фомина Е. А. Организация исходящей академической мобильности в вузе: современная ситуация и направления развития // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2019. № 5 (74). С.119-127 / URL: <https://dspace.ncfu.ru/bitstream/20.500.12258/9327/1/119-127.pdf> (дата обращения 11.08.2020).

Антюхова Е.А. Акторные модели глобальной образовательной политики // ПОЛИС. Политические исследования. 2020. №3. С.158-168 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_42870150_31778695.pdf (дата обращения 26.03.2022).

Асмолов А.Г. Системно-деятельностный подход к разработке стандартов нового поколения / URL: <https://docs.google.com/viewer?a=v&pid=sites&srcid=ZGVmYXVsdGRvbWFpbnx mZ29zdGVvcmlhcHJha3Rpa2F8Z3g6NWM4NTI1MzdjNDMxMGRkNg> (дата обращения 10.05.2022).

Ашихина Е.О. Национальные интересы государства в расширении возможностей для получения качественного образования / В сборнике: Интеграция науки в условиях глобализации и цифровизации. Материалы XIII Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Ростов-на-Дону, 2021. С. 479-483 / URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46972199_23777902.pdf (дата обращения 05.04.2023).

Баранов А.С. Мигранты-студенты и студенты-мигранты: адаптация инокультурных студентов в российских вузах / Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2017. Т. 2. №2(30). С. 83-88 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29899221_83234536.pdf (дата обращения 10.02.2022).

Барышников С.О., Степанов А.Л. Как обучение подчинить задачам отрасли // Мир транспорта. 2017. Т. 15. №1(68). С. 224-230. С.227. / URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30067952_16656014.pdf (дата обращения 18.12.2022).

Белецкая А.А. От суверенитета государства к суверенитету народа: конституционно-правовой опыт стран Азии и России // Universum Humanitarium. 2020. №2. С. 108-118 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47606589_40776498.pdf (дата обращения 21.10.2023).

Белецкая А.А. От суверенитета государства к суверенитету народа: конституционно-правовой опыт стран Азии и России // Universum Humanitarium. 2020. №2. С. 108-118 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47606589_98572823.pdf (дата обращения 08.09.2023).

Бидова Б.Б. Концепция национальных интересов в современной теории государства и права // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. №1-4(103). С. 63-68 / <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-natsionalnyh-interesov-v-sovremennoy-teorii-gosudarstva-i-prava> (дата обращения 21.06.2022).

Бобков А.И. Образование без идеологии, или конец идеи университета // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. С. 178-181 / URL:.

https://elibrary.ru/download/elibrary_52497919_29746224.pdf (дата обращения 23.03.2024).

Бобыло А.М. [Образование как главный фактор в обеспечении национальных интересов государства](#) // [Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология](#). 2018. Т. 18. № 2. С. 217-224 / URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35203258_16539285.pdf (дата обращения 01.04.2023).

Богатырёв В.В. [Идеология образования - основа государственной безопасности](#) // [Вестник Владимирского юридического института](#). 2023. №1(66). С. 116-119 / URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_50390084_87186868.pdf (дата обращения 12.02.24).

Бордовский Г.А. Что же было лучшим в советской системе образования? URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-zhe-bylo-luchshim-v-sovetskoj-sisteme-obrazovaniya/viewer> (дата обращения 08.01.2022).

Борисенков В.П. Стратегия образовательных реформ в России (1985 - 2005 гг.). 6 ноября 2007г. / URL: https://portalus.ru/modules/shkola/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1194354228&archive=1194448667&start_from=&ucat=& (дата обращения 19.07.2019.).

Бузгалин А., Колганов А. [Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу?](#) // [Социологические исследования](#). 2019. №1. С. 18-28. / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_37151946_13307931.pdf (дата обращения 21.02.2022).

Булдаковский Е.С. [История идеологии образования: общность интересов государства и университетской науки](#) / В сборнике: Образование и социальная динамика. Сборник научных трудов VIII международной научно-теоретической конференции, посвященной памяти доктора философских наук, профессора Т.Н. Брысиной. Под редакцией М.П. Волкова. Ульяновск, 2022. С. 381-383 / URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54129483_50727364.pdf (дата обращения 13.11. 2023).

Варлен М.В. [Научно-образовательное пространство и суверенное будущее Российского государства](#) // [Актуальные проблемы российского права](#). 2023. Т. 18. №10(155). С. 87-94 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_54727087_56730019.pdf (дата обращения 21.01.2024).

Вилков А.А., Шестов Н.И., Абрамов А.В. Социальный запрос на будущее России в политических проектах и массовом сознании граждан // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т.26. №3. Научно-теоретический журнал. С.108-122.

Возчиков В.А. Оплот русской духовности, или почему создание эллино-греческой академии стало в России государевым делом// Историко-педагогический журнал. №1. 2011. С.58-66.

Гончаров С.З., Кленов Л.А. [Образование России нуждается в идеологии креативности](#) / В сборнике: Креативные основы гуманитарного образования. Сборник научных статей по материалам 10-й Всероссийской научно-практической конференции. Российский государственный профессионально-педагогический университет; Редколлегия: С. З. Гончаров (отв. ред.), Ю. П. Андреев, Е. В. Попова (отв. за вып.). 2013. С. 7-35 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26402015_59964120.pdf (дата обращения 14.12.2022).

Гукова А.В., Дорждеев А.В., Кизатова Н.А., Лосев А.Г., Лосева Н.В. [Модель формирования фонда оплаты труда профессорско-преподавательского состава вузов](#) // [Финансовая аналитика: проблемы и решения](#). 2015. №46(280). С. 2-11 / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-formirovaniya-fonda-opлаты-truda-professorsko-prepodavatelskogo-sostava-vuzov> (дата обращения 10.12.22).

Гусаров А.С. [Взаимодействие власти и общества при формировании государственной научно-технической политики РФ в современных условиях: системно-динамический подход](#) // [Общество: политика, экономика, право](#). 2023. №10(123). С. 25-30 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_54689512_15477731.pdf (дата обращения 23.03.2024).

Гуторов В.А. Политика и образование: историческая традиция и современные трансформации // ПОЛИС. Политические исследования. 2015. №1. С.9-29 / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskoe-obrazovanie-i-universitetskaya-traditsiya> (дата обращения 26.03.2022).

Давыдова Т.Е. [«Мягкая сила» образования в системе национальных экономических интересов современного государства](#) / В сборнике: Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы VIII Международной научной конференции. Донецк, 2023. С. 133-135 / URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54978727_88370644.pdf (дата обращения 01.04.2023).

Данилова Л.Н. [Подготовка реформирования общего образования // Школьные технологии](#). 2016. № 6. С. 38-43. / URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29257297_55444619.pdf (дата обращения 23.10.2020).

Девяткин С.В. [От общества потребления к «обществу впечатлений» \(динамика видов потребления\)](#) / В сборнике: Культурные индустрии в институтах общества потребления. Материалы Всероссийской научной конференции. Великий Новгород, 2020. С. 26-29. / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44251791_33605172.pdf (дата обращения 21.02.2022).

Демидов А.И. [Образовательная политика: между традицией и новацией](#) // [Вестник Поволжского института управления](#). 2016. №6(57). С. 86-95 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27666970_22416970.pdf (дата обращения 05.04.2023).

Долгая О.И. [Мировые тенденции в общем образовании: новая идеология образования и изменение психолого-педагогических подходов к обучению](#) // [Педагогический журнал Башкортостана](#). 2019. №6(85). С. 32-39 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_41807066_42385995.pdfhttps://elibrary.ru/download/elibrary_41807066_42385995.pdf (дата обращения 14.12.2022).

Дубинин Б.В. Первый: Борис Ельцин в общественном мнении России // [Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии](#). 2007. №4(90). С. 30 (28-38) / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pervyy-boris-eltsin-v-obschestvennom-mnenii-rossii> (дата обращения .19.03.2019).

Елисеева А.А. [Суверенитет как свойство публичной политической власти и роль таможенных органов в обеспечении экономического суверенитета Российской Федерации](#) // [Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии](#). 2010. №1(35). С. 71-78 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21291693_58154122.pdf (дата обращения 21.10.2023).

Еремина Д.С. [К вопросу о виртуальной академической мобильности преподавателей вузов](#) / В сборнике: Горизонты образования. Материалы II Международной научно-практической конференции. Отв. редактор Н.В. Чекалева. Омск, 2021. С. 173-174 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47260243_94928109.pdf (дата обращения 07.01.2023).

Жданько Т.А. Системно-деятельностный подход: сущностная характеристика и принципы реализации / <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemno-deyatelnostnyy-podhod-suschnostnaya-harakteristika-i-printsipy-realizatsii/viewer> (дата обращения 04.10.2022).

Жуков В.И. [Российский образовательный суверенитет: преодоление девиаций и формирование новой государственной политики \(историко-правовой анализ\)](#) // [Труды Института государства и права Российской академии наук](#). 2023. Т. 18. №4. С. 54-77 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_54616098_40382363.pdf (дата обращения 16.11.2023).

Заволокина Л.И., Попова Д.А. [Эффективная кадровая политика как основа обеспечения безопасности в области использования атомной энергии](#) // [Экономика и управление: проблемы, решения](#). 2019. Т. 7. С. 113-118 / URL: https://elibrary.ru/query_results.asp (дата обращения 12.12.2022).

Закусило А.С. Педагогические условия формирования академической мобильности школьников // [КАНТ](#) №1(38). Март 2021 / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-usloviya-formirovaniya-obrazovatelnoy-mobilnosti-shkolnikov/viewer> (дата обращения 11.02.2023).

Зыкина О.А. Восприятие общегражданских ценностей студентами Москвы и Кировской области // Вестник антропологии. 2021. № 4. С. 37-48 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47447346_11495187.pdf (дата обращения 08.07.2022).

Калмычкова Е.Н. Проблемы и перспективы развития образования в России. 2010. №6. С. 401-407 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20584985_67561166.pdf (дата обращения 08.07.2022).

Калугина З.И. От среднего класса - к креативному // ЭКО. 2007. №10(400). С. 93-105. С.94. https://elibrary.ru/download/elibrary_9585175_23477151.pdf (дата обращения 10.07.2022).

Карпова Г. Ф. О становлении отечественной педагогики на марксистской основе // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006 С.87-90 / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-stanovlenii-otechestvennoy-pedagogiki-na-marksistskoy-osnove/viewer> (дата обращения 01.11.2022).

Квитко С.В. «Будем бороться за промфинплан...»: идеологическая направленность реформирования школьного образования в СССР в 1920-1930-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2004. №3. С.144-153. / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/budem-borotsya-za-promfinplan-ideologicheskaya-napravlennost-reformirovaniya-shkolnogo-obrazovaniya-v-sssr-v-1920-1930-e-gg/viewer> (дата обращения 01.11.2022).

Ключарев Г.А., Трофимова И.Н. Гражданское образование: в интересах индивида, общества, государства // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. 2016. №1. С. 87-105 / URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36939079_57363107.pdf (дата обращения 01.04.2023).

Конохова А.С. «Об укреплении связи высшей школы с жизнью» (реформа системы высшего образования СССР в 1958 г.) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. С.126-134. / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-ukreplenii-svyazi-vysshey-shkoly-s-zhiznyu-reforma-sistemy-vysshego-obrazovaniya-sssr-v-1958-g> (дата обращения 03.12.22).

Концевич Г.Е., Сивак С.С. Особенности государственного управления в сфере образования в России / В сборнике: Университетские чтения - 2023. Материалы региональной межвузовской научно-практической конференции. Пятигорск, 2023. С. 146-152 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_64235389_63558022.pdf (дата обращения 16.11.2023).

Кошкина Е.А., Ядренникова С.В. Подходы к реформированию советской школы в условиях конфликта образовательных стратегий 20-х - 30-х гг. XX века // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2021. № 3 (193). С. 221-227.

URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25794723_45830209.pdf (дата обращения 20.12.2019).

Кубрак, А. И. Сущность и содержание понятия «экономические интересы государства» / А. И. Кубрак. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 21 (416). — С. 549-553. / URL: <https://moluch.ru/archive/416/92216/> (дата обращения: 09.02.2023).

Курбатова М.В. Реформа высшего образования как институциональный проект российской бюрократии: содержание и последствия // Мир России. 2016. № 4. С.59-86./ URL:

[https://www.hse.ru/data/2016/10/12/1108659881/mir%20rossii%20№4_%202016%20Усольцев А.П. Бюрократизм как индикатор системных противоречий системы образования // Образование и наука. 2018. Т.20. №3, С.9-32. / URL: file:///C:/Users/User/Downloads/byurokratizm-kak-indikator-sistemnyh-protivorechiy-sistemy-obrazovaniya.pdf](https://www.hse.ru/data/2016/10/12/1108659881/mir%20rossii%20№4_%202016%20Усольцев%20А.П.%20Бюрократизм%20как%20индикатор%20системных%20противоречий%20системы%20образования%20//%20Образование%20и%20наука.%202018.%20Т.20.%20№3,%20С.9-32.%20/%20URL:%20file:///C:/Users/User/Downloads/byurokratizm-kak-indikator-sistemnyh-protivorechiy-sistemy-obrazovaniya.pdf) (дата обращения 14.12.2019).20[Pages%2059%20-%2086].pdf (дата обращения 16.10.2019).

Курило А.И. [Эмоциональный интеллект и социально-психологическая адаптация в новом учебном коллективе](#) / В сборнике: Психологическое знание в контексте современности: теория и практика. Сборник научных статей по материалам XI Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Йошкар-Ола, 2021. С. 169-173. / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46674689_81784341.pdf (дата обращения 10.02.2022).

Куркова С.В. Демократизация образования в России: опыт США и возможности его использования в России / URL: <http://www.prof.msu.ru/publ/omsk2/o75.htm> (дата обращения 02.03.2023).

Кутейников А.Н., Огарева Е.И. [Ценностные ориентации студентов как фактор адаптации студентов к учебному процессу в вузе](#) // [Фундаментальные исследования](#). 2014. №8-4. С. 989-993 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21819771_96473061.pdf (дата обращения 10.02.2022).

Легостаев Н.С. [Ценностные ориентации студентов как фактор адаптации студентов к образовательной среде вуза](#) / В сборнике: Современное образование: качество образования и актуальные проблемы современной высшей школы. Материалы международной научно-методической конференции. 2019. С. 159-161 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_37791139_22213723.pdf (дата обращения 10.02.2022).

Лексин В.Н. [Синтез общества потребления и информационного общества](#) // [Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право](#). 2020. Т. 13.№2. С. 195-211. / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_43321789_44219338.pdf (дата обращения 21.02.2022).

Листвин А.А. [Среднее профессиональное образование: кризис реформ](#) // [Вестник Череповецкого государственного университета](#). 2019. № 3 (90). С. 169-

177. / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/srednee-professionalnoe-obrazovanie-krizis-reform> (23.10.2020).

Лихачёв С.В. [образование на защите интересов государства](#) / В сборнике: Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы III Международной научной конференции. Под общей редакцией С.В. Беспаловой. 2018. С. 22-25 / URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36505025_17199838.pdf (дата обращения 05.04.2023).

Макиров К. [Механизмы инновационного развития вузов России](#) // [МИР \(Модернизация. Инновации. Развитие\)](#). 2011. №6. С. 50-54 / URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17819578_78304421.pdf (дата обращения 18.10.2021).

Малиновский, С.С., Шибанова, Е.Ю. Доступность высшего образования в России: как превратить экспансию в равенство / С.С. Малиновский, Е.Ю. Шибанова; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. — М.: НИУ ВШЭ, 2022. 78 с. 100 экз. (Современная аналитика образования. № 7 (67)). / <https://ioe.hse.ru/pubs/share/direct/803809235.pdf> (дата обращения 02.03.2023).

Манюкова Е.В., Попова С.И. [Особенности социального конструирования гражданской идентичности учащихся в условиях поликультурного воспитания](#) // [Science for Education Today](#). 2020. Т. 10. № 2. С. 187-200 / URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_42772192_34764230.pdf (дата обращения 16.02.2022).

Минервин И.Г. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. — М.: Классика-XXI, 2011. — 430 с. С. 23. / URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/2013-01-039-florida-r-kreativnyy-klass-lyudi-kotorye-menyayut-budushee-m-klassika-xxi-2011-430-s.pdf> (дата обращения 21.07.2022).

Мифология креативного класса. С.Г. Галаганова. МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия / URL: <http://hmbul.ru/articles/186/186.pdf> (дата обращения 01.04.2022).

Михеева В.А. [Эволюция понятия «суверенитет» и проблемы суверенитета в современной мировой политике](#) / В сб: Высшее образование для XXI века: роль гуманитарного образования в контексте технологических и социокультурных изменений. XV Международная научная конференция. Доклады и материалы. В 2-х частях. Под общей редакцией И.М. Ильинского. 2019. С. 906-912 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_42629001_28952462.pdf (дата обращения 15.09.2023).

Молодежь: актуальные социальные практики: монография / Б.И. Бедный, Г.Л. Воронин, В.П. Козырьков [и др.]; Под науч. ред. Т.Э. Петровой. — Нижний Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2020. — 250 с. / URL: <http://www.fsn.unn.ru/wp-content/uploads/sites/5/Molodezh-2020.pdf> (дата обращения 03.10.2022).

Назаров В.Л., Жердев Д.В., Авербух Н.В. Шоковая цифровизация образования: восприятие участников образовательного процесса / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_45067129_11471841.pdf (дата обращения 03.10.2023).

Наточеева Н.Н., Белянчикова Т.В., Левашов Е.Н. Кредитование образовательных услуг в Российской Федерации и согласование интересов его участников // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 5. С. 63-66. / URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36457511> (дата обращения 12.11. 2021).

Нисневич Ю.А., Орлов И.Б. Попытка демократического прорыва: взлеты и падения Государственной Думы первого созыва (1993-1995 гг.) (к 30-летию Российской Федерации) Часть I // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 5 (69). С. 1318-1334.

Ожиганова, М. В. Образовательное право: учебное пособие / М. В. Ожиганова. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2021. 144 с. Режим доступа: <http://elar.rsvpu.ru/978-5-8050-0711-9>. Текст: электронный./ URL: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/36003/1/978-5-8050-0711-9_2021.pdf (дата обращения 01. 02.2022).

Осипов А.М. Рыночные механизмы – социальный тупик российского образования // Высшее образование в России. 2019. Т.28. №5. С.63-72 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_37622184_49318368.pdf (дата обращения 26.03.2022).

Осипова Н.Е. Академическая мобильность преподавателя вуза как актуальная проблема современного образования // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. 2008. №3-4(5-6). С. 57-60 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_13602695_48997018.pdf (дата обращения .07.01.2023).

Павловец В.И. «России нужны не биороботы, а «креативный средний класс»: о направлениях эффективного реформирования экономики и образования // Альманах современной науки и образования. 2013. №1(68). С. 102-105 / URL: <https://www.gramota.net/materials/1/2013/1/32.html> (дата обращения 18.06.2022).

Панасюк Е.А. Согласование интересов государства и общества в аспекте института образования / В сборнике: Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета. Под общей редакцией С.В. Беспаловой. Донецк, 2022. с. 288-291 / URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_50161664_51363198.pdf (дата обращения 14.11.2023).

Пашкус Н.А. Оценка экономической эффективности реформ в сфере образования и обоснование новой интегральной модели реформирования отрасли // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. №89. С. 290-297. / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_11722932_47490517.pdf (дата обращения 11.11. 2021).

Персидская А.Е. [Сопровождение адаптации школьника, пришедшего в ученический коллектив, как условие предупреждения конфликтов](#) / В сборнике: Конфликты в образовании. Материалы Всероссийской научно-практической заочной конференции. 2009. С. 90-95 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25763003_51919381.pdf (дата обращения 04.08.2021).

Позоян О.Г. [Образовательная политика России в конце XX - начале XXI века: сопряжение федеральных и региональных стратегий, интересов, приоритетов](#) // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2015. №12. С. 32-36 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25426861_48388650.pdf (дата обращения 10.03.2023).

Попов Н. «Лихие 90-е». Каким было общественное мнение в эпоху Ельцина. 28 ноября 2015 / URL: https://kapital-rus.ru/articles/article/obschestvennoe_mnenie_v_erohu_elcina/ (дата обращения 28.07.2019).

Поппер К. Открытое общество и его враги / URL: <https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/filosofiya/322305-karl-popper-otkrytoe-obshhestvo-i-ego-vragi.html> (дата обращения (04.08. 2022).

Правкина И.Н. [Оптимизация взаимодействия государства и гражданского общества как национальный стратегический интерес современного Российского государства](#) // Вестник Московского университета МВД России. 2022. №5. С. 213-216 / URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49803361_38587472.pdf (дата обращения 21.06.2022).

Ражова Н.А., Миронова М.Н. Развитие академической мобильности студентов // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 4 [Электронный ресурс] / URL: <https://web.snauka.ru/issues/2016/04/66364> (дата обращения: 07.04.2023).

Развитие академической мобильности студентов в России и за рубежом. Учебно-методическое пособие для студентов вузов / Шакирова А. А., Валеева Р. А. – Казань: КФУ, 2018. – 55 с. С.47-48 / URL: https://kpfu.ru/staff_files/F_240879859/posobie_Shakirova.pdf (дата обращения 07.01.2023).

Ракунов В. А. Государственная политика в сфере школьного образования в 1920–30-х годах. № 0421100131\0005. [Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение»](#) / URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/1/Rakunov_Formal_Education/ (дата обращения 10.10.2022).

Роблес-Каррильо М. [Суверенитет и цифровой суверенитет](#) / [Journal of Digital Technologies and Law](#). 2023. Т.1. №3. С. 673-690 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_54320909_79525277.pdf (дата обращения 07.09.2023).

Руденко В.А. [В интересах отрасли, на благо страны](#) // [Аккредитация в образовании](#). 2017. №8(100). С. 50-52 / URL:

https://elibrary.ru/download/elibrary_37174563_76204659.pdf (дата обращения 12.12.2022).

Садыханов Ш.М.С. Вопросы государственной региональной политики в области образования // Вестник экспертного совета. 2017. №3(10). С. 112-117 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32834258_81883218.pdf (дата обращения 10.03.2023).

Сафронов В.В., Бурмыкина О.Н., Корниенко А.В., Нечаева Н.А. Российская культура и отношение граждан к общественным преобразованиям // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 2. С. 133-165. / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17231841_20035684.pdf (дата обращения 11.12.2019).

Свадьбина Т.В., Немова О.А. Высшее образование как «социальный лифт»: оценка эффективности // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 2 (53). С. 111-118 / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vysshee-obrazovanie-kak-sotsialnyy-lift-otsenka-effektivnosti> (дата обращения 28.11.2022).

Селиверстова Н. И. Модификация государственного интереса // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – № 12 (декабрь). – 0,4 п. л. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/16262.htm> (дата обращения 11.07. 2021).

Симонова Т.А Компетентностный подход как фактор модернизации общего образования // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2017. №1. С. 119-123 / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompetentnostnyy-podhod-kak-faktor-modernizatsii-obschego-obrazovaniya> (дата обращения 21.05.2022).

Скворцов А.Ю. Генезис характеристики экономических интересов. / Вестник Костромского государственного университета. 2013. Т.19. №3. С.68-70. / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-harakteristiki-ekonomicheskikh-interesov> (дата обращения 07.02. 2021).

Скибицкий М.М. Глобализация и задачи обновления духовных ценностей российского общества // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2015. №1 (17). С. 14-15.

Славко Т.И. Принципы формирования советской системы высшего образования и социальные последствия её функционирования в 1920-е – начале 1930-х гг. / URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/58448/1/978-5-7996-2273-2_46.pdf (дата обращения 03.12.22).

Слепухин А.Ю., Костюченко Л.С. Болонский процесс: есть ли реальная альтернатива? // Вестник Саратовского государственного Технического университета. 2006. Т.2., №1(12). С166-174 / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolonskiy-protsess-est-li-realnaya-alternativa/viewer> (дата обращения 02.11.2022).

Слепцова И.Ф. Суверенитет и гуманитарная составляющая образования // Педагогическое образование и наука. 2023. №5. С. 7-12 / https://elibrary.ru/download/elibrary_59887334_43414590.pdf (дата обращения 21.01.2024).

Степанова Т.Д. [Креативный класс в период коронакризиса. Инновации и инвестиции](https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnyy-klass-v-period-koronakrizisa). 2021. №8. С. 26-30 / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnyy-klass-v-period-koronakrizisa> (дата обращения 15.07.2022).

Сукпарова К.С., Паламарчук Е.А. [Проблема обеспечения технологического суверенитета России в условиях западных санкций](https://elibrary.ru/download/elibrary_54185405_17933175.pdf) / В сборнике: Актуальные проблемы науки в исследованиях студентов, ученых, практиков. Сборник научных статей по результатам Международной научно-практической конференции. Ижевск, 2023. С. 1595-1601 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_54185405_17933175.pdf (дата обращения 23.03.2024).

Тамбовский О.М. [Опыт истории советской школы в свете необходимости создания национальной российской школы // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки](https://elibrary.ru/download/elibrary_25794723_43286874.pdf). 2015. №1(64). С. 338-340. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25794723_43286874.pdf (дата обращения .04.05.2019).

Ткач Г.Ф., Сенашенко В.С. Болонский процесс: обзор эволюции приоритетов и промежуточные итоги // Высшее образование в России • № 7, 2015. С.119-130 / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolonskiy-protsess-obzor-evolyutsii-prioritetov-i-promezhutochnye-itogi/viewer> (дата обращения 04.11.2022).

Туленкова Л.А. [Реализация ФГОС в формировании личностных универсальных учебных действий // Международный журнал экспериментального образования](https://elibrary.ru/download/elibrary_44181395_57553994.pdf). 2020. С. 30-34 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44181395_57553994.pdf (дата обращения 17.05.2022).

Туманова О. [Национальные интересы в современном демократическом государстве](https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23413978_17153146.pdf) / В сборнике: Общество и этнополитика. Материалы Второй Международной научно-практической Интернет-конференции. СибАГС; под редакцией Л. В. Савинова. 2009. С. 121-123. / URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23413978_17153146.pdf (дата обращения 21.06.2022).

Филимонова Н.В. [Тенденции развития молодёжного сегмента как креативного класса российского общества // Представительная власть - XXI век: законодательство, комментарии, проблемы](https://elibrary.ru/download/elibrary_21223587_69649941.pdf). 2013. №7-8(126-127). С. 64-67 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21223587_69649941.pdf (дата обращения 18.06.2022).

Флорида Р. «Креативная экономика и становление креативного класса». Глава из книги: [«Креативный класс. Люди, которые создают будущее»](https://www.marketing.spb.ru/lib-around/Creative_class.htm) / URL: https://www.marketing.spb.ru/lib-around/Creative_class.htm (дата обращения 21.07.2022).

Хабибуллина Г.З., Маклецов С.В. Основные проблемы развития академической мобильности студентов (Работа выполнена в рамках Государственного контракта №05.043.12.0013 от 23 мая 2014г.) / URL: https://kpfu.ru/staff_files/F1634316493/HM.pdf (дата обращения 11.08.2020).

Хриенко Т.В. Мироззренческие ценности молодежи Крыма (1991-2017 гг.): монография / Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – 356 с. С.51-52 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36768555_39279611.pdf (дата обращения 21.06.2020).

Худобородов А.Л., Заровнятных В.А. Реформа высшего образования в советском государстве в 20-е годы XX века // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2013. №4. С. 256-264. / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20290405_31646859.pdf (дата обращения 09.05.2019).

Чекулаев А.А. Модернизация высшего образования в России в контексте защиты национальных интересов государства / В сборнике: Инновации в обществе. Сборник статей. Орел, 2017. С. 72-75 / URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30089902_29302651.pdf (дата обращения 05.04.2023).

Червонный М.А., Власова А.А., Швалёва Т.В, Цвенгер Е.И. Академическая мобильность школьников как фактор развития современного школьного образования: модель социального сопровождения интеллектуально одаренных детей // «Одаренный ребенок» № 6 С. 22-27./ URL: <https://pandia.ru/text/79/075/9557.php> (дата обращения 18.03.2023).

Шабалина А.А. Основные направления социальной политики эпохи перестройки: перспективы и результаты // Вестник современных исследований. 2019. №1.6(28). С. 390-395. / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36945382_11416909.pdf (дата обращения 21.06.2020).

Шабашев В.А., Батиевская В.Б. Генезис и классификация понятия «Экономическая эффективность» / Экономика. 2014. №2(54). С. 185 (183-189) / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-i-klassifikatsiya-ponyatiya-ekonomicheskaya-effektivnost/viewer> (дата обращения 07.02.21).

Шашкова Я.Ю., Асеев С.Ю., Казанцев Д.А. Ценностные основы восприятия политики учащейся молодёжью Сибири и Дальнего Востока // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. №2(67). С. 39-50 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46458873_52420632.pdf (дата обращения 08.07.2022).

Шестов Н. И. Представления молодежи о будущем России: провинциальное измерение // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, Вып. 1. С. 108–113 / URL: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-108-113> (дата обращения 09.01.2023).

Шестопап С.С., Данилян Т.А. Суверенитет Российской Федерации: особенности национального суверенитета // Вопросы устойчивого развития общества. 2021. №12. С. 584-589/ URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47568930_30136239.pdf (дата обращения 21.10.2023).

Шишкин Ф.Т. Компетенция и компетентность как ключевые понятия компетентностного подхода в образовании // Наука и школа. 2008. №4. С. 5-7 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_15555813_55373208.pdf (дата обращения 10.05.2022).

Шкатулла В. И. Образовательное право: Учебник для вузов. — М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА—ИНФРА М), 2001. — 688 с. / URL: https://distant.msu.ru/pluginfile.php/26349/mod_resource/content/3/%5BSHkatulla_V.I.%5D_Obrazovatelnoe_pravo_Uchebnik_dl%28BookFi.org%29.pdf (дата обращения 11. 08. 2019).

Шумихина М.Н. Идеология и образование: вместе и навсегда, или зачем образованию нужна государственная идея // В сборнике: Университет XXI века: старые парадигмы и современные вызовы. Материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции. Редакционная коллегия: Л.А. Закс, Л.А. Мясникова, С.Д. Балмаева, Г.А. Брандт, А.В. Дроздова, С.А. Мицек, Н.В. Хмелькова. 2015. С. 402-404 / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_23942483_87186868.pdf (дата обращения 14.12.2022).

Щепёткин А.В. Применение методов стратегического менеджмента на основе концепции возрастающей отдачи в управлении политическими процессами (на примере работы по повышению политической активности молодежи в Омской области) // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2010. №6. С. 11-17. / URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17672118_13025033.pdf (дата обращения 01.12.2019).

Материалы сетевых коммуникаций

«Не нужно делать ритуальные жесты в угоду политической конъюнктуре» / URL: https://ruskline.ru/news_rl/2022/10/04/ne_nuzhno_delat_ritualnye_zhesty_v_ugodu_politicheskoi_konyunktury (дата обращения 08.08.2022).

«Учителей опять обманут» - что не так с новым единым подходом к оплате труда педагога / URL: https://dzen.ru/a/ZG90RJXCAT7QbQ9R?from_site=mail (дата обращения 26.05.2023).

25 лет эволюции российского образования История VII, в которой разъясняется, какие изменения происходят в образовании благодаря нормативно-подушевому финансированию и почему у большого учебного заведения шансов преуспеть больше / URL: <https://25.hse.ru/development/story7> (дата обращения 28.05.2023).

Автора на сцену! Привет президенту N2 от Указа N1 // Учительская газета. 10 июля 2001. №27 / URL: [N1https://ug.ru/avtora-na-szenu-privet-prezidentu-n2-ot-ukaza-n1/](https://ug.ru/avtora-na-szenu-privet-prezidentu-n2-ot-ukaza-n1/) (дата обращения 28.07.2019).

Алексей Лопатин: «Вузовские педагоги считают ЕГЭ если не абсолютным злом, то крайне вредоносной системой» / URL: https://dzen.ru/a/ZF9Dm8k6vUrSCZ2P?from_site=mail (дата обращения 18.05.2023).

В России появится «золотой стандарт» образования. 27 июня 2022 / URL: <https://edu.gov.ru/press/5392/v-rossii-poyavitsya-zolotoy-standart-obrazovaniya/> (дата обращения 10.08.2022).

Все хорошее от Болонской системы и ничего плохого: высшее образование в России на пороге перемен. 31 мая 2022 / URL: <https://www.bfm.ru/news/501216> (дата обращения 30.06.2022).

Двинский К. «У России остался последний шанс». Белоусов выступил против системных либералов / URL: https://dzen.ru/a/ZUj8auL0CB6pV_Xc?referrer_clid=3000&from_site=mail

Дембинская Н. «Уже некого набирать». Россия столкнулась с новой проблемой / URL: <https://ria.ru/20230508/trudoustroystvo-1870029905.html?ysclid=lnk42ozdsv382062138> (дата обращения 10.10.2023).

Деньги дадут больше, но не учителям / URL: https://dzen.ru/a/ZSqMWoX3ZhJ2nEkz?referrer_clid=3000&from_site=mail (дата обращения 17.10.2023).

Директор школы осмелилась и назвала при губернаторе, сколько стоит работа с одним ребёнком в час (меньше 1 рубля) / URL: https://dzen.ru/a/ZHH408gZhVpED8XZ?from_site=mail (дата обращения 28.05.2023).

Егорова В. Владимир Путин: Россия создаст суверенную систему образования от школы до вуза / URL: <https://rg.ru/2023/03/02/putin-rossiia-sozdast-suverennuiu-sistemu-obrazovaniia-ot-shkoly-do-vuza.html> (дата обращения 26.05.2023).

Ключарёв Г.А. О ходе реформ в российском образовании https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23217914_80297067.pdf (дата обращения 23.10.2021).

Козлов А., Гринкевич Д. Кадровый голод и локальная безработица: что ждет рынок труда в 2023 году. *Эксперты прогнозируют спрос на работников в промышленности и проблемы у служащих банков* / URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/01/18/959434-kadrovii-golod-i-lokalnaya-bezrabotitsa?ysclid=lnk6kd89x5655116371> (дата обращения 10.10.2023).

Ларина А. Использование ИИ станет обязательным условием получения субсидий от государства / URL: <https://news.mail.ru/politics/58729723/?frommail=1> (дата обращения 22.11.2023).

Нагрузка учителей онлайн прирастать будет – только 16% преподавателей готовы продолжать работать в школе без подработок / URL: <https://ioe.hse.ru/news/606138911.html> (дата обращения 20.11.2023).

Назаров В.П., Подберёзкин А.И., Подберёзкина О.А. Выбор наиболее эффективной политики безопасности России. Комментарий выступления В. В. Путина на Совете Безопасности России 22 ноября 2019 года / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vybor-naibolee-effektivnoy-politiki-bezopasnosti-rossii-kommentariy-vystupleniya-v-v-putina-na-sovete-bezopasnosti-rossii-22> (дата обращения 10.12.2022).

Новый бюджет на 3 года на образование в краткой выжимке. Смотрим на основные блоки изменений / URL: https://dzen.ru/a/ZS4wqhhVOxjMORdh?referrerclid=3000&from_site=mail (дата обращения 17.10.2023).

От «управляемой деградации» к диверсии: родители дали оценку реформам образования последних десятилетий, выразив недоверие ответственным чиновникам. 2 июня 2022 г. / <https://katyusha.org/obrazovanie/ot-upravlyaemoj-degradaczii-k-diversii-roditeli-dali-oczenku-reformam-obrazovaniya-poslednix-desyatiletij-vyiraziv-nedoverie-otvetstvennyim-chinovnikam.html> (дата обращения 10.11.2022).

Патронова В. О цифровом слабоумии и цифровом аутизме / URL: <https://azbyka.ru/deti/o-cifrovom-autizme-i-cifrovom-slaboumii> (дата обращения 07.06.2023).

Пахомов В. Школьные реформы: бессмысленные и беспощадные. 1 сентября 2022 / <https://topwar.ru/201080-shkolnye-reformy-bessmyslennye-i-besposhadnye.html> (дата обращения 05.06.2022).

Переход образования от традиционной школы к «цифре»: что будет с нашими детьми? / URL: <https://azbyka.ru/deti/perehod-obrazovaniya-ot-tradicionnoj-shkoly-na-cifru-cto-budet-s-nashimi-detmi> (дата обращения 07.06.2023).

Перспектива реформирования образования в России, возможность введения Единого экзамена и 12-летнего образования. 2004. Эхо Москвы / URL: <https://asmolovsky.ru/2022/10/07/perspektiva-reformirovaniya-obrazovaniya-v-rossii-vozmozhnost-vvedeniya-edinogo-ekzamena-i-12-letnego-obrazov/> (дата обращения 11.08.2022).

Поддержка педерастии, цифры и гендерной повестки: тезисы Саммита по трансформации образования ООН, под которыми подписался министр Кравцов / <https://vk.com/@riakatyusha-podderzhka-pederastii-cifry-i-gendernoi-povestki-tezisy-samm> (дата обращения 06.05.2023).

Савенкова Е. Долой «советское» образование: Греф рассказал, как надо учить детей. 06 августа 2021 г. / URL: <https://www.ridus.ru/doloy-sovetskoe-obrazovanie--gref-rasskazal-kak-nado-uchit-detej-359682.html> (дата обращения 12.10.2021).

Слаповский А. Это мы уже проходили! Чем плох проект «О традиционных ценностях». 4 февраля 2022 / URL: <https://newizv.ru/news/2022-02-04/eto-my-uzhe-prohodili-chem-ploh-proekt-o-traditsionnyh-tsennostyah-342644> (дата обращения. 23.02.2022).

Тенденции развития образования в мире и его реформы в начале XXI века / <https://sgpi.ru/user/-285/umk/СП%204.pdf> (дата обращения 02.03.2023).

Чаусов А. Грэф сделал заявление об образовании: переводим с цифрового на русский. 15 января 2021 г. / https://tsargrad.tv/articles/gref-sdelal-zajavlenie-ob-obrazovanii-perevodim-s-cifrovogo-na-russkij_314329 (дата обращения 20.01.2021).

Чернышёв Е. Министр цифрового развития: Денег на школы нет, поэтому проводится цифровизация / URL: <https://www.nakanune.ru/news/2021/05/28/22602993/> (дата обращения 07.04.2023).

Чиновники и цифровизаторы в очередной раз не спросили ни мнения родителей, ни мнения учителей / URL: https://dzen.ru/a/ZG24BP4qyks8hAK?from_site=mail (дата обращения 30.05.2023).

Что себе представляет представительная власть об образовании. 30 апреля 2023 / URL: https://dzen.ru/a/ZE563m5FmEi7AajS?from_site=mail (дата обращения 12.05.2023).

Эзрох Ю.С. Болонская система высшего образования в России: мифы и реальность / URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/bolonskaya-sistema-vysshego-obrazovaniya-v-rossii-mify-i-realnost.pdf> (дата обращения 03.03.2020).

Справочные материалы

Доклад рабочей группы президиума Государственного совета Российской Федерации по вопросам реформы образования «Образовательная политика России на современном этапе». 29 августа 2001 г. / URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21905> (дата обращения 12.01.2020).

Концепция в науке / URL: <https://spravochnick.ru/definitions/koncepciya-v-nauke/> (дата обращения 03.12.2022).

О проекте «Образование 2030» / URL: <https://fioco.ru/Contents/Item/Display/2201455> (дата обращения 19.09.2023).

Открытие года педагога и наставника / URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/70627 (дата обращения 04.03.2023).

Саммит по трансформации образования / URL: <https://www.un.org/ru/transforming-education-summit/about> ((дата обращения 06.05.2023).

Современный учитель: как нацпроект поддерживает педагогов в России. 19 февраля 2023 г. / URL: https://национальныепроекты.рф/news/sovremennyy-uchitel-kak-natsproekt-podderzhivaet-pedagogov-v-rossii?pulse_traffic=1&utm_content=All18-50&utm_medium=CPC&utm_source=MRG_Relap&utm_term=RFnews&utm_referrer=https:%2F%2Fpulse.mail.ru&utm_test=x1&utm_campaign=np_obrazovanie_site_np (дата обращения 10.03.2023).

Стратегия-2020: Новая модель роста — новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. Книга 1; под научн. ред. В.А. Мау, Я.И. Кузьмина. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. — 430 с. С. 301 / URL: https://www.hse.ru/data/2013/11/08/1282093572/Стратегия-2020_Книга%201.pdf (дата обращения 17.12.2022).

Фонд эффективной политики Глеба Павловского. Справка. [27.04.2011](https://www.permgaspi.ru/politads/files/1210.pdf) / URL: План Путина Краткий справочник-путеводитель. Раздел: Повышение эффективности демократического государства и развитие гражданского общества / URL: <https://www.permgaspi.ru/politads/files/1210.pdf> (дата обращения 21.12.2022) <https://ria.ru/20110427/368667899.html> (дата обращения 13.04.2021).